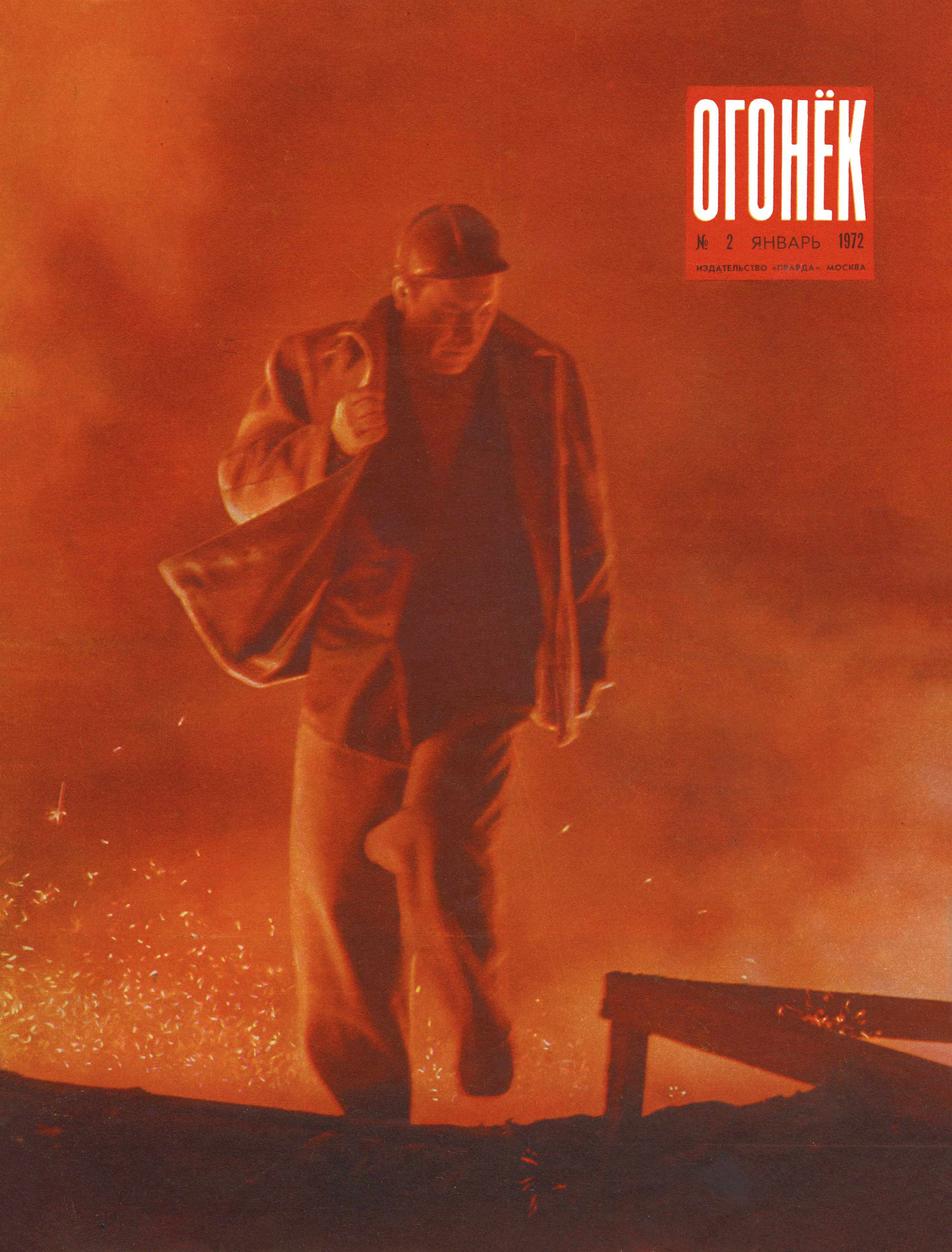

ОГОНЁК
№ 2 ЯНВАРЬ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 2 (2323)

8 ЯНВАРЯ 1972

Фото М. САВИНА.

НОВОГОДНЕЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС, ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР, СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР

СОВЕТСКОМУ НАРОДУ

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВАРИЩА Н. В. ПОДГОРНОГО ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ И РАДИО

Дорогие соотечественники, граждане Советского Союза!

Дорогие товарищи, друзья!

Пройдет несколько минут, и 1971 год уйдет в историю. Провожая его, мы тепло вспоминаем все, чем он памятен и дорог советским людям, каждому из нас, мысленно вновь обращаемся к тому, что нами пережито, пройдено, свершено.

Год 1971-й был годом XXIV съезда КПСС, наметившего ясные ориентиры на пути к упрочению мира на земле, коммунистическому расцвету нашей Родины, благосостоянию и счастью советского народа. Этот год войдет в историю как первый год девятой пятилетки, год огромного политического подъема и трудового энтузиазма масс в борьбе за осуществление планов, начертанных партией. Уверенно развивались все отрасли нашего народного хозяйства. Достигнуты новые успехи в науке и технике. Возросла экономическая и оборонная мощь Советского государства. Еще богаче и ярче стала жизнь народа. Приятно отметить, что уходящий год принес советским людям еще больший достаток, ознаменовался улучшением условий труда и быта, дальнейшим ростом образования и культуры.

Наши успехи в коммунистическом строительстве, все, чем мы располагаем и чем по праву гордимся,— это плод борьбы и труда, энергии и творчества героического рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции. Свой вклад в общее дело внесли советские женщины, наша славная молодежь, ветераны труда и войны. Бдительно охраняют мирный труд народа, завоевания социализма доблестные воины Советской Армии.

Партия, Родина гордятся вами, дорогие товарищи!

1971 год был годом дальнейшего укрепления международных позиций и авторитета нашей страны, всего социалистического содружества. Это был год активной внешнеполитической деятельности Советского государства по осуществлению Программы мира, принятой XXIV съездом КПСС. Достигнуты новые успехи в деле разрядки напряженности в Европе, общего изменения международной обстановки в пользу мира и безопасности народов.

Вместе с тем мы ясно сознаем, что сторонники военных авантюр не сложили оружия, что на пути к упрочению мира имеется немало трудностей и препятствий. Они могут быть преодолены, если будут достигнуты взаимопонимание и согласованные усилия всех государств в интересах мира.

Наши мирные инициативы находят признательность и поддержку честных людей планеты, вселяют в их сердца оптимизм, светлую веру в возможность победы над темными силами империализма и реакции, зла и безрассудства.

Дорогие товарищи, друзья!

Сейчас, когда отзвучат часы древнего Кремля, мы торжественно встретим Новый, 1972 год.

Советский народ вступает в новый год монолитно сплоченный, полный творческих сил и замыслов. Как никогда прочен испытанный многонациональный Союз Советских Социалистических Республик, пятидесятилетие которого мы будем отмечать в наступающем году, непоколебимо единство партии и народа. Мы опираемся на великие достижения и неисчерпаемые возможности нашего строя, имеем перед собой великую цель и вооружены ясной программой действий. Вот почему советские люди уверенно смотрят в будущее, преисполнены твердой решимости идти вперед курсом XXIV съезда КПСС к новым победам и свершениям во имя мира и счастья, во имя коммунизма.

В этот торжественный момент Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР сердечно поздравляют вас, дорогие товарищи, с наступающим Новым годом и желают вам хорошего здоровья, радости, больших успехов в труде и учебе.

В этот момент мы сердечно поздравляем народы братских стран социализма, шлем горячие приветствия коммунистическим и рабочим партиям, трудящимся капиталистических государств, борцам за национальное освобождение. Мы направляем наилучшие пожелания всем, кто борется против империалистического произвола, за свободу, независимость и социальный прогресс, за мир и дружбу народов.

Пусть процветает и крепнет наша любимая Родина! Пусть еще лучше, ярче и духовно богаче станет жизнь советского человека!

Да здравствует героический советский народ и его славная ленинская партия!

Да здравствует марксизм-ленинизм — знамя всех наших побед!

С Новым годом, с новым счастьем, дорогие товарищи!

ПРЕКРАТИТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ!

Владимир НИКОЛАЕВ

Снова истерзанную землю Вьетнама кромсают взрывы бомб. Эскалация преступлений американского империализма продолжается...

Масштабы американской агрессии в Индокитае поистине чудовищны. Как сообщает газета «Интернэшнл геральд трибюн», авиация США сбросила во второй мировой войне два миллиона тонн бомб. С 1965 года по 31 декабря 1971 года на землю Индокитая с самолетов США сброшено 6 миллионов 200 тысяч тонн бомб.

Эти миллионы тонн бомб приобретают еще более страшное конкретное звучание, когда мы читаем об их назначении и действии, читаем пусть даже в таких же буржуазных органах прессы, как приведенная выше газета.

«Светло-оранжевое пламя покрыло площадь в 50 ярдов шириной и три четверти мили длиной. Напалм.

— А-а-а! — закричал генерал. — Прекрасно, прекрасно! Очень изящно, ну-ка, опустимся, посмотрим, что там после нас осталось.

— Откуда вы знаете, что партизанские снайперы были именно в этом участке леса? — спросил я.

— Мы не знаем, — ответил генерал. — Просто мы видели дым. И поэтому решили сжечь весь лес!» (Из репортажа Николаса Тоумэлина «Лондон санди таймс»).

«Эта стратегическая бомбардировка... уничтожает ежедневно огромное число мирных граждан» («Нью-Йорк таймс»). «В результате наших действий на каждого убитого партизана приходится десять мирных жителей» («Ньюсуик»).

Бомбардировки густонаселенных районов ДРВ в последние дни 1971 года вписали еще одну позорную страницу в бесконечный перечень преступлений американской военщины во Вьетнаме. Арсенал убийц пополнился новым оружием массового уничтожения — бомбами «Би-эл-Ю82». Миллионы людей уже видели на своих телевизионных экранах смертоносное грибовидное облако, которое образуется в результате ее взрыва. Бомба весом в 6 780 килограммов уничтожает все живое в радиусе километра. Специалисты указывают, что взрыв такой бомбы «уступает лишь мощности ядерного взрыва».

Разбой и массовые убийства — официальная политика Вашингтона. Выступая на пресс-конференции, министр обороны США Лэйрд заявил, что Соединенные Штаты будут подвергать бомбардировкам территорию ДРВ, «когда сочтут нужным». Государственный секретарь Роджерс заявил, что в 1972 году Соединенные Штаты будут продолжать воздушную войну над Индокитаем.

Под грохот авиационных бомб во Вьетнаме загремели пропагандистские литавры в Соединенных Штатах. Монополии и Пентагон начали новую кампанию: они вытащили на свет мифическое пугало «советской угрозы», чтобы вырвать дополнительные военные ассигнования у американского конгресса. Газета «Вашингтон пост» объявила, что в США планируется на январь начало широкой пропагандистской кампании с целью убедить американцев в том, что Советский Союз ведет «усиленную гонку вооружений».

Что скрывается под этим провокационным шумом? По данным еженедельника «Ньюсуик», наметки бюджета Пентагона на 1972/73 финансовый год предусматривают общие ассигнования в размере 80 миллиардов долларов, что почти на 10 миллиардов долларов больше, чем одобренный конгрессом военный бюджет на 1971/72 финансовый год.

В атмосфере раздувания военного психоза принимаются и другие решения, угрожающие жизни людей и делу мира не только в Индокитае. Соединенные Штаты решили возобновить продажу боевых самолетов «Фантом» Израилю. Об этом заявил на днях в своем телевизионном интервью президент Никсон.

Новые злодеяния американского империализма в Индокитае совершаются сегодня при обстоятельствах весьма многозначительных: у преступника объявились союзники в лице маоистов. Характерно, что в те дни, когда вся мировая общественность выражала свой гнев по поводу варварских бомбардировок ДРВ, в Пекине не раздалось протеста против эскалации американской агрессии в Индокитае. Мировая пресса не без основания усматривает прямую связь между позицией Пекина и развертыванием бомбардировок ДРВ американской авиацией. «Позиция пекинского руководства, направленная на сближение с США, сыграла определенную роль в поощрении Пентагона на возобновление бомбардировок ДРВ» («Ан-Нида», Ливан). «Маоисты объединяют силы с американским империализмом для разделения сфер влияния в Азии и спасения американского империализма от острейшего всестороннего кризиса, в каком он когда-либо оказывался за всю свою историю» («Нью-эйдж», Индия).

Анализ современной политики США в отношении ДРВ и твердая решимость Советского Союза помогать республике в отражении любых посягательств на ее суверенитет четко выражены в Заявлении Советского правительства. Как можно увязать неоднократные сообщения Вашингтона «о свертывании американского участия» в индокитайском конфликте, о «стремлении к мирному урегулированию вьетнамской проблемы» с новой эскалацией агрессии?

Советское правительство, говорится в Заявлении, со всей серьезностью относится к опасной ситуации, складывающейся на Индокитайском полуострове. Советский народ требует немедленного прекращения американской агрессии в Индокитае. Руки прочь от Вьетнама, Лаоса и Камбоджи!

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

УЧИТЬСЯ — ПРАВО И ОБ

29 МАРТА 1923 ГОДА «ПРАВДА» СООБЩИЛА: «ПОЧТИ ПОЛОВИНА НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ, ОКОЛО 12 МИЛЛИОНОВ ЧЕЛОВЕК, НЕГРАМОТНА».

По просьбе «Огонька» корреспондент «Правды Украины» С. Литвинова попросила министра просвещения УССР, члена-корреспондента Академии наук республики Александра Мефодиевича Маринича прокомментировать это сообщение.

— Сейчас на Украине учится каждый третий. Из тысячи людей в республике почти половина с высшим и средним (полным и неполным) образованием. День первого сентября, когда звонок возвещает начало учебного года, на Украине отмечается как большой праздник просвещения. И это в республике, где еще полвека назад насчитывалось свыше десяти миллионов неграмотных!

Грандиозность свершенного отчетливее предстанет, если вспомнить прошлое. В Киевской губернии, например, в 1914 году из 420 тысяч детей 8—11-летнего возраста в школах обучалось лишь 192 тысячи. В Полтавской — вне школы оставалось 57,4 процента ребят. Среди тех, кто родился в 1888 году и ранее, на каждую тысячу приходилось всего 6 человек с высшим и 35 со средним образованием. Тяжелое наследие досталось молодому Советскому государству. В июле 1924 года правительство Украины приняло постановление о введении в республике в 1925—1926 учебных годах обязательного обучения детей, начиная с восьми лет. Сели учиться и люди в годах. Ликбез был обязателен, как прививка оспы. При жизни одного поколения было покончено с вопиющей неграмотностью населения, осуществлено восьмилетнее обязательное образование, и теперь на повестке дня — всеобщее среднее образование.

На Украине работают более 26 тысяч массовых школ, в которых без малого 8 миллионов 270 тысяч учащихся. За годы минувшей пяти-

По всей стране проходят митинги протеста против новых агрессивных акций американской военщины. Советские люди горячо поддерживают Заявление Советского правительства, в котором подчеркивается, что «Советский Союз будет и впредь оказывать необходимую помощь Демократической Республике Вьетнам в отражении любых посягательств на ее суверенитет и независимость». Рабочие, колхозники, служащие, ученые клеймят позором американских агрессоров.

На снимке: Москва. На Первом государственном подшипниковом заводе состоялся митинг протеста против новых бомбардировок американской военщиной Демократической Республики Вьетнам.

Фото ТАСС.

КОММЕНТАРИИ К БИОГРАФИИ

ЯЗАННОСТЬ

летки в республике построено около 3 тысяч 700 школ — на миллион с четвертью мест. Примерно столько же ребят отпразднуют школьное новоселье и в нынешнем пятилетии. Улучшается материально-техническое снабжение школ, перестраивается учебный процесс. В восьмой пятилетке среднее образование в различных средних учебных заведениях получили 3,7 миллиона молодых людей, из них около двух с половиной миллионов — в общеобразовательных школах. Сегодня, в век научно-технической революции, углубляется взаимосвязь школы и общества. Например, оператор животноводческого комплекса столкнется со столь сложной техникой, что без среднего образования ему трудно управлять ею и к профессиональным навыкам нужны еще высокая культура и организованность.

Это требует максимального развития интеллекта школьника, его умения самостоятельно, творчески мыслить. Исключительно велика в этом роль каждого педагога. С сознанием своей высокой ответственности трудится полумиллионная армия украинских учителей.

На снимке: Закарпатье, Свалявский район, Поляновская средняя школа. Урок ведет Терезия Ивановна Попович.

Фото Н. Козловского.

Татьяничева Л. К.

Иванов А. С.

Данилов С. П.

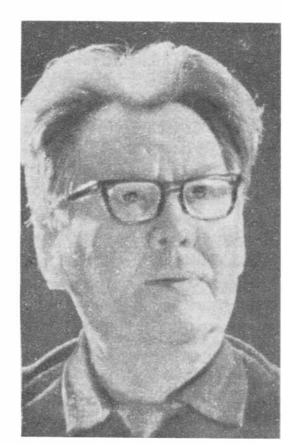
Прилежаева М. П.

Левашов В. С.

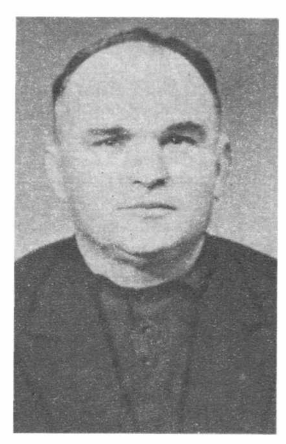
Провоторов Н. С.

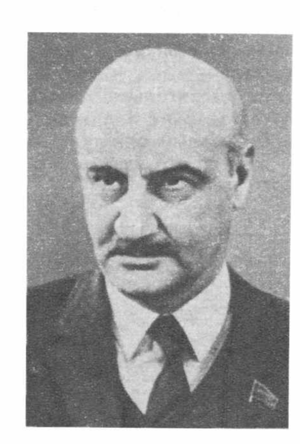
Шишигин Ф. Е.

Лактионов А. И.

Нечитайло В. К.

Кулиджанов Л. А.

СОВЕТ МИНИСТРОВ РСФСР ПРИСУДИЛ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕМИИ РСФСР 1971 ГОДА:

В области литературы — премии имени М. Горького: Татьяничевой Людмиле Константиновне, поэтессе — за книгу стихов «Зорянка»; Иванову Анатолию Степановичу, писателю — за роман «Вечный зов»; Данилову Семену Петровичу, поэту — за книги стихов «Белая ночь» и «Белый конь Манчары».

Премию имени Н. К. Крупской: Прилежаевой Марии Павловне, писательнице — за книгу «Жизнь Ленина».

Среди других лауреатов:

В области музыкального искусства — премии имени М. Глинки: Левашову Валентину Сергеевичу, художественному руководителю Государственного академического русского народного хора РСФСР имени М. Е. Пятницкого.

В области театрального искусства — премии имени К. Станиславского: Провоторову Николаю Сергеевичу, актеру Краснодарского краевого драматического театра имени М. Горького — за создание образа В. И. Ленина в спектакле «Незабываемые годы» по трилогии Н. Погодина и исполнение роли Бармина в спектакле «Человек и глобус» В. Лавреньтева; Шишигину Фирсу Ефимовичу, режиссеру — за постановку спектаклей последних лет в Ярославском академическом драматическом театре имени Ф. Г. Волкова.

В области изобразительного искусства — премии имени И. Репина: Лактионову Александру Ивановичу, художнику — за портреты: дважды Героя Советского Союза летчика-космонавта В. М. Комарова, дважды Героя Социалистического Труда Ф. Н. Петрова, Героя Социалистического Труда П. И. Воеводина; Нечитайло Василию Кирилловичу, художнику — за картины «На Красной площади», «За Советскую власть».

В области киноискусства — премии имени братьев Васильевых: Кулиджанову Льву Александровичу, режиссеру — за создание художественного фильма «Преступление и наказание».

Качество и количество. * Ярмарка полна неожиданностей. * Как торговать новинками!! * Когда придет «утро»! * На полки магазинов!

МЫ ХОТИ

БЫТ, ТОРГОВЛЯ, ЭКОНОМИКА

К. БАРЫКИН, И. ТУНКЕЛЬ,
фото авторов.

САМЫЙ большой павильон Сокольнического парка две недели был крупнейшим в стране оптовым магазином. С одной стороны его «прилавка» стояли поставщики, в том числе заводы, промышленность; в роли покупателя выступали магазины, торги, оптовые базы. Шли деловые переговоры — заключались сделки, оценивались достоинства и недостатки товаров культурно-бытового и хозяйственного обихода; то, что окружает нас в повседневности, то, что по идее мы сможем купить в 1972 году...

Мы переходим от одного ярмарочного стенда к другому. Сравниваем нынешнюю ярмарку с прошлогодней — эта, пожалуй, богаче, представительней. Чаще встречаются товары с надписью «новинка». Да и сами они стали добротнее, лучше. Эти изменения не пришли сами собой. Решения XXIV съезда КПСС, постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по обеспечению дальнейшего развития производства товаров массового спроса» раскрывают перед промышленностью и торговлей немалые возможности. И там, где с толком, умело используют их, эти возможности, уже пожинают первые плоды. Нынешняя ярмарка — еще одно тому подтверждение.

Почти возле каждого стенда мы встречались с работниками заводов. Если в прошлом году на ярмарке чаще бывали коммерческие директора предприятий, начальники отделов сбыта, то ныне, кажется, куда более заметную роль стали играть инженеры, конструкторы, руководители КБ, представители отделов технического контроля.

Почти все области и края представили новинки. Их на ярмарке многие сотни. Но, как ни странно, именно на новые (не вообще новые, а принципиально новые!) товары спрос проявился менее всего. Не сразу скажешь, в чем тут дело. Торговля побаивается новинок? Видимо, побаивается. Позапрошлогодний или прошлогодний товар уже был на прилавке, покупательское мнение о нем известно. Покупали в прошлом, видимо, пойдет и сейчас. А новое, кто знает? Такая нерешительность, отсутствие четкого прогнозирования спроса, смутное представление о запросах покупателей, отсутствие коммерческой смелости, конечно же, мешают.

Спору нет, не всякие новинки нужны. И не исключено, что они могут мертвым капиталом осесть на складах магазинов. Но ведь если не стимулировать повышенным спросом, умелой продажей в магазинах выпуск новых товаров, не поддерживать инициативу промышленности, что же получится? Из года в год на прилавках будут появляться одни и те же товары. Ну, когда дело касается платья или женского брючного костюма, тут вмешивается мода. А ложки, плошки, сковородки? 1 000 и 1 домашняя мелочь? Как быть с ними?

Об этом, о новинках вообще следует поговорить особо. Через пять — восемь лет заметная часть товарооборота должна пасть на изделия, о которых мы сегодня и не догадываемся, которые только еще создаются в конструкторских бюро и лабораториях. Они по-своему тоже будут формировать спрос, стимулировать потребность в вещах, которые пока даже неизвестны. И с этим следует считаться промышленности. В Казахстане «Актюбрентген» освоил выпуск прибора для быстрого чтения — с его помощью можно научиться читать намного быстрее обычного. По мнению конструкторов, прибор пригоден для изучения иностранных языков, для облегчения запоминания математических, физических и химических формул. Быстрое чтение находит все больше приверженцев. Конечно, спрос на такое изделие (о нем пока мало кто знает) появится только после того, как прибор попадет на прилавок и достаточно хорошо зарекомендует себя. Не спрос в данном случае рождает товар, а товар — спрос. Это одна из современных тенденций, которые, видимо, надо развивать и поддерживать.

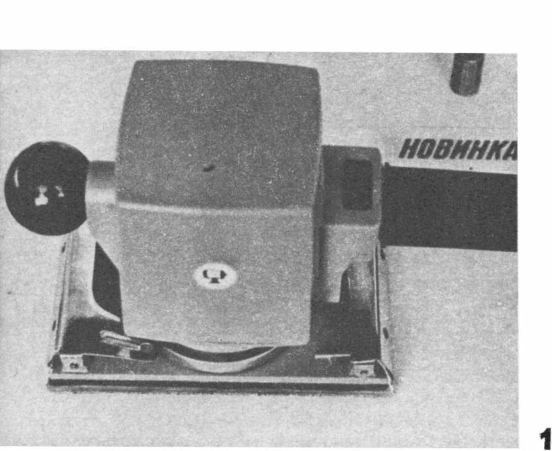
В частности, почему бы снова не открыть магазины новинок? Выпустили небольшую, опытную партию — и на прилавок ее; нравится ли, вызывает ли интерес, кто покупает, почему? Появится у новинок заботливый хозяин, и не будут приключаться с ними истории, подобные той, которую сейчас поведаем.

Произошла она с бытовым прибором, именуемым «утро». Несколько лет назад на одной из выставок впервые появился такой прибор, очищающий кухню не только от запаха приготовляемой пищи, но, что важнее, забирающий все продукты сгорания газа. Нужное изделие? Пожалуй, не меньше, чем сама газовая плита. Так и представлялось, когда прибор впервые прошумел по выставкам и таким вот, как нынешняя, оптовым ярмаркам. «Утро» в прошлые годы мы встречали не однажды и чаще всего с надписью: «опытная конструкция». Однако опыт, видимо, затягивался. Но вот «утро» под маркой новинки стало появляться и на ярмарках — и тоже в течение ряда лет. Перекочевало «утро» и на ВДНХ — и все под той же обтекаемой рубрикой: «образец». Доколе? Когда же можно будет приобрести этот прибор?

На нынешней ярмарке «утро» открывало стенды Министерства машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов. В первый день к нему прикрепили было табличку «серийный образец». Затем ее сняли и написали «опытный» и добавили: «покупайте». На седьмой день работы ярмарки возле «утра» появился красочный плакат: «Новинка! Впервые в СССР. Надплитный фильтр «утро» предлагает Челябинский завод стиральных машин». Торопитесь, дескать!.. Идем к стенду Челябинской области. Беседуем с одним, другим представителем областного управления торговли. «Мы не писали эти слова и не отвечаем за них...» Звоним в Челябинск на завод стиральных машин. Уточняем: образец действительно опытный. Сейчас готовится еще 20 таких. В 1972 году предполагаются первые серийные тысячи. Так что и на ярмарке следующего года, может, состоится встреча с «утром», которое будет оставаться недосягаемым...

Что скажет по этому поводу министр В. Н. Доенин?

Путь от образца до серии должен быть коротким. И приятно, что на ярмарке было немало изделий, быстро прошедших многотрудную дорогу от новинки до серии. Поучителен в этом отношении опыт ленинградцев. Вот хотя бы «эол» — комнатный бог ветра; теплого или прохладного, как хотите. Он может создать в ком-

1

2

3

М ЭТО КУПИТЬ!

нате нужный микроклимат, делает это лучше привычных нагревательных приборов. Такой вентилятор начали выпускать в Ленинградской области.

— Мы запланировали выпуск 20 тысяч «эолов», хотим присмотреться, как примет его торговля,— говорит заводской инженер Лариса Алексеевна Сельгис.

В первые дни работы ярмарки «эол» шел не быстро, с осторожностью. Но прошло лишь несколько дней, и все наличие новых приборов было распродано. Значит, нужен! И теперь заводу предстоит искать возможности для увеличения выпуска. Проанализировав отзывы об «эоле», Лариса Алексеевна выяснила, что будет спрос на подобный вентилятор и для автомобильного салона...

Ярмарка стала и местом соревнования товаров. И притом аналогичных — смотри, сравнивай! Далеко не все изделия по добротности и привлекательности могли соперничать с теми, что сделаны на московских или ленинградских заводах, на рижских, таллинских, киевских, минских, челябинских...

Простая в общем-то штучка — набор для специй. Изготовлен на заводе «Эталон». Ленинградцы нашли для него и форму и материал — удачное сочетание дерева и металла. Отлично смотрятся элегантные солонки. Про такие не скажешь — чертовы перечницы! А пластмассовые отмечены стандартностью формы, невыразительностью. Почему? Этот вопрос следует адресовать Министерству химической промышленности СССР. Если ленинградская новинка украсит стол, то зеленоватые, желтые, прозрачные пластмассовые солонки и перечницы отнюдь нет. Ленинградские раскупили. А пластмассовые брали с неохотой. Через год-другой от них, может, вообще откажутся.

Соревнование товаров на ярмарке со всей очевидностью подчеркнуло: на успех может рассчитывать только добротная вещь.

...В Ленинграде выпуск новых изделий, их качество, как и качество уже выпускающихся товаров широкого спроса, находится под контролем горкома партии, горисполкома, городского управления торговли. Именно поэтому ленинградцы смогли привезти на ярмарку ворох новинок, которые скоро поступят в продажу. В 1972 году ленинградцы предлагают выпустить товаров народного потребления на 100 миллионов рублей. Почти треть этой суммы — на новые товары! Может, ленинградцы находятся в каких-то особо благоприятных условиях? Едва ли! Просто они более инициативны, четче прогнозируют спрос. Конечно, нелегко определить номенклатуру наиболее нужных завтра вещей. Но проблема эта не так уж неразрешима. Вот пример: в 1975 году намечено выпустить 1 260 тысяч легковых автомобилей. Но автомобиль — это и гаражные принадлежности, и всевозможные шампуни, ремни безопасности, зеркала панорамного обзора. Химическая промышленность Литвы всерьез отнеслась к предстоящему росту производства автомобилей и запланировала производство разных изделий для автомобилистов. Туба, словно с пастой для чистки зубов,— выдавливаешь немного в радиатор, и он сам собой заваривается, если протекал; герметические пасты для резиновых прокладок на автомобильных стеклах — дождь не страшен. Разработаны специальные автомобильные клеи. Есть состав, который очищает машину от старой краски, когда владельцу захотелось ее перекрасить. Предложила промышленность Литвы «электру», небольшую, весом в четыре с половиной килограмма шлифовальную машинку: и при циклевке паркетного пола такая нужна, и стену в квартире пошлифовать ею хорошо перед покраской, да и тот же автомобиль отполировать. Литовцы уверены — на все это спрос будет.

И еще одна проблема — проблема тиражей — одна из самых острых. Могилевский завод «Электродвигатель» привез домашний токарно-шлифовальный станочек — заинтересует ли? План выпуска — 2 тысячи в 1972 году. Но уже первые покупатели — ленинградцы — забрали всю партию. Наутро руководитель конструкторской группы завода Игорь Ефимович Шуньков позвонил в Могилев: «Как быть?» К полудню с завода пришел ответ: обсудили возможности, можем увеличить первоначальный план. В итоге — более 10 тысяч проданных станков в первые дни работы ярмарки.

Еще больший интерес вызвала разработка известного рижского завода «Саркана Звайгзне» — микророллер. Не подменяя мотороллера, он все же соперничает с ним. Крохотная машинка (вес — 38 килограммов) развивает скорость до 45 километров. И предполагаемая цена доступна — около 150 рублей. Не было дня, чтобы около микророллера не собирались представители торговли. Все интересуются: когда начнете выпускать серийно? Теперь слово за дирекцией завода и руководством соответствующего главка Министерства автомобильной промышленности СССР. Пока же микророллер приобрести невозможно: он в единственном экземпляре.

Не повезло и тем, кто облюбовал «электронику» — новейшей конструкции теристорный прибор для автомобиля. «Электроника» позволяет завести машину даже в мороз, даже при севшем аккумуляторе, если у вас есть в запасе три плоских батарейки от карманного фонаря. Но теристоров выпускается очень мало. Кто в этом виноват? Конструкторы создали великолепный прибор, и надо позаботиться, чтобы он был в любом крупном автомобильном магазине. Пока же этого нет...

Тиражи, тиражи... Они стали преградой между промышленностью и торговлей, преградой на пути к потребителю. Хочется верить, что анализ уроков ярмарки поможет снять эти преграды.

1

Предложение литовцев: шлифовальная машинка.

2

Одна из многих ленинградских новинок — домашний калорифер «эол». У инженера Л. А. Сельгис есть основания быть довольной: заводская разработка пользовалась на ярмарке спросом.

3

«Вега-402» присвоен титул «приемник-72».

4

Отличный набор авторучек подготовил завод «Союз». Но тираж — считанные тысячи.

5

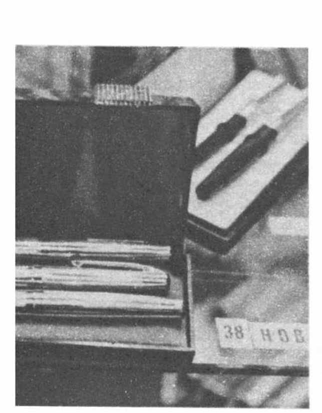
Токарно-шлифовальный станочек — могилевская новинка.

6

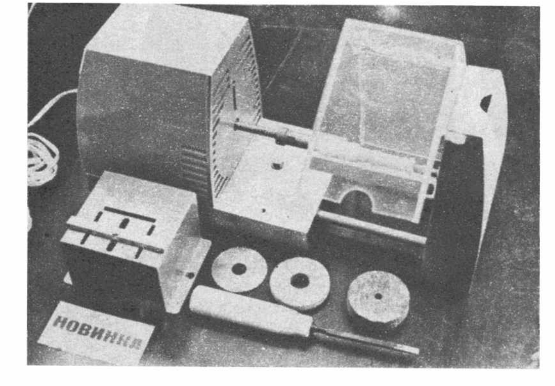
Новинки химической промышленности — все, что нужно в хозяйстве.

7

Такой прибор для специй украсит обеденный стол.

4

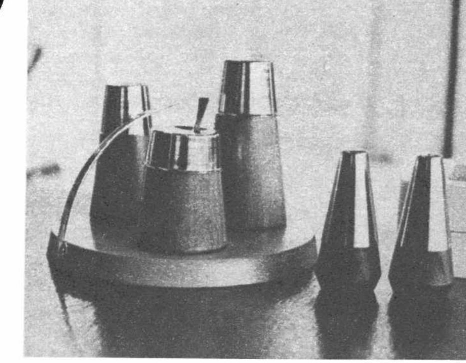

5

6

7

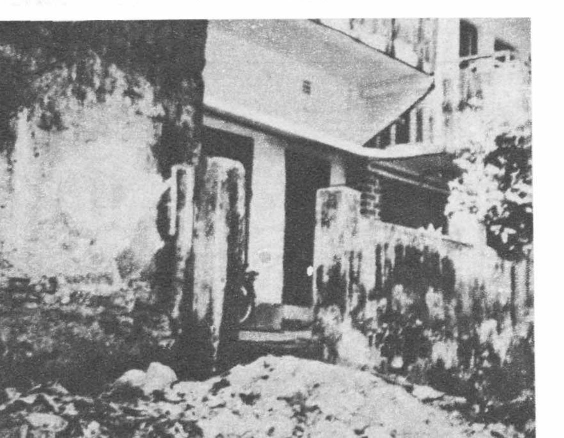

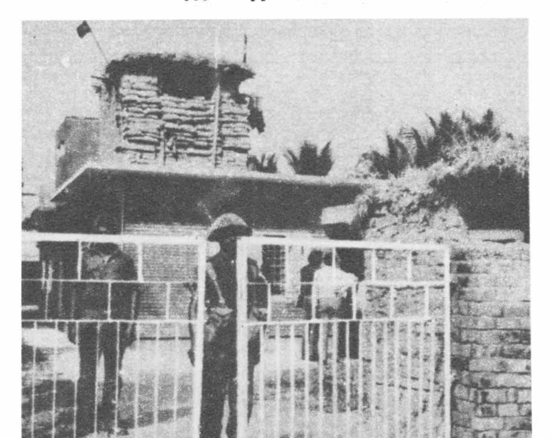
Соратники Муджибура Рахмана во главе с Анваром Чоудри (крайний справа) водружают флаг Бангла деш.

ОСВОБОЖД

Штаб-квартира партии Народная лига после налета.

В этом доме содержалась под арестом семья Муджибура Рахмана.

Жертвы палачей.

Дакка приветствует освободителей.

ЕНИЕ

РЕПОРТАЖ ИЗ ДАККИ СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «ОГОНЬКА»

Восточная Бенгалия, Дакка, улица имени Старых солдат, 58. Здесь штаб-квартира партии Народная лига.

Победа пришла на эту улицу еще в декабре 1970 года, когда народ Восточной Бенгалии отдал на выборах свои голоса партии Муджибура Рахмана, выступавшей за широкую программу экономических и социальных реформ. Разрушение и смерть захлестнули этот дом ночью 25 марта 1971 года, когда западнопакистанскими военными властями были арестованы лидеры Народной лиги. Нагрянувшие той ночью каратели разграбили, опустошили здание штаб-квартиры партии Народная лига, поломали мебель, сожгли бумаги, убили шестерых находившихся там людей.

...И вот снова победа. Под напором народно-освободительных сил «мукти бахини», поддержанных индийскими войсками, капитулировал гарнизон западнопакистанской армии. В первый же день после освобождения вернулись в дом № 58 по улице Старых солдат его прежние обитатели, ушедшие в дни кровавого террора в партизаны и в народную армию освобождения. На балконе у окна бывшего кабинета Муджибура Рахмана — его соратники во главе с вице-президентом Даккского городского комитета партии Народная лига Анваром Чоудри водрузили флаг Бангла деш — зеленое полотнище, где на красном круге золотой силуэт Восточной Бенгалии.

— У меня нет слов, достаточно ярких для того, чтобы высказать всю глубину нашей признательности Советскому Союзу за его усилия создать условия для мирного разрешения проблем Восточной Бенгалии на основе волеизъявления ее народа,— говорил нам Анвар Чоудри.

В пакистанской прессе объявлено, что принято решение освободить Муджибура Рахмана, с нетерпением ждут его и в этом похожем на крепость доме на восемнадцатой улице района Данмонди в Дакке. Этот дом был обычным жилым домом. В крепость превратили его западнопакистанские власти, содержавшие здесь под домашним арестом семью Муджибура Рахмана. Девять месяцев под охраной тюремщиков здесь жили его жена и дочери. (Сыновьям удалось уйти к партизанам.) Стремительное наступление народно-освободительных сил спасло женщин от страшной участи, которая выпала на долю многих представителей местной интеллигенции. В бессильной злобе каратели расстреляли их буквально накануне своей капитуляции. Это было не просто одно из массовых убийств, но совершенно откровенный акт геноцида. В стремлении обезглавить нацию каратели тщательно отобрали и уничтожили выдающихся представителей интеллигенции. Жертвами палачей пали в ночь с 14 на 15 декабря выдающиеся деятели науки и культуры, профессора, преподаватели университетов, врачи, писатели, журналисты. В первые дни освобождения на окраинах города в болотах, колодцах, каменных карьерах люди находили их обезображенные трупы.

Скрываясь от преследований, многие патриоты Восточной Бенгалии шли в леса. Там формировались и обучались, готовясь к решающей схватке, отряды национальных сил освобождения — «мукти бахини». Их основой стал отказавшийся служить западнопакистанской военщине восточнобенгальский полк пакистанской армии.

Вот они, солдаты этого полка, в почетном карауле. Торжественно-радостный момент возвращения в Дакку сформированного на освобожденной территории руководителями партии Народная лига правительства Бангла деш. Первые минуты пребывания на освобожденной земле родины. С этого момента город был провозглашен столицей республики Бангла деш, рожденной на территории Восточной Бенгалии.

Сотни тысяч людей вышли приветствовать освободителей на улицы Дакки. Словно по волшебству, город мгновенно расцвел зелено-красно-золотыми флагами Бангла деш. Волнующие манифестации народного ликования продолжались несколько дней. И повсюду, где бы ни возникали стихийные митинги, первое слово ораторов — был ли им политический деятель или простой житель города — было обращено в адрес Индии и Советского Союза, Советского правительства, протянувших в тяжелый для Восточной Бенгалии час руку братской дружбы ее народу.

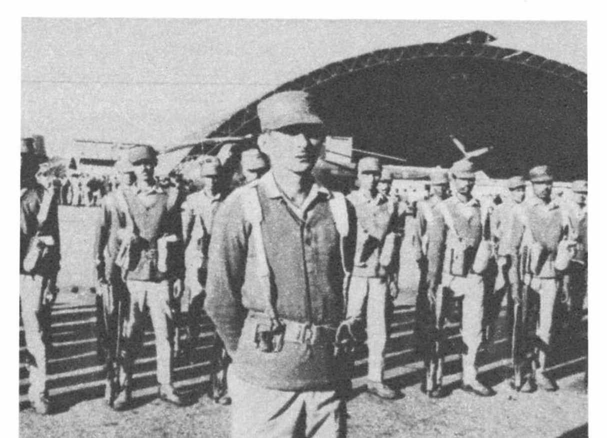

Тревожными и нелегкими были для Восточной Бенгалии и ее столицы первые дни после освобождения. По городу рыскали, огрызаясь выстрелами, разрозненные банды бывших прислужников западнопакистанских карателей полицаи-разакары. Я был свидетелем того, с каким трудом в те дни, опираясь на помощь и энтузиазм народа, новым властям удалось в течение недели вернуть страну к мирной, спокойной жизни.

Борис ГУРНОВ,
фото автора.

Дакка, январь.

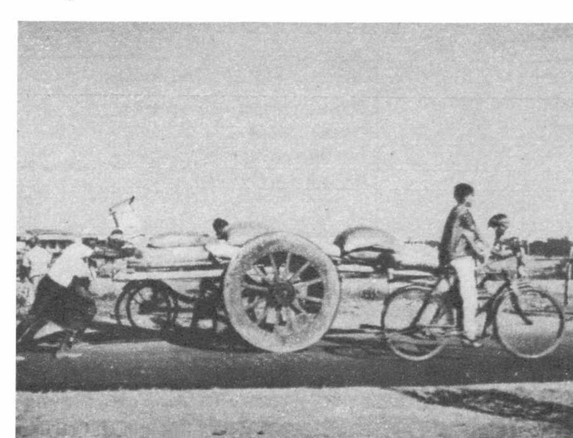
Солдаты-освободители.

В день провозглашения республики Бангла деш.

К мирной жизни.

РОДНЫЕ ДАЛИ

Ашот ГАРНАКЕРЬЯН

ОСЕННИЕ СТИХИ

Еще полны равнины света,
Но скоро выпадут дожди.
И я молю степное лето:
Не покидай нас, подожди.
Не выгорай, трава, в Задонье!
Не меркни, синева, вдали!
И пусть пасутся вольно кони
У тех костров, что мы зажгли.

Душа тепла и ласки просит,
Чтоб звезды вновь
В крови зажглись.
Не торопись, помедли, осень,
Последний летний день,
Продлись!

* * *

Песенка лета короткого спета.
В снежную зиму приснится мне лето,
И островок этот в рощах зеленых,
И на воде отраженье влюбленных,
И самодельный мосток у причала,
Там, где низовка под вечер крепчала.
Песенка лета короткого спета.
Я не заметил, как кончилось лето,
С бликами солнца на утренней сини,
С жарким дыханьем горькой полыни
И с белизной облаков легковесных,
Тех, что умчались. Куда? Неизвестно!
Песенка лета короткого спета.
Что же, прощай, мое знойное лето,
С берегом, с парусом, с легкой волною,
С небом родным над родной стороною,
С хлопаньем крыльев и с лунностью звездной...
Только не надо так сильно грустить,
Есть утешенье и в осени поздней,
Если по-трезвому все рассудить.

* * *

Где волны рушились на скалы,
Где синь без края, без конца,
Степной мне шири не хватало,
Степного духа чабреца.
Той тропки узенькой полынной,
Запруды камышовой той,
Где хриплый клекот журавлиный
Я слушал раннею весной,
Вербы, чуть согнутой над Доном,
Зари, смешавшей краски все.
И трепетания и звона
Птиц, что купаются в росе.
Стою. Дышу раскрытой грудью,
Равнины чувствую размах.
Река расплавленною ртутью
Течет в привычных берегах.
И с этой красотой неброской
Я чувствую свое родство —
С курганом и с лесной полоской,
Со всем, что к сердцу приросло.
Костер в степной дали сигналит,
Как другу, подает мне весть.
О край родной! Я синью залит,
Я звездами обсыпан весь.

* * *

Здесь скоро обнажатся
Норы лисьи,
Глубокой осени
Начнется маета.
Как будто радуга,
Скатившись с неба,
Листья
Окрасила во все
Свои цвета.
Последний свой наряд
Лесок прибрежный сбросил.
Во сне он видит
Снега белизну.
Но я люблю мою
Донскую осень,
И, может, больше,
Больше, чем весну.
Студеный блеск воды,
Как отблеск звезд падучих,
И чище зеркальца
В лугах забытый плес...
И облака ползут
Над потемневшей кручей,
Как будто тянется
Медлительный обоз.
Последний птичий крик,
Последний луч, скользнувший
По выжженной траве,
Последний гром гремит...
Осенняя печаль
В мою вольется душу,
Но боль душе моей
Она не причинит.

ПРИДОНЬЕ

Любуясь бескрайним простором
Полынных придонских степей,
Я вышел к открытому морю,
Чьи волны небес голубей.
Где бегал тушканчик трусливый
И прятался суслик в норе,
Почти черноморским разливом
Сверкает оно на заре.
Студеные чистые воды
Текут, отразив в зеркалах
Тончайших тонов переходы,
Всех красок игру и размах.
И мимо станиц обновленных
К Цимле «Маяковский» плывет.
Он, в Нетте при жизни влюбленный,
И сам воплощен в пароход.
Плывет он, огромный, плечистый,
Видавший и шторм и грозу,
Гудок его звучен басистый,
И светят каюты вовсю.
Ночами, чуть сумерки тронут
Простор, все заполнится тьмой,
В светящихся иглах Задонье
Прошито каймой золотой.
Огни и горят и сверкают,
И меркнут светила небес.
Нам эти огни посылает
Не небо — Цимлянская ГЭС.

В ДОРОГЕ

Эта дорога мне с детства знакома,
Вся до равнинных раздолий от дома,
Вся уходящая в даль луговую,
В пору закатную и зоревую.
Едешь и чувствуешь в окнах вагона
Свежесть весеннего тихого Дона.
Там, где сады увенчались цветеньем,
Дразнит волна серебристым свеченьем.
Плесы, затоны, смешение красок...
Кто-то в заливе рыбалит с баркаса,
Кто-то вдоль стежек идет травянистых,
Ноги купая в алмазах росистых.
Чуть раскричавшись, походкою важной,
Гуси торопятся к заводи влажной,
Дремлет теленок в пахучей траве,
Как на персидском разнежась ковре.
Синею краскою крашена хата,
Кобчик летит в поднебесье крылато,
Песня, берущая за душу, слышится,
Смотрится жадно, и молодо дышится.
Где-то над дальним безбрежьем степным
То ли клубится туман, то ли дым?
К рощице каждой и каждому дереву
Сам припаду я с душевным доверием.
К сердцу прижать бы мне тополь высокий,
Пить бы земли своей вешние соки,
Милая родина! Край мой, Задонье!
Ветер мне волосы гладит ладонью.

РАЗДУМЬЕ

Я почему-то в редкие минуты,
У Дона в час зари или в лесах,
Вдруг вспомню те пути, что были круты,
Тот грохот века, что стоял в ушах.
Но тишина в разливах мирных красок,
И степь безмолвная, и луг, и дол
Мне кажутся чудовищным контрастом
В той жизни, по которой я прошел.
И потому в беспечный час покоя
Я думаю, а может, снилась мне
Земля, изнемогавшая от боя,
И Керчь, и Феодосия в огне.
И, может, не меня искали бомбы,
Смерть метила не мой последний час,
Когда под Митридатом в катакомбы
Бомбежка на ночь загоняла нас.
Не я, сегодня тучный и семейный,
А тот, кто был в те дни
Горяч и юн,
В руках сжимая автомат трофейный,
Десантником входил в Камыш-Бурун,
У ног моих лежит волна спокойно,
Одаривает теплотой июль,
И ни сирен, ни залпов дальнобойных,
Ни плача, ни трассирующих пуль.
В душе и ликование и воля...
Но бой не кончен. Нет покоя нам!
Пока солдаты лейтенанта Колли
За горло душат, в клочья рвут Вьетна[м],
Безоблачны моей России дали,
И небо чисто над донской волной,
Но те, что в Надю Курченко стреляли,
Еще живут, еще не кончен бой.
Еще дороги забирают круто,
А почерк века и упрям и строг.
И нам придется все узлы распутать,
И подвести итогам всем итог.

Ростов-на-Дону.

Динмухамед Ахмедович КУНАЕВ.
К 60-летию со дня рождения.

Фотография Президиума Верховного Совета СССР.

Фото В. Яковлева.

Семен БАБАЕВСКИЙ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

Непрошеный гость

Было позднее июльское утро. Солнце поднялось выше самых рослых тополей. Возле козырьков, что возвышались над дверями, укоротились тени. На скамейках, в холодке, сидели пожилые мужчины и женщины. Вокруг царила такая тишина, какая бывает разве в сосновом бору, когда и деревья, и травы, и все живое, изнывая от жары, не шелохнется. И то, что эти пожившие и всего на своем веку повидавшие люди жили в такой тиши, что они не просто сидели от нечего делать на удобных скамейках, а отдыхали и отдыхали с каким-то необыкновенным удовольствием, как бы говорило, что жить здесь и наслаждаться покоем могут только те, кто за долгие годы вволю потрудился и теперь уже свободен от житейских обязанностей и хлопот. На них была специально сшитая одежда. На женщинах длинные, с оборками снизу, юбки, кофточки с закрытыми воротничками, белые, с каймой, косынки. На мужчинах матерчатые штаны, вобранные в шерстяные чулки, рубашки подхвачены на казачий манер тонкими наборными поясками. Белые головы прикрыты соломенными брилями и картузами. Только один старик подставил солнцу свою чуприну, давно уже ставшую и мягкой, как заячий пух, и совершенно белой, как стерильная вата. Это был гармонист дед Семен. На его высохшем личике неурожайным просом кустилась белесая бородка. Глаза выцвели, из затвердевших ушных раковин кисточками торчали волосы. Белая голова его была похожа на одуванчик. Казалось, подует ветер, и голова деда Семена станет совершенно голой. Когда-то он был бугаятником. Всю свою жизнь имел дело с бугаями. Когда они стояли в закутах-станках, Семен играл им на гармошке вальс «Амурские волны». Мордастые красавцы с короткими рогами и с кольцами в розовых ноздрях слушали, прикрыв от удовольствия глаза. «Ах, стервецы, как любят вальс! — восторгался Семен.— Ежели заиграю, к примеру, полечку или краковяк,— хмурятся, не нравится, а вальс им по душе...»

Тот самый кузнец Аким, вечер воспоминаний которого состоялся в прошлое воскресенье, грудью опирался на посох, горбил спину. Он был мудр в своей задумчивости. О чем же он думал, склонив укрытую брилем голову? Может быть, о том, что вот и пришел конец всему, что когда-то волновало и радовало; что уже никогда не вернутся ни привычное стояние у горна, ни звон наковальни, ни партизанские ночи, ни молодость с ее вечерними зорями и петушиными песнями; что уже не доведется ему ощущать на щеках тепло горящих углей, а в ноздрях — кузнечного запаха; что уже не парубковать ему и не целовать милую сердцу Фросю, давно уже ушедшую от него на кладбище.

Когда Аниса подошла и поздоровалась, мужчины с подчеркнутым удовольствием пожимали руку молодой женщины своими загрубевшими, старыми ладонями. Лица женщин расцветали в улыбках.

— Привет, Саввишна, от всего нашего общества.

— Аль пришла поглядеть, как мы туточка обитаем?

— Пусть сперва бабы ответствуют.

— А чего ответствовать? Все у нас в наглядности.

— Живем хорошо, все одно что в раю!

— Милая Аниса, ты такая молодая да пригожая, какими мы когда-то были.

— Глядим на тебя, а видим свою молодость.

— Люди на свете как живут? — рассудительно заговорил кузнец Аким.— Одни стареют, другие молодеют, а через то и кажется, что жизнь текет, как наша Кубань, беспрерывно.

— А-а! Кого я вижу! Доброго здоровья, Аниса Саввишна! Ты как, тут с народом намерена побеседовать? Или желаешь пройти в мой кабинет?

Голос знакомый, с хрипотцой — это подошел Селиверстов. На седой крупной голове, остриженной «под ежика», ни плеши, ни залысины. Широкие, мясистые плечи, затянутый брючным ремнем несколько великоватый живот придавали его коренастой фигуре начальственную солидность.

— Тесновато у меня,— говорил Селиверстов, открывая дверь в свой кабинет, где уже с трудом умещались стол и два стула.— Садись, Аниса Саввишна, за стол, а я тут... Веришь, Саввишна, сегодня хотел забежать в партком, чтоб получить от тебя указание...

— Какие указания?

— Да насчет непрошеного гостя. Всяких разговорчиков невпроворот, а указаний на сей счет пока никаких нету. Как быть?

— Где сейчас Анна Лукьяновна Воскобойникова? — не отвечая, спросила Аниса.— Она мне нужна.

— Кажется, пошла в станичную библиотеку. Что-то ей там нужно.

— Это «что-то» не для вечера воспоминаний?

— Тебе уже известно?

— Только не от тебя.

— Моя вина. Замешкался и не информировал.

— Ну, как тут люди живут?

— В общем и целом живут хорошо. Жалоб нету. Вот только меня настораживают их вечера воспоминаний.

— Что именно?

— То, что на этих вечерах разговор ведется без плана и без соответствующей подготовки,— пояснил Селиверстов.— Вспоминают обо всем, что приходит на ум, о нужном и о ненужном. К примеру, на прошедшем в позапрошлое воскресенье вечере вспоминала свою жизнь доярка Евдокия Соколова. Бабуся сильно разговорчивая. Она же была в Москве на Первом съезде колхозников.— Селиверстов понизил голос.— О Сталине рассказывала. Как встречалась, как разговаривала с ним. Сердечно, хорошо рассказывала. А надо ли? Может, необходимо было вызвать Соколову и предварительно что-то посоветовать, что-то подсказать?

— Ничего не надо ни советовать, ни регламентировать,— сказала Аниса.— Пусть вспоминают все то, что было в жизни и чему были свидетелями и очевидцами.

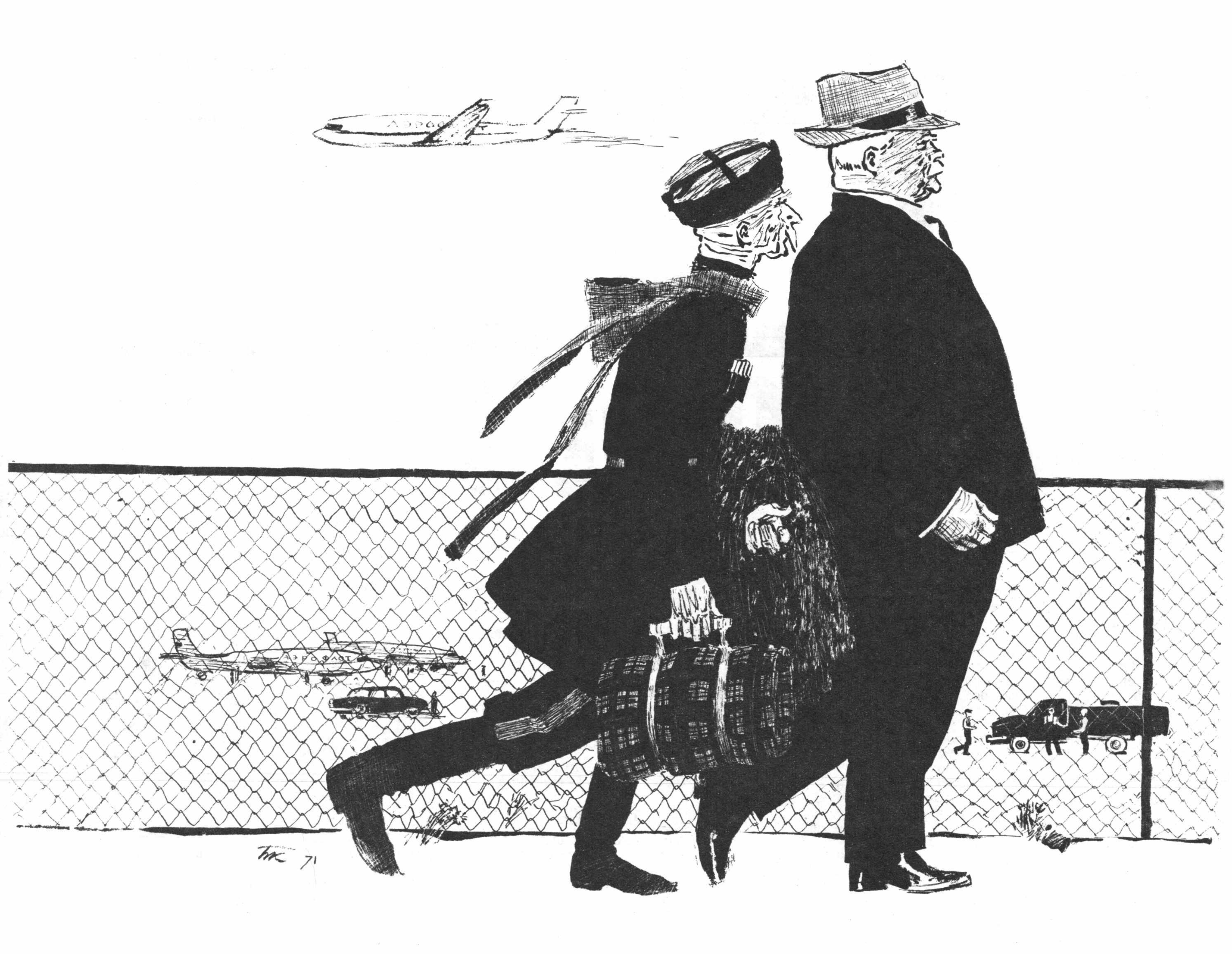
— Согласись, Аниса Саввишна, что жильцы у меня, честно говоря, такой народец, какого я отродясь еще не знавал,— продолжал Селиверстов.— Люди старые и со своими повадками. Не пойму, или такими их сделали преклонные годочки, или то обстоятельство, что бабуси и дедуси живут на всем готовом, как при полном коммунизме. Веришь, Саввишна, всякими людьми руководил, а такими, как зараз, еще не приходилось. Честно говоря, даже я, такой опытный практик, а и то иногда становлюсь в тупик.

— О чем ты еще?

— Игнорируют телевизор — это раз. Сон на них наваливается, и тут, на креслах и на диване, они засыпают. Старуху Орешникову по ночам одолевали всякие думки, и через это она не могла уснуть. Раза два посадил ее перед экраном, и бессонницу как рукой сняло.

Селиверстов помолчал, думал и ждал, что же скажет Аниса. А она все так же груст-

Глава из романа «Современники»; полностью будет печататься в журнале «Октябрь».

но смотрела на директора пансионата и ничего не говорила.

— Или такой вопрос, как вежливость,— это два,— с еще большим желанием продолжал Селиверстов.— Люди простые, сказать, от земли, и откуда все это у них взялось? Чуть что — «извиняюсь», «простите» и тому подобная культурность. А за обеденным столом? «Кушайте, пожалуйста...» «Возьмите, прошу вас, этот кусочек...» Разговаривают с кроликами и курами, а также с предметами неодушевленными, как-то: с цветами, с ягодами, с редиской. Или взять имена — это три. Люди старые, почтенные, а зовут друг друга не по имени-отчеству, а ласкательно. Не Корней Иванович, а Корнюша. Не Анна Лукьяновна, а Анечка. Бугаятник Семен Лазаренко у них Сёма. Кузнец Аким — Акимушка. Есть у нас Акулина Петровна Большакова, бывшая доярка. Ей уже давно за восемьдесят. Так ее, веришь, зовут Юленькой. Какая же она Юленька, когда она всю жизнь была Акулиной? Смех, честное слово! Даже меня называют Никиткой. Это что ж такое?..

Аниса уже давно не слушала Селиверстова. Она думала о том, как бы ей повидаться и поговорить с бабкой Воскобойниковой.

— Пойдем, посмотрим жилье Анны Лукьяновны. Говорят, комната у нее красиво убрана?

— Чистота и красивость имеются во всех комнатах. Но Анна Лукьяновна, верно, показывает в этом наглядный пример. На базаре в Усть-Калитвинской купила настенный коврик расписной и на нем развесила награды.

Ни одна дверь не имела замка. В свое время, когда здание строили, замки в дверях, как и полагается, были вставлены. Но ими не пользовались, и ключи от них давно утеряны.

— Закрываться на замки у нас не в моде,— сказал Селиверстов, открывая дверь.— Вот тут и живет наша старая большевичка Анна Лукьяновна. Погляди, какая красота!

От порога до окна лежала ковровая дорожка. Кровать на пружинной сетке. Старинное цветное покрывало сохранилось, наверное, еще с девических времен. Напушенная, с острым углом подушка, и на ней кружевная накидка. Столик покрыт скатертью. Два стула. На окне — зеленая шторка из живых цветов: кустились в горшках, поднимались по лесенкам. Листья заслоняли почти все окно, отчего свет в комнате казался зеленоватым. К стеклу липли цветочки: и белые, и желтые, под цвет воска, и красные, как угольки.

Над кроватью — фиолетовое озеро с лебедями, гнутые шеи которых были похожи на самоварные трубы. Такие изделия, расписанные на клеенке анонимными мастерами кисти, с непременными озерами и лебедями, а то и осанистыми девицами, у которых рыбьи хвосты и задумчивые глаза, к сожалению, еще имеют спрос на станичных базарах. Но Аниса не могла понять, зачем же на этих ковриках развешивать награды. А сколько их, орденов и медалей! Не счесть! На груди у самого отважного генерала и то их, наверное, меньше.

— Я уже давал Воскобойниковой указание, что надлежащее место ее наградам на груди и нечего их подвешивать к лебедям,— как бы оправдываясь, сказал Селиверстов.— А Анна Лукьяновна говорит, что в наградах вся ее жизнь и что пусть они всегда находятся перед ее очами. Лежу, говорит, на кровати, смотрю на награды и по ним вижу, где и что было в моей жизни, как жила, как трудилась... Может, вызвать ее на партбюро и дать нужные указания по партийной линии?

— Никаких указаний давать не надо. Кажется, Анна Лукьяновна собиралась уезжать к сестре в Армавир?

— Было у нее такое намерение. А что?

— Пусть бы уступила свою комнату. Для нового жильца. Как? Уступит?

— Трудное это дело. Впущать в ее гнездо иностранца и все тут разорять? Нехорошо получится...

— Как же быть? Куда его пристроить?

— А ежели определить в изолятор? Медицина может запротестовать. Но пусть правление даст мне указание, и все будет в полном соответствии. Изолятор — место очень подходящее. Там есть кровать и все прочее. И находится он в самом конце коридора. Тут же, рядом с Воскобойниковой, проживает Колыханов. И ежели с ним рядом поселить Евсея Застрожного... А изолятор все одно пустует, больных у нас нету. Так как, Саввишна?

— Да, ты прав, это выход из положения,— ответила Аниса.— Пойдем посмотрим изолятор.

И они направились в конец коридора.

* * *

Самолет блеснул скошенным крылом и так легко, так плавно коснулся посадочной полосы, точно опустился не на бетонку, а на туго натянутое над полем полотнище. Покачивая крыльями, он спешил к вокзалу, и приглушенные его моторы как бы говорили, что они ничуть не уморились и что уже готовы снова подняться в небо, но что непременно надо подбежать к вокзалу и оставить там прилетевших пассажиров.

Живо, услужливо подкатила лестница, и сразу же распахнулась полукруглая дверь. Из нее потянулись люди, прикрывая ладонями глаза и щурясь от обильного света. Еще на лестнице среди пассажиров Петр Игнатьевич Застрожный отличил одного усатого старичка в казачьем одеянии. Он сходил не спеша, держась за поручни, посматривая то на здание вокзала, то на столпившихся за железной изгородью людей, то на высокое кубанское небо, а лицо его выражало и радость и тревогу.

На старике были поношенные сапоги с узкими голенищами, старенькая черкеска и бешмет, застегнутый на все крючки. На голове мостилась поживівшая и всего повидавшая кубанка с рыжим, вылинявшим верхом. За спиной повис башлык, так выгоревший на солнце и вымокший под дождями, что давно уже потерял свой синий цвет. С виду этот поджарый, одетый во все казачье пассажир сошел бы за танцора из кубанского ансамбля песни и пляски, который после концерта торопился на самолет и не успел ни переодеться, ни даже отклеить усы.

Сойдя с лестницы, он снял кубанку, оголив желтый череп, и тут же, как подкошенный, рухнул на вытоптанную травку. На него смотрели и не понимали, что с ним. Может, укачало? Может, заболел? А он, ни на кого не глядя, крестился и кланялся. После каждого поклона припадал к запыленной травке, целовал ее, и слезы катились по щекам. И хотя старичок с башлыком за плечами все еще походил на танцора, а вернее, на актера, которому вдруг вздумалось показать, как он умеет натурально гримироваться и играть, Петр Игнатьевич теперь уже не сомневался, что стоявший на коленях казак был его однофамилец. Петр Игнатьевич понимал, что надо подойти к старику и что-то ему сказать, и не мог на это решиться. Как подойти? Что сказать?

И все же хотя и в нерешительности, но Петр Игнатьевич приблизился к усатому казаку, все еще стоявшему на коленях, и вежливо спросил:

— Дедусь, случайно не Застрожным будешь?

— Так точно! — четко, по-военному отрапортовал старик, вставая и смахивая с усов прилипшие крошки земли.— Застрожный Евсей Фотиевич!

— Так что с прибытием, приятель. А чего припал к земле?

— Так ить родная же!

— Да помнит ли она родство?

— Должна помнить.

— Ну, поедем, приятель.

— А куда? — испуганно спросил Евсей.

— Известно, в Вишняковскую. Вещички твои в багаже?

— Все тут, при мне. Бурка да вот этот баульчик.

— Что ж так? Или там, на чужбине, ничего не нажил?

— Не довелось... А ты кто будешь? — И слезливые глазки без ресниц насторожились.— И чего здеся?

— Тебя встречаю. Сам я колхозный пасечник. Тоже Застрожный. Петр Игнатьевич.

— Петро Застрожный? Случаем, не родак мой?

— Однофамильцы мы... На Кубани-то Застрожных много.

Петр и Евсей Застрожные сидели молча, точно прислушиваясь к убаюкивающему, как шум мельничного жернова, шуршанию колес. Может, они молчали потому, что не знали, о чем им следовало вести разговор? Евсей Застрожный гнул спину и искоса поглядывал на поля. Пшеница и пшеница, ей не было ни конца, ни начала, казалось, что это царство колосьев раскинулось до горизонта, и куда ни посмотри, летняя страда была в самом разгаре. Повсюду ровные пояса валков тянулись по стерне. Небо высокое и синее-синее. Земля дышала теплом, ни ветерка, ни холодка от тучки — знойно уже с утра. Шли комбайны, один за другим. Опущены подборщики. По парусам, как по неширокой речке, плыли и плыли колосья. Над соломотрясами курчавился рыжий дымок. Моторы пели хором, грузовики шумно, с ветром обгоняли «Волгу», и проносились они с такой силой, что набухал брезент, прикрывавший в кузове зерно. Зерно всюду. Крупное, наливное, не зерно, а россыпи червонного золота.

— Хлеб насущный... Сколько хлеба,— тихо, как бы сам себе, сказал Евсей.— Чье же это добро?

— Наше,— ответил Петр Игнатьевич.— Вишняковского колхоза «Эльбрус».

— А чьи машины?

— Тоже наши.

— Много их?

— Да немало.

— Большая у вас тут машинация!

— Может, не машинация, а механизация?

— У нас говорят — машинация.

— Где это у вас? В Америке?

Евсей не ответил. Снова наступило молчание, и длилось оно долго. Петр Игнатьевич присматривался к своему однофамильцу. Лицо у него не то что старое, а измученное, худое и болезненное. Пасечника удивляло и то, что в этом поджаром старикашке было что-то неприятное и отталкивающее. И хотя Евсей старательно приоделся в казачью одежонку, видимо, желая внешним своим видом показать, что он свой, а все равно ничего ни своего, ни родного в нем не было. Поношенная кубанка с желтым верхом была ему не к лицу, раскинутый на спине башлык — лишним и смешным. Отращенные на запорожский манер усы ничего не меняли и лишь выражали все ту же отчужденность. Даже запах от него исходил какой-то странный.

— Ты что, дружище, так разрядился? — спросил пасечник.

— А что? Рази нельзя?

— Не то что нельзя, а жарко. Да и вообще ни к чему. Или захотел посмешить людей?

— Разве казачье уже не носят?

— Давно перестали носить.

— А как же казаки обходятся?

— Да и казаков уже нету.

— А кто же есть?

— Люди. Советские.

* * *

Вишняковскую Евсей не узнал и этим был немало удивлен. Может быть, не узнал родную станицу потому, что по улице ехали слишком быстро и что из оконца «Волги» трудно было что-либо хорошенько рассмотреть? А может, привезли Евсея совсем в другую станицу? Так, смеха ради. Поэтому и ничего знакомого перед глазами не было. Видел тротуары, обсаженные молодыми тополями и устланные асфальтом. Откуда же в Вишняковской и тротуары и асфальт? Ничего же этого не было. И стояли дома, высокие, иные в два этажа, похожие на городские. Евсей смотрел на незнакомое поселение и лишь тревожно поводил глазами.

— Это что же, Вишняковская? — наконец спросил он.

— Она. Самая настоящая.

— А где же та круча, что висела над Кубанью?

— Есть и круча. Все есть.

— А где тот могильный курган, что сторожил въезд в станицу? Может, раскопали и сровняли с землей?

— Стоит курган, как стоял. Только въезд в станицу теперь другой.

«Все есть, а ничего не вижу,— грустно думал Евсей.— Где станичная площадь? Помню, на этой площади по воскресеньям мы с Мефодием устраивали джигитовку и рубку лозы. Лихость свою показывали. Нету площади. А где родительское подворье? Нету и подворья. Нет, это не Вишняковская. Это же совсем другая станица. Вижу, мой провожатый морочит мне голову...»

Тем временем «Волга» вкатилась в широкие ворота и остановилась. И снова Евсей подумал о том, что в Вишняковской не было ни таких широких тесовых ворот, ни такого просторного двора, ни такого красивого здания с подъездами и с палисадниками. И что за люди тут живут? И почему только одни пожилые? И чего они собрались у дверей?

— Вот мы и приехали,— сказал Петр Игнатьевич, открыв дверку и помогая Евсею выбраться из машины.— Бери свое имущество и пойдем.

Он проводил разодетого в казачью форму гостя мимо тех старых людей, которые стояли возле дверей. Когда Застрожные прошли по пустому коридору и попали в светлую и чистенькую комнату с кроватью и столиком, Евсей тяжело вздохнул и спросил:

— Что же это тут такое? Готель?

— Пансионат. Проще сказать, дом-приют для престарелых колхозников,— ответил Петр Игнатьевич.— Поживешь тут, со своими ровесниками. Потом, когда обживешься, малость оглядишься, может, устроишься как-то иначе. А мне пора. Меня ждет пасека.

И ушел.

Первые минуты, когда Евсей остался один в этой чужой комнате, как в келье, и когда странная, непривычная тишина вдруг сомкнулась вокруг, показались ему минутами самыми страшными. Охватили тоска и уныние, и он, стоя у окна и ничего не видя, думал о том, что сюда, в это похожее на гостиницу здание, привезли его, Евсея Застрожного, не как человека, а как кота в мешке. Вытряхнули, и он, одинокий и беспомощный, стоял никому не нужный, не зная, где находится и что ему надлежало делать. Все так же бесцельно глядя в окно, Евсей простоял час или два — точно не помнит. И когда ноги его уже не в силах были стоять, он, не раздеваясь и не снимая сапог, повалился на койку и сразу же погрузился в сон, тяжелый и тревожный.

Разбудила молодая женщина в белом халате. На Евсея смотрела не то со страхом, не то с сожалением. Спросила, почему он такой тоскливый. Не болен ли? И тут же с упреком сказала, что на кровать с сапогами ложиться нельзя. Она принесла обед. Накрыла столик белой скатертью. Поставила борщ в металлическом супнике, горячий и пахнущий укропом. В тарелке котлеты с жареной картошкой, свежий огурчик. В стакане компот. Хлеб в небольшом сите. Белый и мягкий. Уже вечерело. В окно заползали сумерки, и женщина зажгла свет.

— Сколько же я проспал? — спросил Евсей, подсаживаясь к столу.

— Много спали, оттого и с обедом я задержалась.

Молодая женщина показала умывальник и душ. Сказала, каким мылом и полотенцем пользоваться, и ушла. Когда уже стемнело, Евсей погасил свет и распахнул окно. Душно, тяжело дышать. Стоял и смотрел на лес, что темнел за Кубанью. Думал: в темноте избавится от мысли о Колыханове. А она, эта пугающая мысль, еще настойчивее лезла в голову. Вот и совсем стемнело. Из-за леса, как из-за ширмы, выкатилась луница. Огромная и красная, будто ее только что вынули из горна. Лес заполыхал пожаром. Поплыла над станицей ночь, светлая и теплая, с запахами сена и цветов.

Такие ночи радуют, и бывают они, Евсей это знает, только в Вишняковской и только в июле. Порадоваться бы и Евсею так, как радовался он в молодости. Порадоваться и тому, что все ж таки добрался до Вишняковской. Все ж таки сбылась его мечта. Вот и луна смотрит в лицо, все такая же веселая, какую он знал: она-то, луна, в эмигра-

ции не была! И привычная ночь и знакомые запахи, а в груди сосущая боль. Луна уже оторвалась от леса и заглянула в темное окно. Видела луна усатое лицо, бледное, горестное, и дивилась тому, что не могла понять, кто же он, этот усач, и почему в его глазах такая тоска.

То ли в лесу за Кубанью, то ли где-то в бледном небе, а может, и в станице вдруг родилась старинная казачья песня, протяжная и напевная. И оттого, что была она знакома с детства и что давным-давно, казалось, была забыта, а теперь отыскалась, песня эта принесла Евсею щемящую боль.

* * *

Та песня, что так неожиданно возникла в лунной тиши, точно бы взяла Евсея на свои легкие крылья и унесла из мира реального в ту далекую жизнь, которая, как ему казалось, навсегда была им утрачена. Как же, оказывается, сильна песня, если она смогла воскресить былое. Вот он, Евсей, молод и полон сил, стоит на станичной улице, а вокруг все свое, родное и близкое. И еще не было ни боя под Надзорным, ни смерти отца и брата, ни вылетевшего из седла Колыханова, ни тех сорока лет, что прожиты в разлуке с родной станицей. Осталась, какой и была, эта месячная, пахнущая сеном и залитая светом ночь, красивая и таинственная. Какой была, такой и осталась эта будоражащая душу песня со словами: «Как за речкой, за Кубанушкой...» И как звенели прежде, так и звенят теперь высокие и слаженные женские голоса. И так же, как бывало и раньше, то оживая, то затихая, они плыли и плыли в лунном сиянии. Только почему же сосущая боль с такой силой вцепилась в грудь? И росла она, эта цепкая боль, набухала. Оттого и пересохло в горле, и Евсей, уже не в силах держаться на ногах, склонился на подоконник и заплакал. Плакал навзрыд и долго, ибо понял, что ни месячная ночь, ни старинная казачья песня уже не могут возвратить былое и заслонить собой ту реальную жизнь, в которой он жил.

Только наплакавшись вволю, Евсей с трудом поднял голову и облегченно вздохнул. Тыльной стороной ладони вытер глаза, щеки, усы, шмыгая, как простуженный. А месяц уже гулял высоко в небе, и ему не было никакого дела до того, что кто-то плачет, страдает, а кто-то смеется и поет песни.

Песня, месячная ночь своего добились. Евсею стало легче. Его потянуло на улицу, к тому голосистому хору, что звучал где-то совсем близко, и потянуло с такой силой, что наш репатриант взял кубанку и поспешил из дома. Высокие тесовые ворота были закрыты. Перед калиткой стоял сторож. Он поднял руку и, зевая, сказал:

— Куда? Время позднее — пора спать!

Евсей вернулся. Снова стоял перед окном, и снова мучительно-тревожно вливались в его душу все те же голоса. Песня звенела и звала, и Евсей сперва лег животом на подоконник, а потом перекрестился и свалился на землю. Но вот беда — не рассчитал, упал и ушиб ногу. Хромая и прячась в тени то плетня, то под деревьями, Евсей незаметно, по-воровски пробрался в огород, а там через сад вышел на какую-то неказистую улочку.

Очутившись на этой улочке, тихой и совершенно безлюдной, Евсей огляделся, хотел определить, где же он находится и как ему отсюда пройти на площадь. Идти на песенные голоса не решился, потому что они, как эхом, отзывались почему-то совсем, как ему казалось, не там, где должна быть станичная площадь: или в степи, или за Кубанью. «Только в какой же стороне лежит степь и в каком месте течет Кубань? — думал Евсей.— Вот так чудо! В родной станице заблудился. Стою, как пришелец, а куда податься, не ведаю. Попасть бы сперва на площадь или выйти к берегу, а там я уже разобрался бы... Но где площадь и где берег?»

Однако не стоять же здесь до утра! И Евсей пошел все же в ту сторону, откуда доносилась песня. Проходил мимо чужих ворот и чужих калиток. Поглядывал на чужие хаты с крылечками и с сонными окнами, в которых отсвечивала луна. Заглядывал в озаренные дымчатым светом дворы. Диву давался, потому что дворы были пусты и совсем не похожи на крестьянские. Подметены, опрятны. Даже с цветниками и с клумбочками перед порогами. И ни брички с ярмом и с поднятым дышлом, ни конских яслей, ни конюшен, ни скотиньего база. А о плугах и бороне говорить нечего — нет их и в помине. А вот собаки во дворах, как и полагается, были. Евсей облегченно вздохнул. «Все ж таки хоть собаки сохранились, и то хорошо». Правда, собаки были не такие кудлатые и не такие злющие, какие раньше водились по всей Вишняковской. Это были собаки добрые, уважительные и ленивые. Услышав шаги, они нехотя, с трудом просыпались. Цепями не гремели, потому что жили без привязи. Лаяли сонно, без особого желания, точно говоря: «И кто это нас потревожил? И кому это вздумалось проходить возле наших дворов? Можно было бы нам и не просыпаться, да нельзя. Надо проснуться и побрехать, так, для блезиру, ведь это же наши собачьи обязанности».

Улочка вывела Евсея на просторную и длиннющую станичную улицу — не видно ей ни начала, ни конца. Евсей торопился, прибавлял шаг, а вслед ему слышался скучный собачий брех. Но где же конец этой улицы? Евсей шел долго и вдруг увидел не то переулок, тесный и совершенно темный, не то тоннель, укрытый деревьями. Ветки навалились с обеих сторон и так надежно, что образовали что-то похожее на заброшенную просеку в густом лесу. Она-то и привела нашего гостя к фонарям, которые поднимались к небу на согнутых дугами столбах. Четырьмя рядами уходили они в глубь не то площади, засаженной деревьями, не то парка. Там, под высоким блестящим козырьком, полыхало зарево. Евсея обрадовали не фонари и не блестящий козырек, а то, что теперь песня звучала рядом. Когда же Евсей, еще больше ускоряя шаги, подошел поближе, голоса вдруг смолкли. Прошумели аплодисменты, и от блестящего козырька повалила толпа. Шумно разговаривая и смеясь, люди двигались на Евсея. Он отошел к дереву. Люди проходили мимо, и никто даже не взглянул на Евсея. Только два парня подошли к нему, и один из них сказал:

— Погляди, Андрей, какой шикарный казачишка! И откуда заявился такой нарядный?

— Разве не видно, откуда? Из хора!

— Неужели? Что-то в хоре не заметил я такого?

— Эй, дедусь! Ты из хора? Чего прячешься?

Евсей не ответил. Ушел от греха. Вскоре и тут стало безлюдно и тихо. Погасли фонари на гнутых столбах. Потемнел козырек. Евсей прошел по аллее и снова очутился на улице. Тут он понял, что заблудился. Теперь он даже не знал, как ему отсюда попасть в пансионат. «Какая же это родная станица, коли ничего в ней не разберешь?» — с горечью думал Евсей. И все же он не терял надежду отыскать не только площадь, но и свой дом. Помнит, на площади стоял собор с высоченной колокольней из белого камня. Колокольня была так высока, что ее видели отовсюду, и в лунную ночь ее крест вспыхивал жарким пламенем.

Ни собора, ни колокольни, как на беду, не было видно. Евсей опять брел мимо все таких же чистеньких, без бричек и без базов, дворов. «Надо мне выйти на кубанскую кручу,— думал он, шагая по улице.— Помню, круча была отвесная, глиняная. Внизу плескалась Кубань. Вот оттуда, от кручи, можно без труда отыскать наш дом, а там и до площади совсем близко. Но где же она, эта кубанская круча? И спросить не у кого. Все спят, а я, как дурень, шаблаюсь. Уже и собаки на меня не лают. Петухи просыпаются, наверно, скоро начнет рассветать...»

Неожиданно он подошел к круче. Точно: отвесная и из глины. Но внизу не было Кубани. Расстилалась просторная пойма, и по ней то отсвечивали сталью капустные листья, то блестели ручейки. Вдали темнел не то курень, не то копна сена. «Может, это совсем не та круча, какую я ищу? Нет же под кручей Кубани»,— сокрушенно думал Евсей.

Ночное хождение кончилось тем, что Евсей опустился в пойму, отыскал там копенку, улегся под ней и уснул. Казалось, что спал мало, а уже кто-то толкал в плечо. Евсей стряхнул с себя траву, огляделся. Солнце поднялось из-за леса и слепило глаза. Мигая мокрыми ресницами, Евсей испуганно смотрел на стройного, подтянутого милиционера, еще толком не понимая, где он находится и что с ним.

— Гражданин Застрожный? — спросил милиционер.

— Так точно! Я возвращенец, Евсей Фотиевич Застрожный.

— Как вы сюда попали?

— Заблудился.

— В родной-то станице?

— Все тут как-то перевернулось. А еще ночью...

— Ну, вставайте, гражданин хороший! И запомните: нельзя самовольничать. Окна в пансионате, как известно, существуют не для того, чтобы из них выпрыгивать. Да и года у вас, вижу, не те, чтобы показывать свою прыгучесть. А если бы разбились? Кто в ответе? На будущее, папаша, чтоб такое безобразие не повторялось. Пойдемте в пансионат. Пора завтракать...

Когда по пути в пансионат, крупно шагая, милиционер искоса взглянул на семенившего с ним рядом Евсея, в нем шевельнулась странная жалость к этому старому и забитому человеку. И в мелких, подпрыгивающих шагах Евсея, и в его поношенной, старомодной казачьей одежонке, и в пугливых, постоянно слезящихся глазах жило что-то и смешное и унизительное.

— Дедусь, идите нормально. Не надо подпрыгивать.

— Ноги мои широко ступать не могут, старые уже...

— А вы шагайте не широко, но спокойно.

— Буду стараться.

— Что, дедусь, или помирать приехали в родную станицу?

— Да выходит, что так.

— Отчего там, на чужбине, так заплошали? — участливо спросил милиционер, сбавляя шаг.— Или плохо жилось?

— Жил так, как приходилось.

— Почему не разбогатели? Говорят, в Америке или в Канаде это делается легко и просто. Каждый, кто пожелает, может стать богачом? А вы вернулись нищим.

— Не сумел нажить капитала.

— Может, золотишко прячете в потайных карманах? Или доллары?

— Оно, золотишко, меня чуралось. И доллары тоже.

— Что так?

— Чтоб было понятливее, я приведу пример. Помню, когда-то в станице была такая ребячья игра: куча мала без верха,— сказал Евсей, снова засеменив ногами.— Кидались, бывало, все в одну кучу, и кто оказывался наверху, тому было хорошо, а кто попадал на самый низ, тому приходилось туго... Вот и там, на чужбине, в моей жизни была эта самая куча мала без верха, и завсегда я находился на самом дне. Все на меня наваливались, а я лежал да стонал...

— И все же чем занимались? Где работали?

— Батраковал. Поначалу в Германии, потом у французов, а все последние годы в Мексике. Гнул хребтину, здоровье изгубил...

— Как же обходились там с языком?

— Кое-как по-ихнему калякал. Трудно было...

— Что думаете делать в станице?

— Про то, как буду жить и что делать, сам еще ничего не ведаю... Не знаю, как я тут приживусь.

— Почти пятьдесят годов странствий,— рассудительно заключил милиционер.— И какой печальный конец!

Евсей ничего не сказал и, боясь отстать, снова заспешил своими мелкими, подплясывающими шажками.

ЗА ЧТО УВАЖАЮТ ЧЕЛОВЕКА...

НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВИЧ

Н. БЫКОВ

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

На первой странице обложки этого номера «Огонька» — доменный мастер Николай Дмитриевич Рассказов, человек в Донбассе известный. В Макеевке, городе металлургов и шахтеров, о Рассказове говорят:

— Ой, да кто ж его не знает!..

— Любого спросите, каждый назовет непременно его, Николая Дмитриевича...

Николай Дмитриевич Рассказов — металлург с двадцатилетним стажем. Был чернорабочим и подручным, потом выше, выше поднимался по лестничке металлургической иерархии, теперь он мастер в доменном цехе ордена Ленина металлургического завода имени С. М. Кирова. И вправду, кого ни спросишь — в гостинице ли («И вы к Рассказову?»), в горкоме ли, на заводе,— знают Рассказова в Макеевке. Уважают его.

«Уважаемый человек!..» А что это значит? И какой он, этот человек, чем он особенный, за что его уважают в нашем рабочем городе, в наше время? Кто же и ответит лучше на такой вопрос, как не сами же горожане?

Я пошел на завод. Рассказов — на второй доменной печи, ему заступать в ночь. И до семи утра. Для меня это даже удобно было, собрались в красном уголке цеха товарищи Николая Дмитриевича,— без него, ну, и поговорили.

Сначала заговорили все сразу — и старый доменщик, пенсионер Кузьма Никифорович Коробов, и другой доменщик, Павел Романович Переверзев, и старший мастер доменного цеха Марк Абрамович Кацнельсон. Но первым дали сказать Кузьме Никифоровичу: он старше всех, за труд доменщика награжден орденом Ленина.

Кузьма Никифорович Коробов:

— У нас уважают человека по одному признаку — если он работяга. А если сачок — тьфу на него. Николай наш, он работяга. Прямо ко мне поступил на третью печь. Весна была, это еще в пятьдесят втором. Молодой, помню, но не мальчишка, он и на войне успел побывать и в Москве на строительстве устраивался... Что скажу? Очень упорный и с головой. Никогда не присядет, всегда дело себе найдет. Иного я и за волосы, бывало, ухвачу, а этот сам соображал. Рос быстро! Начал с четвертого горнового, знаете,— бери побольше, кидай подальше. Но скорехонько стал третьим, вторым. Потом и первым стал. Не каждый рискует брать на себя ответственность первого горнового. Это же, считайте, бригадир! Николай Рассказов умеет и работать и отвечать. Потому и уважаю — за ответственность. Я им горжусь, право. Шутка ли, мой выученик — Герой Социалистического Труда! Не зря, значит, я его и в партию рекомендовал, еще в феврале пятьдесят пятого, помнится...

Павел Романович Переверзев:

— Николай Дмитриевич уже через пять лет стал первым горновым, это редкий случай. Конечно, вкалывал, но не только. Сколько знаю его, Николай Дмитриевич всегда учится. Сначала вечерняя школа, потом техникум. Заочно! А знаете, что это такое — заочное обучение, когда ты работаешь да еще если ты доменщик... Авторитетное у него слово. Потому что знания имеет. Его бригада первой на заводе получила звание коммунистической.

Марк Абрамович Кацнельсон:

— Рассказов поднялся не на пустом месте. Выросло за эти два десятилетия само доменное производство. А как чаще бывает? Растут требования жизни, растут планы и производство, наука что-то все время добавляет, а человек остается на месте... Время его как бы обтекает. Рассказов из тех людей, одаренных природой самородков, которые очень восприимчивы к опыту старших, к знаниям, к новшествам техники и науки. Когда построили пятую печь, она была чуть ли не самой крупной. На пятую набирали богатырей, физически самых здоровых и опытных. Предстояло освоение новой печи! Вот и Рассказов туда попал. Он не был тогда специалистом, но первый горновой, коммунист, учится в техникуме. Так вот, надо отметить еще одно — человека уважают за то, что он оправдывает доверие. Не подвел Рассказов доменщиков. А ведь они ревнивы, влюблены и в домны свои и в чугун. Коробов прав: раньше давали две плавки, а уже пятая печь стала давать до десяти выпусков чугуна! Если раньше минута простоя печи — это потеря тонны чугуна (значит, и потеря заработка, премиальных), то теперь та же минута весит более полутора тонн чугуна. Рабочие это знают. А ход плавки, организация труда зависят от первого горнового, от газовщика, то есть от таких рабочих, каким был тогда Рассказов. Нет, выскочку доменщики не потерпят...

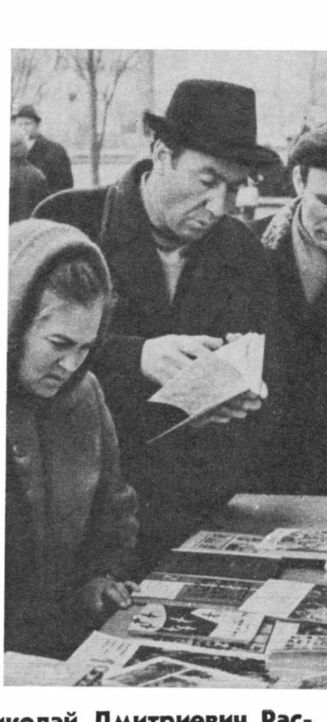
Сейчас Николай Дмитриевич — мастер, он Герой Социалистического Труда, награжден орденом Октябрьской Революции.

Рассказов — член горкома партии. Вот мы и попросили сказать свое слово первого секретаря Макеевского горкома партии **Анатолия Петровича Ночёвкина:**

— Очень он обаятельный человек, Рассказов. У нас в городе есть и шахтеры, у них своя, особая гордость. Так вот, Николая Дмитриевича уважают не только металлурги, но и шахтеры. С его именем связаны многие начинания нашей партийной организации. Призвал работать без отстающих; дает чугун на первую мартеновскую печь, в которой идет плавка «Дружбы» трех соревнующихся городов: Макеевка — Череповец — Магнитка; инициатор соревнования за приз героя прошлых пятилеток Макара Мазая. В общем, надежный человек. Безотказный. А сейчас составил и обнародовал свой личный творческий план на девятую пятилетку. И снова о нем говорят в городе.

Последним о Рассказове я спросил его сына, Сашу, дипломника строительного техникума. Сы-

Николай Дмитриевич Рассказов с дочерью Нелей.

Автоматика — еще один член бригады доменщиков. Н. Д. Рассказов — крайний слева.

Новая книга — всегда радость.

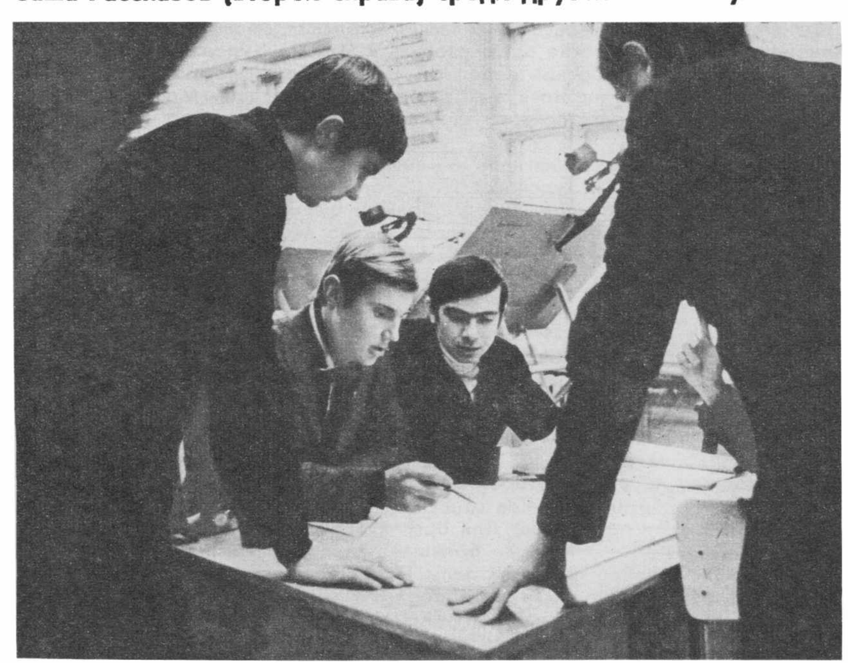

новья — точный прибор. Если у отца характер с фальшивинкой, с ржавчинкой, от детей такого не скрыть. Уважение сына — важный штрих в характеристике человека. Итак, **Саша Рассказов:**

— Сегодня отец вернулся на рассвете с ночной смены, немного поспал и уже после обеда ушел в райисполком. Там позаседают, люди пойдут домой, а ему снова в ночную — на печь. Вот он такой. Честный, совестливый — для меня это главное. Я ему верю, а уж эта вера, наверное, и рождает чувство уважения.

Такой он, Николай Дмитриевич, уважаемый гражданин города Макеевки. От себя добавлю немногое. Самое страшное в судьбе человека — девальвация авторитета, авторитета слова, общественного поведения, образа жизни. Уважают тех, с кем такого не случается.

Саша Рассказов (второй справа) среди друзей в техникуме.

СУРОВАЯ ГОДИНА

К 30-ЛЕТИЮ МОСКОВСКОЙ БИТВЫ

Александр БЕРЕЗИН

С первых дней Великой Отечественной войны в армию ушли более двухсот членов Московской организации Союза художников СССР. Одни воевали в действующих частях, другие — в отрядах народного ополчения, третьи стали партизанами. Но художники всегда помнили о своем призвании и между боями рисовали в свои блокноты, походные альбомы...

Многие работали в армейской печати. Москва послала пятьдесят шесть графиков и живописцев военными корреспондентами в центральные и фронтовые газеты. Сто пятьдесят художников столицы были в составе бригад, выезжавших в действующие части, делили с солдатами все опасности и тяготы боевой походной жизни. И когда обстоятельства того требовали, они откладывали в сторону свои фронтовые блокноты и брались за автомат. Смертью храбрых пал Герой Советского Союза художник М. Гуревич. На фронтах Великой Отечественной войны погибли график Н. Фаворский, живописцы Л. Зевин, Л. Ржезников, К. Гогоберидзе, театральный художник Г. Фарманов...

А те, кто оставался в Москве, в беспокойные длинные ночи студеной зимы 1941/42 года, стояли в минуты и часы воздушной тревоги на боевом посту — на крышах и чердаках, а затем в холодных мастерских создавали плакаты и рисунки, которые назавтра оживали в газетах, расклеивались в цехах предприятий, на стенах домов.

Кисть и карандаш художника, как и перо писателя, журналиста, в годы войны числились на вооружении страны. Советское искусство воевало!

В первые дни войны вышли два плаката: «Беспощадно разгромим и уничтожим врага» Кукрыниксов и «Родина-мать зовет» И. Тоидзе. Всем памятны и плакаты Д. Шмаринова, В. Иванова, А. Кокорекина, В. Корецкого...

Вот что рассказал Н. Н. Жуков о том, как был создан плакат «Отстоим Москву!»:

— Было это в конце ноября 1941-го. В эти дни я приехал с фронта в Москву, в командировку. Командование поручило мне раздобыть и отправить для фронтовой газеты бумагу. По приезде в первый же день я встретил Виктора Климашина, он передал мне, что получено срочное задание: необходимо немедленно создать плакат об обороне Москвы. И вот в опустевшей квартире под аккомпанемент сирен воздушной тревоги буквально в одну ночь мы с Климашиным сотворили этот теперь уже известный плакат. Через два дня плакат вышел из печати.

На четвертый день войны в Москве была создана художественная мастерская «Окна ТАСС». Продолжая традиции «Окон сатиры РОСТА», «Окна ТАСС» откликались на самые актуальные, животрепещущие события дня. Их развешивали в вокзалах и агитпунктах, в цехах заводов и фабрик, в частях Красной Армии. С утра до поздней ночи на Кузнецком мосту, где расположилась мастерская, кипела работа. А в период, когда фашистские орды рвались к Москве, художники и поэты не выходили из мастерской неделями. Как раз тогда появились плакаты-лозунги: «Ребята, не Москва ль за нами», «Не отдадим Москву», «Ни шагу назад», «У врат Москвы, в боях кровавых погибнут полчища врагов».

Когда Красная Армия изгнала немецко-фашистские войска из Ростова-на-Дону и Тихвина, художник П. Соколов-Скаля создал плакат из двух рисунков. На каждом был изображен фашистский фюрер, стремительно убегающий из этих городов. Поздно вечером, когда мастерская заканчивала размножение плаката, пришло известие о взятии нашими войсками Ельца. Тогда художник немедленно делает третий рисунок:

«Из Ельца бежит подлец,
Будет помнить наш Елец!»

...В начале августа 1941-го было принято решение силами крупнейших музеев Москвы организовать объединенную выставку «Великая Отечественная война советского народа против германского фашизма». Будучи одним из организаторов этой выставки, я наблюдал, с каким энтузиазмом работники музеев отнеслись к столь важному общественно-политическому начинанию. Для организации выставки мы имели не много времени. День и ночь большая группа музейных работников и художников не покидала залы Исторического музея. Руководителем экспозиционной части Литературного музея был Ираклий Андроников, ее главным художником — Константин Рождественский.

В залы Исторического музея потоком хлынул народ. В произведениях изобразительного искусства, рукописях и фотодокументах, предметах материальной культуры зрители увидели омерзительное лицо фашизма.

6 ноября 1941 года в фойе Театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко открылась выставка живописи и графики, а в декабре того же года в залах Московского товарищества художников состоялся вернисаж художественной выставки «Великая Отечественная война». Она готовилась в дни, когда у ворот Москвы стоял враг. В студеный январский день 1942 года в выставочном зале Московского отделения Союза художников открылась еще одна экспозиция — «Пейзаж нашей Родины». Многие полотна запечатлели исторические места боев Красной Армии с немецко-фашистскими захватчиками под Москвой: Истру, Малоярославец, Крюково... Один из посетителей (политрук роты) писал о пейзаже В. Бакшеева «Зимняя сказка» в книге отзывов: «Только художник, беспредельно любящий русскую природу, мог создать эту картину, полную света, раскрывающую перед зрителями неповторимую красоту снежного, освещенного солнцем леса». «Покидаешь эту выставку,— вторил ему рабочий одного из московских заводов,— с еще большей верой в силу и щедрость нашей земли, с еще большей ненавистью к врагам, которые хотят растоптать все, что так дорого каждому из нас».

Художники писали на передовых позициях, в партизанских отрядах, они шли по следам отступающих вражеских армий, видели пепелища сожженных фашистами сел и деревень, остатки разгромленных немецких колонн, исковерканную военную технику. И все виденное, пережитое они заносили на бумагу, а затем на холст, запечатлевали в глине и камне. И 1 февраля 1942 года на Кузнецком мосту открылась еще более обширная выставка живописи, графики и скульптуры, где в натурных фронтовых зарисовках предстали образы героев Великой Отечественной войны.

«Перед каждым, кто приходил сюда,— годы спустя вспоминал генерал А. А. Лобачев,— вставали картины пережитого: разрушенные врагом города и села, фронтовые дороги с разбитой техникой противника. А сколько портретов бойцов и командиров — творцов победы!.. Надо было видеть, с какой гордостью рассматривали рисунки наши бойцы, пришедшие сюда прямо с передовой, как это поднимало их».

Как это поднимало их!.. В этом суть той роли, которую играло искусство в годы войны. Оно все время находилось на переднем крае борьбы.

В то суровое боевое время были созданы произведения искусства, которые вошли в изобразительную летопись Великой Отечественной войны. Тогда возник новый тип пейзажа. Пример тому — серия работ А. Дейнеки об обороне Москвы.

Вот его «Окраина Москвы. Ноябрь 1941 года»... Настороженный, суровый ландшафт ощетинившегося города, готового защищать каждую пядь своей земли. За безмолвием серых заснеженных домов пустынной улицы, за выступающими противотанковыми надолбами, мчащимся укрытым грузовиком ощущается большое напряжение, внутренняя сила и решимость. Дейнека — художник огромной экспрессии, мастер строгих композиционных построений — сумел лаконичными живописными средствами передать то тревожное время.

В военном 1941 году зима пришла рано, улицы засыпаны снегом. По настороженной Красной площади столицы двумя колоннами проходят вооруженные отряды. К. Юон в картине «Парад на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 года» создает настроение большого эмоционального накала.

Военная Москва 1941 года. Картины Г. Нисского «Аэростаты воздушного заграждения», «На защиту Москвы. Ленинградское шоссе». Танки, на которых разместилась пехота, движутся по пустынной дороге навстречу врагу. Справа у обочины — надолбы. Все очень точно, просто. Но сколько в этом образе напряжения, динамики, тревоги.

Много и плодотворно работал в годы войны Ю. Пименов. Его серии: живописная—«Фронтовая дорога», «Москва военная», "Летнее утро в военной Москве", "Ночная улица"; графическая — «На фронт», «Подбитый фашистский самолет» стали символом тех суровых дней.

В летопись Великой Отечественной войны вошли созданные в годы войны полотна С. Герасимова «Мать партизана», А. Пластова «Фашист пролетел», Кукрыниксов «Таня», графические листы Д. Шмаринова «Не забудем, не простим!» и многие другие произведения, рассказывающие о зверствах фашистов, о мужестве советских людей, их духовной силе.

Так в годы Великой Отечественной войны художники советской столицы внесли свой вклад в общее дело разгрома немецко-фашистских захватчиков под Москвой.

На развороте вкладки: **А. Дейнека.** 1899—1969. ОКРАИНА МОСКВЫ. НОЯБРЬ 1941 ГОД.

К. Юон. 1875—1958. ПАРАД НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ В МОСКВЕ 7 НОЯБРЯ 1941 ГОДА.

Кукрыниксы. ПЛАКАТ 1941 ГОДА.

И. Тоидзе. ПЛАКАТ 1941 ГОДА.

Г. Нисский. НА ЗАЩИТУ МОСКВЫ. ЛЕНИНГРАДСКОЕ ШОССЕ.

Ю. Пименов. ФРОНТОВАЯ ДОРОГА.

Пал ФЕЛЬДЕШ

В РАЗВЕДКЕ С ВЕРШИГОРОЙ

Пал Фельдеш. Снимок военных лет.

В журнале «Огонек» (№ 35 за 1971 год) был напечатан мой очерк «Память, припорошенная снегом» — впечатления о посещении Венгерской Народной Республики весной прошлого года. В очерке я писал: «Многое всплыло в памяти, припорошенной снегом двух с половиной десятилетий. А тогда, в Брянском лесу, пришел очередной транспортный самолет с Большой земли, и я вместе с ранеными партизанами перелетел снова линию фронта и приземлился на одном из прифронтовых аэродромов. На этот же аэродром должен был прилететь самолет из Москвы. Было очень морозно, здесь почти бесснежно. И очень хотелось спать. Бродя по окраине летного поля, я набрел на землянку и забрался в нее, чтобы укрыться от студеного, добирающегося до костей ветра. В землянке я оказался не один. Там уже был какой-то человек, на ломаном русском языке объяснивший мне, что он венгр. Я удивился. Венгр? Что ему здесь делать? В Брянских лесах действовали не только немецкие, но и венгерские каратели, нисколько не уступавшие немцам в жестокости. «Я коммунист и лечу работать среди венгров»,— сказал мне этот человек. Обнявшись, согревая друг друга, мы уснули каменным сном. Прошло два-три часа, в землянку спустился дежурный офицер и растолкал меня — самолет уходил в Москву. Мы с венгром пожали друг другу руки. Он вышел со мной из землянки, там мы обнялись. Я побежал к самолету. Поднимаясь по лесенке, увидел, что венгр стоял возле землянки и медленно махал мне рукой. Уже в самолете я вспомнил, что даже не спросил его имени да и сам не назвался...»

Признаюсь, меньше всего я думал о том, что эта мимолетная встреча могла запомниться неизвестному мне венгерскому коммунисту, тем более что ни он, ни я не назвались друг другу. Но судьба рассудила иначе. Через несколько недель после публикации очерка в редакции «Огонька» раздался телефонный звонок из Брянска. Работник обкома партии товарищ Юдичев сообщал мне о том, что неизвестный мне коммунист им, брянцам, очень известен. Это Пал Фельдеш, активный участник партизанского движения на Брянщине. В настоящее время Пал Фельдеш живет в Будапеште. После войны он был на большой дипломатической работе, сейчас Палу Фельдешу 73 года, он на пенсии, но по-прежнему тесно связан с товарищами по оружию — брянскими партизанами. В Венгрии не так давно у него вышла книга воспоминаний, в которой он рассказывает о незабываемых событиях военных лет, о тех, с кем он, венгерский коммунист, верный высокому интернациональному долгу, сражался в одних рядах.

Товарищ Юдичев сказал, что Пал Фельдеш прочел мой очерк и вспомнил встречу с незнакомым ему тогда военным корреспондентом одной из советских центральных газет. А через несколько дней в редакции «Огонька» появился венгерский офицер, оказавшийся по служебным делам в Москве, и передал мне книгу Пала Фельдеша с дарственной надписью.

Поскольку книга нашего друга еще не переведена на русский язык, я попросил работника Иностранной комиссии Союза писателей СССР Ивана Салимона перевести одну из глав. С особой радостью мы публикуем отрывок из книги, так как из него мы узнаем о большой дружбе замечательного советского писателя, ныне покойного Петра Петровича Вершигоры с Палом Фельдешем, с которым он познакомился в Брянских лесах.

К этому можно добавить еще следующее: в конце 1971 года Фельдеш после очередной поездки в Брянск был в Москве и посетил редакцию журнала «Огонек».

А. СОФРОНОВ

В Объединенном штабе Брянских партизанских отрядов товарищ Бондаренко представил меня Вершигоре, который в статье, написанной им в 1960 году, так вспоминает о нашей встрече:

— Знакомьтесь,— обратился ко мне Бондаренко и указал на седоватого, усатого мужчину среднего роста в полугражданской, полувоенной одежде, который сидел на бревне и просматривал бумаги на незнакомом мне языке.— Павел Павлович Павлов,— улыбаясь, сказал Бондаренко и оставил нас одних. С первых слов Павла Павловича я догадался, что он венгр. Затем я узнал, что он политический эмигрант, старый венгерский коммунист и что в 1940 году где-то через Карпаты проник в Советский Союз. Меня, в ту пору еще малоопытного партизана, больше всего интересовала романтика перехода границы. Сгорая от любопытства, я принялся расспрашивать, и он рассказал, как перешел в Карпатах границу, где-то в районе Коломыи — Станислава — Сколе.

Примерно через год, во время Карпатского рейда, я тоже побывал в тех местах. И там мы с Ковпаком и Рудневым не раз вспоминали Павла Павловича, который остался в Брянских лесах.

В 1942 году на меня свалилось столько работы, что без Павла Павловича мне было бы очень трудно справиться с ней. Захваченные в боях документы партизанские подразделения отсылали в штаб. Тут и записные книжки, и дневники, и письма венгерских солдат, и другие бумаги. Для меня, как разведчика, делом первостепенной важности было установить зашифрованный номер полевой почты дислоцировавшихся против нас частей, а затем и номер части. Вторым важным делом было уяснить содержание документов, причем как можно быстрее. Павел Павлович тотчас переводил документы с родного языка, а я записывал по-русски к себе в блокнот. Особо важные документы мы перепечатывали на машинке и, кроме того, передавали вышестоящему командованию по радио.

Изложив содержание совместно обработанных документов, Вершигора продолжает:

— Я перелистываю пожелтевшие документы, и передо мной, как живые, глаза Павла Павловича. В ту пору я не знал еще, что этого венгерского коммуниста зовут Пал Фельдеш. Мы оба делали свое незаметное дело. Сейчас содеянное нами и прежде всего боевые подвиги советских и венгерских патриотов, революционеров стали достоянием истории...

Прочно спаянная дружба вечна, и, сколько бы ни прошло времени, потеря друга причиняет боль... Своего друга Петра Петровича Вершигору я потерял несколько лет назад. В годы после освобождения нам не раз довелось встречаться, и мы оба радовались успехам в послевоенном развитии наших стран.

Когда мы познакомились, я знал о нем только то, что он кинорежиссер и очень увлекается фотографией. Помню, с каким знанием дела в первые дни нашего знакомства он фотографировал подбитый немецкий танк. В нем угадывался недюжинный художник, но по-настоящему я понял это только тогда, когда появилась его замечательная книга «Люди с чистой совестью».

Он был заядлым разведчиком, своей энергией, горячностью заражал и меня. Он с такой тщательностью разрабатывал каждую операцию, словно от нее зависела судьба всей войны. Но, пожалуй, лучше всего, если я расскажу о нашем первом совместном бое, в ходе которого я познакомился с очень многими интересными людьми.

В задачу нашей юго-западной группы ближней разведки входило наблюдение за передислокацией немецких оккупационных войск, штаб которых находился в Новгород-Северске. Возле деревни Пушкари, на правом берегу Десны, немцы имели свой опорный пункт, где было не меньше трех-четырех взводов. Отсюда раз в неделю они переправлялись на левый берег Десны и продвигались вперед до деревни Журавка, откуда возвращались в тот же день обратно в Пушкари. Так они поддерживали контакт с венгерскими дивизиями, оккупировавшими левый берег Десны. Именно эту цель и преследовали их еженедельные вылазки.

Об этом и многом другом происходящем в округе мы регулярно получали подробные донесения с хутора, расположенного неподалеку от Журавки. Оккупанты пока еще щадили хутор, состоявший из шести—

восьми домов, лишь изредка наведываясь туда, главным образом в поисках продовольствия. Жили там колхозник лет шестидесяти Лев Алексеевич, два старика, женщины и дети. Они ткали ковры и плели корзины. Ребятишки меняли или продавали эту нехитрую продукцию.

Наши разведчики один-два раза в неделю встречались со Львом Алексеевичем и получали от него сведения. Петр Петрович тоже однажды встретился со стариком, во-первых, потому, что предпочитал лично знакомиться с теми, кто сотрудничал с ним, а во-вторых, нужно было уговорить старика не уходить к нам в лес,— чего тому хотелось больше всего на свете,— а оставаться дома, поскольку в этом состоит самое важное партизанское задание ему.

На четвертый день после моего знакомства с Вершигорой в полдень вернулся с задания наш разведчик, которого мы ожидали только к вечеру, причем не один, а со Львом Алексеевичем. Разведчик доложил:

— Между восемью и девятью часами утра 75—80 немцев, вооруженных автоматами, шестью ручными пулеметами и шестью минометами, заняли хутор. Судя по всему, намерены обосноваться там надолго, по меньшей мере на несколько дней.

Тут, не в силах больше сдерживаться, вступил в разговор и старик:

— Нас выгнали из домов, но фашистские свиньи поплатятся за это!— взволнованно воскликнул он.— Товарищ командир, их нельзя выпускать из ловушки, в которую они сами попались. Смерть им! Мы своими руками истребим их сегодня же ночью!

Я не сразу понял, что он задумал. Перевел испытующий взгляд с высокого седобородого старика на подтянутого коренастого Петра Петровича. И чем дольше я смотрел на него, на то, с каким невозмутимым видом поглаживает он свою каштановую бороду, тем все большее волнение овладевало мной. В конце концов меня прорвало:

— Петр Петрович! Уж не намерен ли старик совершить налет на собственный хутор, чтобы он взлетел на воздух?!

— Правильно, Павел Павлович!— ответил Вершигора и с сократовским спокойствием продолжал:— В этом нет ничего необычного, советский патриот иначе и не может поступить!

Да, преподал он мне урок... Мол, заруби себе на носу, что этот старик, ни минуты не колеблясь, готов взорвать и уничтожить свой дом, где жили его отец, дед, а может, и прадед и где стали бы жить его внуки и правнуки. И пока я, терзаемый сомнениями, строил всевозможные догадки и предположения, Петр Петрович уже принял решение и всецело поддержал Льва Алексеевича. Он сразу понял старика и одобрил его намерение. Тогда я еще не мог знать, что он, будущий писатель, увидел во Льве Алексеевиче человека с чистой совестью, образ которого нарисует потом в своей книге.

Из задумчивости меня вывели слова Петра Петровича, произнесенные решительным тоном:

— Павел Павлович,— повернулся он ко мне,— вы тоже пойдете с разведывательной группой.

За какие-нибудь 15—20 минут мы с Елютиным, Бондаренко и начальником оперативного отдела майором Федоровым разработали план операции.

Как люди, опытные в военном деле, мы понимали, что успех нападения на немецкое подразделение автоматчиков, насчитывающее 75—80 человек и вооруженное ручными пулеметами и минометами, во многом будет зависеть от внезапности.

Брянск. Пал Фельдеш в гостях у товарищей по оружию.

План нападения был таков: к половине четвертого утра три взвода автоматчиков, приблизительно 60 человек, окружат хутор со стороны леса, а единственный путь отступления немцев — дорогу, ведущую к хутору,— к тому времени оседлает рота из 50 бойцов, вооруженных винтовками и ручными пулеметами.

Вскоре после обеда подразделение во главе с капитаном Гудзенко из второго партизанского отряда имени Ворошилова двинулось в путь. Это подразделение состояло в основном из рядовых бойцов, за исключением нашей разведывательной группы из 12 человек.

К восьми часам вечера мы вышли на дальние подступы к хутору, откуда рота после часового отдыха начала обходный маневр, с тем чтобы отрезать немцам путь к отступлению, а наша разведгруппа, подойдя поближе и рассредоточившись, установила наблюдение за всеми тремя взводами автоматчиков. Часов в десять наш первый парный дозор приблизился слева к крайним домам хутора. Немцы, видимо, полагали, что они в полной безопасности: выставили пост всего из четырех человек, укрывшихся за поленницами дров. Это далеко не надежное прикрытие, так как от поленниц до домов не больше 70—80 шагов.

Миновала полночь. Мы установили, что немцы сменяют пост ровно через два часа. Поэтому половина четвертого — самый подходящий момент для внезапного удара. Позже нельзя, потому что уже начнет светать, а рассвет для нас...

До половины четвертого осталось еще несколько минут, а мы уже заняли исходный рубеж. Так замаскировались, что, несмотря на серебристое сияние луны, нас невозможно было обнаружить. Ровно в половине четвертого почти одновременно 25—30 красных ракет, шипя, взвились вверх, образовав вокруг хутора яркое кольцо. И в следующее мгновение шесть наших минометов, громко хлопая, послали свои мины, которые взорвались в районе поста. Ночную тишину распорол страшный грохот, треск автоматов, ручных гранат. Противник в полном смысле этого слова был ошеломлен. Воспользовавшись его замешательством, мы рванулись к хутору. В стремительном броске пересекли поляну шириной 50—100 метров. До ближайших домов и поленниц дров на окраине хутора оставалось несколько десятков шагов. К тому времени минометы замолчали, и нам приходилось пробивать себе дорогу гранатами и огнем автоматов. На бегу я заметил двух солдат за поленницей. Один из них сразу же стал строчить из автомата. К счастью, никого из нас не задело. Но зато его настигла партизанская граната, и он остался лежать там навеки. Второй бросился бежать к своим, но его догнала автоматная очередь. Все это произошло в мгновение ока. Ворвавшись в расположение немецкого поста и подтянув минометы, мы открыли ураганный огонь по домам. Выбегавшие из них фашисты не успевали развернуться в боевой порядок, метались, как ошалелые, под огнем наших минометов и автоматов. Теперь мы уже ничего не имели против того, чтобы стало светло...

Из четырех домов застрочили немецкие ручные пулеметы, пули пролетали над нами, но для минометчиков они представляли опасность. Мы устремились к двум крайним домам. Из одного фашистский ручной пулемет строчил особенно ожесточенно. Мы выхватили из-за пояса ручные гранаты.

Вдруг раздался взрыв и крайний дом окутало облако дыма — прямое попадание мины. Туда же полетели и наши гранаты. Живым оттуда не уйти никому, а тех, кто еще уцелел и пытался выскочить, настигали пули партизан.

Фашистами овладел панический страх, и в самый разгар боя они неожиданно прекратили стрельбу.

Заметно стих огонь и на противоположной окраине хутора; оттуда доносилось ржание лошадей, скрип подвод, но мы не очень-то реагировали на этот шум, ибо знали, что фашисты неизбежно попадут в ловушку. Все наше внимание приковывал к себе дом, откуда при каждой нашей попытке приблизиться фашисты открывали сильный огонь. Но все же нам удалось проскочить в сад. В дверь и окна полетели наши гранаты. Первому повезло молодому разведчику Саше — его граната влетела в крайнее окно, находившееся от него в нескольких метрах. Грохот и треск потрясли дом, и в следующий миг распахнулась дверь и вышел высокий человек в очках, в военном плаще, из-под которого виднелось что-то белое, похожее на юбку, без шапки, с пистолетом в руке. Он тупо уставился на нас. У меня как-то само собой, безотчетно вырвалось: «Хенде хох!» И в тот же самый момент со стороны дороги грянули винтовочные залпы и пулеметные очереди.

Под воздействием моего крика, подкрепленного грохотом стрельбы, странный тип выпустил пистолет и поднял руки прежде, чем я успел наставить на него автомат... Если бы не это обстоятельство, кто-нибудь из двух — он или я — отправился бы на тот свет.

В следующую минуту засевшие в домах прекратили сопротивление. Ко мне подскочил улыбавшийся Петр Петрович, кивая на стоявшего в дверях фашиста. Мы вместе подошли к немцу, и, увидев на нем погоны штабного офицера, я громко спросил, сдернув с него плащ:

— Кто вы такой?

Широкоплечий, заросший щетиной черноволосый детина чуть ли не двухметрового роста сразу сник. Ему можно было дать и 40 и 50 лет. Он стоял перед нами в длинной ночной рубашке. Мы с Петром Петровичем не могли сдержать взрыв смеха. Хохотали от всей души. Фашистского офицера это еще больше смутило, и он растерянно пролепетал:

— Майор барон фон Фейт, командир батальона...

Итак, командир батальона майор фон Фейт отрекомендовался!

— Оденьтесь! — приказали мы ему, чтобы положить конец комической сцене.

Господина барона взяли на свое попечение два наших разведчика, мы с Петром Петровичем тем временем знакомились с его документами, записями. Вершигора до того повеселел, что вел себя как расшалившийся школьник. А когда в комнате появился Лев Алексеевич и со слезами радости на глазах принялся обнимать его и всех нас, Вершигора развеселился пуще прежнего. На немецкого офицера старик даже не взглянул.

Получив приказ через полчаса всех собрать и двинуться в путь, Вершигора сказал мне:

— Вы доставите в штаб наш первый подарок — господина барона! Его язык для нас дороже золота! Это известно каждому партизану. А вы, дорогой Лев Алексеевич,— повернулся он к старику,— отныне будете нести службу при штабе.— Его слова очень обрадовали старика.

Тем временем пришли бойцы капитана Гудзенко, устроившие засаду у дороги, и доложили, что ни один фашист не ушел живым. Через полчаса, уложив на подводы имущество хуторян, мы тронулись в обратный путь. На одной из подвод в сопровождении двух разведчиков ехал немецкий барон с завязанными глазами.

Перевел с венгерского И. САЛИМОН.

Александр Николаевич Скрябин. 1914 год.

ВРЕМЯ, ВЫРАЖЕННОЕ В ЗВУКАХ

В мае 1892 года в Московской консерватории состоялся традиционный выпускной акт. В числе других молодых музыкантов покидали родные консерваторские стены Сергей Рахманинов и Александр Скрябин.

Худощавый, невысокого роста, нервный, быстрый в движениях, Александр Скрябин играл на выпускном вечере фортепианную сонату Бетховена, Фантазию «Дон Жуан» Листа и несколько пьес собственного сочинения. Играл превосходно. Его педагог по классу фортепиано Василий Ильич Сафонов был доволен. Для студентов же каждое выступление Александра Скрябина уже тогда было событием. Однако все знали, что Сашу в лучшем случае ждет лишь малая золотая медаль. Большую присуждали тем особо отличившимся воспитанникам, которые оканчивали Консерваторию по двум специальностям. Студент Александр Скрябин незадолго перед выпуском окончательно разошелся со своим педагогом по классу композиции — Антоном Степановичем Аренским. Кто тут был виноват, кто прав, судить трудно. Быть может, слишком нетерпеливым и педантичным оказался профессор. Вернее же, ученик слишком рьяно отстаивал свою творческую самостоятельность... Так или иначе формально законченного композиторского образования Скрябин в Консерватории не получил. Но у входа в Малый консерваторский концертный зал, на мраморной доске с именами выдающихся воспитанников Консерватории, значится имя пианиста Александра Скрябина.

Двадцатилетний музыкант начал трудную и дерзкую творческую жизнь. Ему суждено было восхищать и ставить в тупик современников поразительным сочетанием лирического начала с мужеством бунтарской философии и новаторскими исканиями.

История объяснила нам значение Александра Скрябина как явления, исключительного в русской музыкальной культуре. «Творчество Скрябина,— писал Г. В. Плеханов,— было его временем, выраженным в звуках».

Композитор жил и творил на стыке двух столетий, в суровую, предгрозовую пору. Два года не дожил он до Октябрьской революции. Мы не можем, к сожалению, достаточно полно представить себе, каким было исполнительское мастерство Скрябина. Граммофонные записи его игры редки и далеки от совершенства. Современники же в своих воспоминаниях свидетельствуют единодушно, что если бы он был только пианистом, то все равно навсегда оставил бы свое имя в истории русской музыки.

Но мы получили нетленным все богатство творческого наследия композитора Александра Николаевича Скрябина. Оно живет, радуя людей, вызывая глубокие раздумья, звучит в наших концертных залах, и слушатели многих поколений не расстаются с художником, необъятно щедрым душою.

Удивительно много он создал за свою недолгую жизнь. Его любимым инструментом было фортепиано, и пианисты всего мира неизменно обращаются к поэзии скрябинских сонат, прелюдий, этюдов, мазурок, поэм, экспромтов, ноктюрнов, фантазий... Чрезвычайно трудно, да и вряд ли есть в том нужда, проследить границы широчайшего диапазона явлений, послуживших источником его вдохновения. Он любил жизнь, как только может любить ее человек. Любил и взволнованно, до экзальтации, или нежно и лирично воспевал природу, бесконечное многообразие ее красок и настроений. Любил людей, по-горьковски гордился высоким назначением человека на земле, ненавидел зло, бунтарски рвался к свету, повергаясь в отчаяние и неизменно, страстно веря в торжество света над тьмой.

«Из глубин бытия поднимается грозный голос человека-творца,— пишет Александр Скрябин, истолковывая финал своей великолепной Третьей сонаты,— победное пение которого звучит торжествующе...»

Бессмертен Александр Скрябин-симфонист. Концерт для фортепиано с оркестром, созданный в годы молодости (1896—1897), ознаменовал пору могучего духовного роста композитора. Рамки фортепиано, по-прежнему любимого им, показались тесными для выражения философско-эстетических идей, возмужавшей потребности наиболее выразительно и мощно поведать их людям.

Одну за другой создает композитор вслед за фортепианным концертом свои симфонии: Первую (1899—1900 годы), Вторую (1901 год) и Третью (1902—1904 годы).

Время, когда создавались эти крупнейшие музыкальные откровения, было ознаменовано общественным подъемом в России и сложными, противоречивыми настроениями русской творческой интеллигенции. От глубокого и ясного гуманизма Максима Горького, буревестника революционного шторма, до растерянности и опустошенности символистов и мистиков, тщетно пытавшихся спрятаться от пугающей их грозовой атмосферы,— все оказывало влияние на мироощущение чуткого художника. Конечно, он был ближе к горьковскому буревестнику, чем к «робкому пингвину». О горячей его симпатии к русскому освободительному движению свидетельствуют многие строки писем к друзьям. Работая в Италии над «Поэмой экстаза», одной из вершин русского симфонизма, Скрябин восторженно приветствует слух о начале всеобщей забастовки в январе 1905 года: «Наконец-то пробуждается жизнь и у нас!..»

Нет сомнения, что великолепная, потрясающая своей эмоциональностью скрябинская «Поэма экстаза» навеяна событиями в России, свежим ветром революции. Тема продолжена и развита в другом крупнейшем музыкальном памятнике того времени — симфонической поэме «Прометей» («Поэма огня», 1909—1910 годы).

А. Н. Скрябин был мечтателем и новатором. Он искренне верил, что искусство, музыка способны переделать мир, сделать его справедливым и светлым. Всей силой громадного таланта он провозгласил эту, казавшуюся ему бесспорной идею в творчестве последних лет. Он мечтал о слиянии звука и света, о синтезе музыкальной и цветовой гамм, задумывал свето-цветовое сопровождение своих произведений, в частности «Прометея».

Он умер неожиданно и рано. Народ, построивший справедливый и светлый мир на его родной земле, взял творчество певца, понес его имя в бессмертие.

На тихой улице, примыкающей к Арбату, где жил последние годы композитор, все осталось на своих местах, так, как было при его жизни. Здесь теперь государственный музей.

Музыка Скрябина не смолкает в концертных залах, величие русского музыканта не меркнет. Его взволнованный и страстный голос жив.

М. КВАРЦЕВ

ХОККЕЙ ОЛИМПИ

А. Мальцев в броске атакует ворота чехословацкой команды.

Фото А. Бочинина.

Всеволод БОБРОВ,
заслуженный тренер СССР

Хоккейный сезон вступил в решающую фазу. Проведена примерно половина матчей чемпионата страны, состоялось немало международных встреч (в том числе в рамках традиционного турнира на приз «Известий»). До открытия Олимпийских игр в японском городе Саппоро осталось не так уж много времени. Каков сегодня наш хоккей?

Признаться, с волнением взялся я за перо: ведь это в общем-то мои первые публичные размышления о шайбе после того, как я вернулся в хоккей и стал лицом заинтересованным, отвечающим за команду. Конечно, на протяжении четырех лет, занимаясь футболом — сначала как начальник и старший тренер команды ЦСКА, а потом неся службу в Спортивном комитете Министерства обороны СССР,— я все равно внимательно следил за событиями в нашем хоккее, имел свои взгляды на многое, порой выступал на страницах печати и все же не чувствовал в своей руке клюшки.

Весной 1971 года я стал вместе с Н. Пучковым тренером одной из сборных команд страны. События нашего хоккейного мира мне приходится ныне рассматривать в ином свете, и, признаться, не радужном.

Впрочем, обо всем по порядку. Итак, мы с Н. Пучковым, тренером ленинградского СКА, возглавили одну из двух сборных. Называют ее по-разному: то олимпийской, то сборной клубов. Решение о ее создании не случайно. Впервые олимпийский турнир проводится отдельно от чемпионата мира и Европы, и, стало быть, вместо одного серьезного экзамена сборная страны будет держать в одном сезоне два.

Команда еще в конце лета провела на своем поле пять игр, а затем еще одиннадцать за рубежом. Мы испытали свои силы в борьбе с шестнадцатикратными чемпионами страны — хоккеистами ЦСКА, с динамовцами Москвы, с одним из известнейших клубов Чехословакии — ЗКЛ (Брно), мы встретились с именитыми шведскими и финскими командами. В большинстве игр мы победили, но две последние встречи с «Тре Крунур» на шведском льду не принесли нам успеха: молодая сборная проиграла с одинаковым счетом 3 : 5, однако эти игры со столь сильным и опытным соперником, бесспорно, сослужили свою службу, помогли нам обкатать молодых хоккеистов. Чтобы успешней готовить кандидатов в первую сборную страны, мы решили с будущего года приглашать в нашу команду хоккеистов не старше двадцати лет. Так или иначе, но самое важное заключается в том, что за короткий срок подобралась боевая команда. Ставка на опыт ветеранов и задор молодых оказалась оправданной.

Так почему же последние события в нашем хоккейном мире, казалось бы, достаточно успешные выступления первой сборной, хорошие спортивные результаты новой сборной представляются нам не в таком уж радужном свете, может быть, скажет мне какой-нибудь болельщик-оптимист? В чем тревога?

Не растет класс многих команд. Впереди, как и в прошлом году, ЦСКА и «Динамо». В наступившем сезоне лишь динамовцы чувствуют себя так же уверенно, как год назад. Это касается в первую очередь защитников В. Назарова, нападающих Е. Котлова и В. Девятова. Теперь команда делает ставку не только на А. Мальцева. Отсутствие Мальцева в некоторых матчах нынешнего чемпионата нисколько не уменьшило наступательный потенциал вице-чемпионов. И это, в сущности, и все, что принес нам приятного нынешний чемпионат.

По-прежнему неровно играет «Спартак», по-прежнему у команд «Крылья Советов» и «Химик» нет хоккеистов высокого класса, способных задать тон в ключевых матчах. Правда, в команде «Крылья Советов» неплохо выступает тройка Ю. Лебедев — В. Анисин — А. Бодунов, но на одном звене далеко не уедешь; «Локомотив», заменивший в высшей лиге новосибирскую команду «Сибирь», пока играет не лучше и замыкает турнирную таблицу.

Успех ЦСКА в большинстве матчей текущего сезона определяется действиями тех же А. Фирсова, В. Викулова, В. Харламова. Что ж, нестареющее мастерство многократных чемпионов мира не может не радовать, но что будет дальше? Кто придет на смену замечательным форвардам? Выдержат ли они нагрузки долгого и трудного сезона?

Следует учесть, что нагрузки, выпадающие на долю хоккеистов, с каждым годом увеличиваются. Современный хоккей требует от любого спортсмена, будь он защитником или нападающим, постоянного, непрерывного, умного движения на площадке, еще более изощренной техники, более осмысленной тактики, напряженной борьбы. Убежден, что сегодняшний хоккей значительно более сложен, чем тот, в который играли я и мои сверстники.

В чем оказались сильны чехословацкие хоккеисты, сумевшие отобрать у наших спортсменов ти-

ЙСКОГО ГОДА

тул чемпионов Европы? Они побили нас нашим же оружием: их игроки в зависимости от ситуации усиливали группу нападения или группу защиты. Скажем, в проигранном нами матче на чемпионате мира 1971 года соперники применяли прессинг, и на оборону ворот переходили не только центральные, но и крайние нападающие. Освобождались, правда, наши защитники, но их дальние броски не пробивали массированную оборону соперников, где, кстати, словно в силках, оказывались форварды советской команды.

Подобная манера чехословацких спортсменов стала возможной благодаря высокой скорости и общей игровой выносливости каждого хоккеиста.

Как известно, турнир на приз «Известий» принес победу сборной СССР. Но какой ценой? Лишь крупный выигрыш у молодежной сборной Швеции позволил нашим хоккеистам иметь лучшую, чем у чехословацкой или финской команды, разность заброшенных и пропущенных шайб. Вряд ли стоит обольщаться первым местом на этом турнире, если вспомнить поражение сборной СССР (впервые за всю 25-летнюю историю нашего хоккея) от финнов. Конечно, можно объяснить причину неудачи резким прогрессом финской сборной, можно утверждать, что ничего страшного в поражении за два месяца до Саппоро нет, поскольку не обязательно играть в полную силу в декабре, если Белая Олимпиада стартует в феврале, и т. д. и т. п. Но прогресс финской сборной, при всем моем уважении к этой команде, вряд ли настолько велик, чтобы чемпионы мира проигрывали ей на своем поле. Видимо, сказались иные причины, к которым я еще постараюсь вернуться.

Не являясь сторонником форсированной подготовки, я убежден, что сборная СССР не имела права выглядеть так, как это случилось с ней в декабре. Напомню, что она проиграла не только сборной Финляндии, но и сборной ЧССР, правда, уже после закрытия турнира — в товарищеской встрече. Иначе говоря, в течение нескольких дней два поражения.

Убежден, что свет на эти напряженные события проливают явления, наблюдавшиеся прежде в «домашнем» календаре.

С пристальным вниманием следим мы за выступлением команды ЦСКА — главного поставщика игроков в сборную СССР. Тревогу вызывает то, что армейцы часто в матчах нынешнего сезона, даже закончившихся их победой, проигрывали третий период. Создается впечатление, что В. Кузькин, А. Рагулин, И. Ромишевский, В. Лутченко, А. Гусев, Г. Цыганков затрачивали на нейтрализацию прорывов соперников в первые 40 минут игры столько энергии, что на последние 20 минут сил им не хватало. Если Кузькина, Рагулина, Ромишевского в какой-то мере можно понять: лет-то им немало,— то как объяснить недостаточную выносливость их молодых партнеров? Сильные защитники еще в прошлом сезоне были наперечет, а нынешний чемпионат не подарил нам новых имен.

Тут я позволю себе перейти к теме, которая давно волнует меня. Я всегда был и остаюсь сторонником высокого индивидуального мастерства. В моем понимании большой мастер — это хоккеист, способный обыграть двух-трех соперников, причем в интересах команды, сочетая свои прорывы с коллективными действиями. Индивидуальная игра сейчас приобретает новое, исключительное значение. Опекать соперников научились буквально все команды, но как при этом атаковать, забивать голы? Не знаю, как кого, но меня не удивляет ставший привычным «футбольный» счет 1 : 0 в играх чемпионата. Участники таких «неурожайных» матчей не умеют добиваться численного перевеса при равных составах и не используют численного преимущества, играя в большинстве.

Казалось бы, команда должна иметь свободного от опеки соперников игрока как в атаке, так и в обороне, но подобный тактический ход возможен лишь при умении искусно обыгрывать, а этим умением отличаются сейчас очень немногие.

С грустью приходится писать о том, что медленно прогрессирует исполнительское мастерство даже лучших команд. В конце концов не обидно проиграть первенство Европы сборной ЧССР — старому и грозному сопернику. Хуже другое: в прошлом сезоне в розыгрыше Кубка СССР процент реализации штрафных бросков оказался удручающе низким, а ведь их выполняли игроки именитых клубов — «Динамо», «Спартака» и «Химика».

К сожалению, не изменилась картина и в нынешнем чемпионате. Опять шайбы после штрафных бросков не попадают в сетку ворот.

Надо называть вещи своими именами. Мало работают в наших клубах над индивидуальным мастерством. Конечно, хоккей — игра коллективная. Но любая крайность плоха. Несколько лет назад родилась даже теория, что в одном звене не могут играть три высококлассных, но похожих друг на друга по своей игровой атакующей манере мастера, а вот три незаметных, классно подыгрывающих могут!

Мне всегда становится обидно за хоккеистов, грустно за тренеров, когда я вижу, что все игровые задачи решаются только пасом. Надо не надо — пасуем. Успех хоккеистов Чехословакии на чемпионате Европы 1971 года лишний раз убеждает меня в том, что с подыгрывающими далеко не уедешь. Кстати, ни один из подыгрывающих не прожил в хоккее долгой жизни.

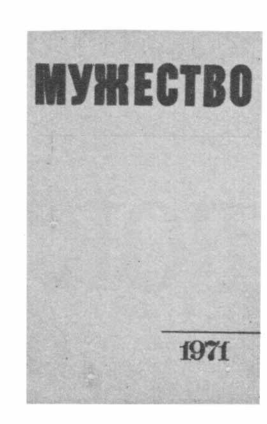
И, наконец, о тревожном и прискорбном явлении, которое пришлось наблюдать в последней встрече ЦСКА — «Динамо». Еще на предыдущих чемпионатах мы видели Моисеева в роли разрушителя: прикомандированный к Старшинову, он выполнял главным образом одну функцию — не давал играть спартаковскому нападающему. Теперь он был прикреплен к Мальцеву. Мне кажется, что подобного рода тактика не может быть украшением нашего хоккея. В результате действий Моисеева Мальцев, недавно оправившийся после травмы, вынужден был несколько раз просить помощи врача. Разве же вышибание из строя игрока, который является одним из главных действующих лиц нашей сборной, правомочно? Ведь мы же должны помнить о том, что, кроме очков в чемпионате страны, нам предстоят важные международные встречи, где советский хоккей будет очень нуждаться в нападающем Мальцеве.

У нас есть немало замечательных хоккеистов, способных отстоять честь отечественного спорта, надо только разумно их использовать, надо помнить, что в преддверии Олимпийских игр хоккеисты разных команд не только соперники на чемпионате страны, но и союзники в борьбе за золотые медали на Белой Олимпиаде и на чемпионате мира.

Мои заметки подошли к концу. Не хотелось бы показаться брюзгой, раздражительным и недовольным человеком, но меня за живое берет один вопрос: сегодня мы сильнейшие в мире, но что будет завтра? Сумеем ли мы сохранить позиции лидера мирового хоккея? Вот эти вопросы и заставили меня взяться за перо.

В декабре отечественному хоккею исполнилось 25 лет. Юбилей юбилеем, а забот у наших хоккеистов хватает.

Совместные усилия тренеров и игроков вполне могут принести нам победу в Саппоро. Но хоккей олимпийского года на этом не финиширует. В апреле Прага станет местом проведения чемпионата мира и Европы, а в 1973 году ареной борьбы сильнейших команд будет Москва. Нам надо уже сегодня думать о будущем.

МУЖЕСТВО

«В чистой атмосфере этой книги, насыщенной живительным озоном мужества, юная душа вернее и прочнее поймет, что слово «мужество» происходит от древнего слова «муж», то есть человек взрослый, и что первейший долг взрослого мужчины есть защита своей Родины и ее идей». Точнее, пожалуй, не скажешь, ибо здесь определена самая суть книги и указано, кому она главным образом адресована. Строки эти принадлежат писателю Леониду Соболеву, статья которого включена в первую книгу сборника «Мужество».

Подчиненный единой цели, сборник чрезвычайно разнообразен по составу. Здесь есть стихи и статьи, воспоминания и очерки, повести и поэмы.

Об обязанностях гражданина, об уважении к труду напоминает статья Генерального прокурора СССР Р. А. Руденко. Министр внутренних дел СССР Н. А. Щелоков говорит о проблеме воспитания нравственности, о необходимости сегодня бороться за человека будущего.

Много места на страницах сборника отведено рассказам о подвигах советских людей во время гражданской и Великой Отечественной войн, на фронтах и в глубоком вражеском тылу, в мирное время — на переднем крае борьбы с преступностью и в далеких морских походах.

Маршал Советского Союза В. И. Чуйков вспоминает о своей юности, о боевом крещении в огневом 1918 году, а заместитель Председателя Президиума Верховного Совета БССР И. Ф. Климов — о партизанах Белоруссии, грудью вставших на защиту родной земли от фашистских полчищ.

Через весь сборник проходит тема нерушимой братской дружбы народов нашей страны. Главы из романа Берды Кербабаева «Свет с далекого севера» посвящены событиям 1917 года, а повесть Шарафа Рашидова «Дочь Умурзака» рассказывает о днях Великой Отечественной войны.

Предоставлено слово в сборнике и многим зарубежным нашим друзьям. О чехословацких солдатах, сражавшихся вместе с солдатами Советской Армии, о группе подпольщиков, действовавшей в районе Кромержижа, рассказывает генерал армии, Президент ЧССР Людвик Свобода.

Видные государственные и общественные деятели, писатели и воины, юристы и педагоги выступают на страницах сборника с горячим словом, обращенным к молодому поколению. «Подвиг одного — источник силы всех!» — пишет Маршал Советского Союза С. М. Буденный и желает «нового счастья, нового мужества, новых подвигов во имя Родины подрастающей нашей смене».

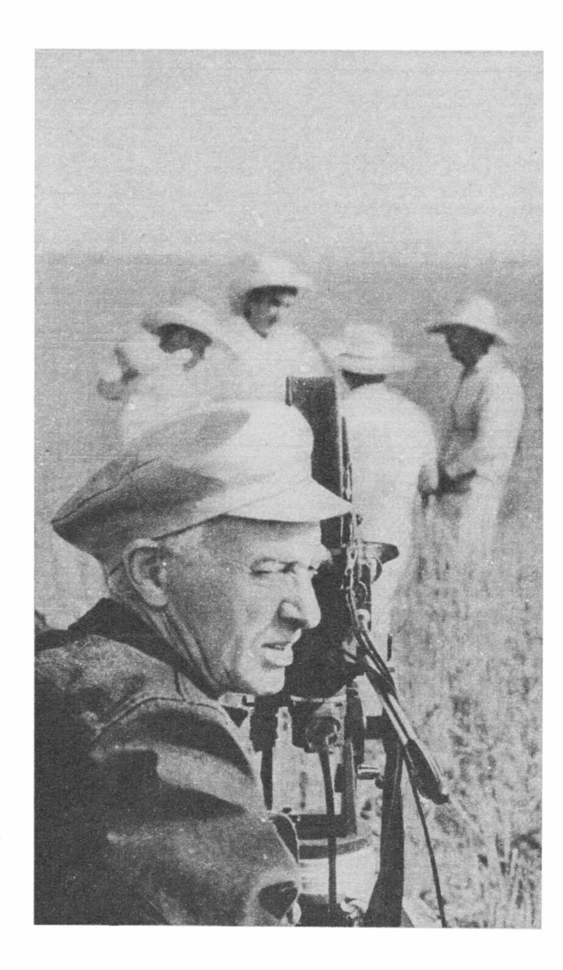
Н. ЦВЕТКОВА

МУЖЕСТВО. Общественно-политический и литературно-художественный сборник. Книга первая. Москва, издательство «Юридическая литература», 1971.

СЕКРЕТЫ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНО

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

Р. КАРМЕН,
кинорежиссер,
народный артист СССР,
лауреат Ленинской премии

Секретов у документального кино и впрямь немало. Иначе с чего бы документализм как творческая категория, как эстетический принцип сумел бы так энергично утверждаться и в художественном кинематографе и даже проникать иногда на сценические подмостки, придавая определенную окраску и современной драматургии и прозе, да, может быть, даже и поэзия испытывает на себе определенное влияние со стороны документальщиков!.. Так каковы же их главные особенности, их заветные секреты? В чем находят эти секреты свое содержание, свой стиль сегодня? Как выразились они на XIV фестивале в Лейпциге, где ежегодно собираются кинодокументалисты всего мира, чтобы вместе посмотреть: чем же обогатилось за прошедший год их боевое искусство?

Со всеми этими вопросами «Огонек» обратился к крупнейшему советскому кинорежиссеру, документалисту Роману Кармену, чьи фильмы, давно ставшие классикой, нынче изучаются во многих странах мира именно с целью постижения скрытого в них и присущего им влияния на зрительскую аудиторию.

— Значение фестиваля в Лейпциге, который собирался накануне нового, 1972 года уже четырнадцатый раз, трудно переоценить, поскольку он является теперь поистине всеобъемлющим. В самом деле, под своим гуманистическим девизом «Фильмы всего мира — за мир во всем мире» в ГДР на фестивале кинематографистов встречаются люди доброй воли—со всей земли. И видишь, что силою самих событий кинодокументалист превращается сегодня в художника-публициста, видящего мир неравнодушно, умеющего называть вещи своими именами и давать точную политическую оценку всему происходящему, а главное — волновать зрителей своим, личным отношением к событию... Даже когда камера остается по видимости бесстрастной, спокойной, она привлекает зрителя к активному постижению жизненного материала, заставляет людей делать определенные выводы и в конце концов испытывать такое волнение души, без которого, на мой взгляд, документальное кино существовать вообще не может... В частности, я думал об этом, глядя, например, подчеркнуто «сухой» американский фильм о варварском уничтожении леса на огромных земельных площадях... Фильм этот вроде бы носит всего лишь справочный характер, он даже снабжен диаграммами. Но создатели фильма, кажется, вполне бесстрастные, временами эту информацию прерывают немногими, зато интересными, острыми кадрами... Когда огромный механизм, как чудовищный паук, надвигается со своими захватами-щупальцами на прекрасное, могучее дерево, в одно мгновение обрывает его связь с землей, со всей природой и у вас на глазах расчленяет огромный ствол на куски, когда вы видите необозримую, навсегда изуродованную, поруганную землю, вас охватывает и ужас и желание бороться, протестовать против подобного хищничества, вандализма... Зрители чувствуют, что они, люди сегодняшние, должны оставить детям в наследие необезображенную землю, неиспорченную атмосферу, неотравленные реки и моря...

Как бы в противовес бессмысленным, антинародным действиям капитализма кинокамера документалистов социалистических стран показывает мощь разумного, творческого созидания, труда, одухотворенного мыслью о благе людей. В этом отношении особенно волнуют советские фильмы, рассказывающие о неутомимом хозяйском преобразовании земли... Советские люди не «борются» с природой, а стараются понять и улучшить ее. И вовсе не «поединок», не «схватку», а живой, великолепный контакт с природой видишь в фильмах, где человек поднимает к жизни пустыни, строит огромные ГЭС, насаждает лесные массивы, дает рекам новое течение, образует новые моря на карте земли...

Фильмы «Думают ли животные», «Наш Гагарин», «Крестьяне» и другие советские ленты привлекли зрителей значительностью темы, яркостью воплощения. В «Крестьянах» меня лично больше всего тронула съемка пыльных бурь, эрозии почвы, которую лечат умные, бережные и заботливые руки советских людей... Хорошо раскрыт гуманный, облагораживающий характер социалистического труда во многих лентах, в том числе болгарских, чехословацких, польских...

Понравилась мне картина о сегодняшних преобразованиях в Сирии, сделанная при участии кинематографистов ГДР. Объективно, ничего не приукрашивая, но очень сердечно, взволнованно авторы фильма рассказали, как меняется облик отсталой ранее страны. И вот думаешь: откуда же идет эта взволнованность, как она возникает?

Конечно, содержание и здесь определяет форму. Не просто лишние подробности нужны хроникальному киноповествованию, но подробности, я бы сказал, неожиданные, всегда искренние и эмоциональные, поражающие остротой поворота, доверчивостью и непосредственностью авторской интонации...

В том же сирийском фильме, например, нас взволнует даже не столько вид огромных строительных конструкций, четкие очертания которых одна за другой появляются на фоне ослепительного неба, сколько возникшая еще раз и заметно изменившаяся, почему-то ставшая какой-то прерывистой, даже неточной линия тех же конструкций... А пока вы решаете, в чем тут дело, перед вами на экране во всю его величину вдруг предстает... детский рисунок. Изображая картину огромного строительства, ребенок старательно и трогательно доносит до зрителя в рисунке как бы самую душу нового.

Благодаря таким вот находкам и возникает новое качество, появляется ощущение не только документальной правды... Родится еще и какой-то иной, образный результат, углубляющий социальную тему.

— Следовательно, факты жизни, взятые документалистом, могут быть обогащены, усилены и осмыслены, подобно материалу игрового кино?

— Думается, в этом эмоциональном усилении и заключается сила самых ярких фестивальных лент. Сошлюсь хотя бы на картину «Безумный бег», сделанную кубинскими документалистами. Это фильм об американской агрессии в Лаосе. Каждый кадр документальной хроники, находившийся в распоряжении авторов фильма, сам по себе свидетельствует о бесчеловечности агрессоров. Но кубинцы добавляют к хроникальной съемке много интересного. Скажем, добавляют мультипликацию: мы видим пентагоновца в костюме клоуна на цирковом велосипеде с одним колесом... Добавляют фотографию, на которой огромная горилла злобно щерит на вас клыки... Добавляют сатирический рисунок: улыбающиеся скелеты приветствуют публику, протягивая ей навстречу крышки гробов... Остро продуманный монтаж, резкое «стыкование» кадров, соединение «обычной» вроде бы кинохроники с таким вот дополнительным материалом, вместе с умело подобранной музыкой (в фильме звучат походные марши, а рядом с ними лихой джаз, опереточные мотивы) делают кубинский фильм еще и остросатирическим зрелищем.

— А возможен ли подобный яркий эффект без привлечения вот такого дополнительного, «подсобного», что ли, материала?..

— Разумеется!.. И лучшее доказательство тому — чилийские фильмы: «Цена, которую пришлось заплатить Чили», «Рисовать вместе с народом», «Нет времени, чтобы заплакать»... Очень приметной стала лента, сделанная в ЧССР,— «Да здравствует Чили»... Камера тут исследует народное бытие опять же доскональ-

но, неторопливо, что и придает особую значимость всему тому, что возникает на экране. И прежде всего поразительному контрасту между прекрасными, величественными картинами природы Чили и ущербным, просто страшным существованием людей труда. Вот «дома», где живут чилийцы в нищенских бидонвилях; вот из чего сделаны эти «дома». Камера показывает куски картона, жести, досок, щепы; показывает убогие изгороди крохотных, пыльных двориков, где копошатся тощие поросята, дикие голодные кошки, замурзанные дети, неухоженные, оставленные без присмотра, на произвол судьбы под этим палящим солнцем и сухим, знойным ветром...

Снова и снова показывает камера неумытые, но такие покоряюще-славные, глазастые личики, устремленные навстречу нам с извечным детским выражением неудержимого любопытства, пытливости и доброжелательства. И мы невольно запомним их, этих обездоленных детей Чили... Мы запомним их родителей — мужчин, чьи могучие руки словно только и ждут работы; запомним кротких, терпеливых женщин, всегда чем-то занятых...

Режиссура, погружая нас в атмосферу жизни чилийского народа, будто вовсе ничего не изобретает, ничего не домысливает... Необходимым и весьма выразительным ключом, творческим ходом фильма остается глубинная достоверность образной, детальной съемки. Она становится объемной, реальной и убедительной, почти не требующей словесных пояснений.

Фильм ведь молчит! Текста в нем почти нет, только музыка звучит с экрана. Но мы чувствуем, что никакие комментарии нам в общем-то и не нужны!.. И вдруг как взрыв, как крик, как острое потрясение души — толпы народа на улицах и площадях городов Чили... Тут и прежние, знакомые уже нам лица, преображенные гневом, страданием, радостью, справедливым желанием свободы и счастья... И множество самодельных флагов, плещущих над толпой, и руки, поднявшие вверх смеющихся детишек. И все это обозначает революцию, торжество нового, давно назревшего — бесповоротный конец старой жизни!..

Только что перед самым Лейпцигским фестивалем я вернулся из Латинской Америки, где пробыл с моей съемочной группой почти полгода. И могу засвидетельствовать, что документальный рассказ о чилийской современности, эмоционально работая на зрителя, в то же время действует без промаха как острое политическое оружие...

А вот картины вьетнамцев «Маленький герой из Пу Донг», «Деревушка у реки Тра». Тут, на мой взгляд, сильнее всего действует, пожалуй, документальность, как таковая. Документальность сама по себе... Кстати сказать, в этом нет никакого противоречия! Ведь документальные фильмы подобны сделавшим их людям, как и представившим их странам: ни один не похож — да и не может быть похож — на другой... Картины вьетнамцев недаром на просмотрах вызывали бурю аплодисментов фестивальной публики...

— А что стало сенсацией фестиваля?

— Фильм, полученный буквально в последнюю минуту из США, «Документы Пентагона», и тоже имеющий самое прямое отношение к войне во Вьетнаме. Это острогражданственный фильм-обвинение, изобличающий духовную общность воротил из Пентагона с фашистскими палачами.

— Надеетесь ли вы показать свои фильмы о Латинской Америке в Лейпциге на будущий год?..

— Если посчастливится!

— Последний вопрос: документальные фильмы часто зовут «малым кинематографом». Согласны ли вы с таким определением?

— Категорически не согласен. Никакое умаление не может быть приемлемо по отношению к документальному кино. Нынче в Лейпциг было привезено около двухсот фильмов более чем из пятидесяти стран. Разве эти цифры не поражают?!. А ведь есть еще Краковский международный фестиваль, работающий в братской Польше уже восемь лет подряд...

Нет и нет, документальный кинематограф — это искусство отнюдь не малого, а, напротив, большого звучания, искусство великого будущего! Этому искусству я посвятил всю свою жизнь. И ни разу не пожалел об этом.

СКРЯБИНСКИЕ КОНЦЕРТЫ

В начале концертного сезона в Москве появилась афиша: «СКРЯБИН. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО. МАРГАРИТА ФЕДОРОВА»...

Исполнение полного собрания фортепианных сочинений — задача грандиозная. В данном же случае она была осложнена еще и тем, что это Скрябин, художник столь же увлекательный, сколь и трудный.

М. Федорова подготовила скрябинскую программу к 100-летию со дня рождения композитора.

В судьбе пианистки такое всеохватное обращение к Скрябину не является неожиданным. Мы привыкли к ее монографическим концертам, к циклам-пластам: Бах, Бетховен, Шопен, Шуман...

Совсем особое место отведено Скрябину и в судьбе исполнительского таланта и в творческих пристрастиях Маргариты Федоровой.

— Скрябин,— говорит пианистка,— это целый мир ощущений — глубоких, сложных, тонких... Это и поэтичность и громадная концентрированная интенсивность чувств. И — романтика... Увлекательная, окрыленная романтика в самом высоком значении слова... Для меня,— продолжает М. Федорова,— Скрябин еще и глубоко современен по внутренней сути своей, революционен, гуманен... Это могучее содержание красноречивее слов звучит в «Окрыленной поэме», в Четвертой и Седьмой сонатах, в этюдах, в поэме «К пламени».

Поразительно исполняет эту музыку Маргарита Федорова, музыку, наполненную пафосом творческого созидания, стремления к свету и свободе, раскрепощению человеческой личности.

В шести концертах скрябинского цикла Маргарита Федорова раскрывает великий русский музыкальный гений Скрябина. В цикле представлены сочинения, охватывающие весь жизненный путь композитора. Здесь миниатюры и крупные сонатные формы, знаменитые этюды и прелюдии. Некоторые произведения чуть ли не впервые «опубликованы» в концертах... Здесь вихрь «Сатанической поэмы» — этот своеобразный русский вариант листовского «Мефисто-вальса», тут и утонченный мир «Загадки», и капризные «Иронии»...

Скрябин живет в музыке поразительно многоликий и поразительно цельный... Пианистка взялась представить его слушателям именно таким — живым, всеобъемлющим художником и эту свою задачу выполнила превосходно. Здесь, в Скрябине, как во всем, что играет Маргарита Федорова, она старается словно бы отойти в тень, оставить зал наедине с музыкой. Это — редкое качество исполнителя, наделенного артистизмом, эмоционально сильной индивидуальностью.

Видимо, в этом помощник ей — собственная натура, строгая, требовательная, предельно скромная.

Ирина СТРАЖЕНКОВА

НОВАЯ РОЛЬ МАРЕЦКОЙ

— Работать над некрасовским спектаклем «...Золото, золото — сердце народное» мы хотели все,— рассказывает Вера Петровна Марецкая. — Было такое чувство, будто мы прикоснулись к живому роднику... Для актера играть автора, к которому тянешься, всегда большое счастье, а Некрасов делает с нами, артистами, что-то волшебное. Я даже не могу сказать, что мы «играем» этот спектакль,— мы растворяемся в стихах, вкладываем самих себя, отдаем всю душу... Это благороднейший, но и труднейший материал: при своей традиционности он кажется первозданным. Едва копнешь поглубже, Некрасов-поэт поражает богатством мысли, он полон лиризма, он сатирик, и драматург, и, что самое главное, человек, сострадающий народу, сочувствующая народу душа. Все это, казалось бы, давно известно — а хрестоматийными истинами никого у нас не удивишь,— но публика слушает зачарованно, в эти минуты открывая для себя, как и мы, актеры, своего Некрасова.

Когда режиссер Е. Завадский предложил мне роль в новом спектакле,— продолжает актриса,— я поначалу даже растерялась. Но как только начала перечитывать монолог Матрены Тимофеевны из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», из глаз покатились слезы — так трогали страдания и отвага матери... Ведь Матрена Тимофеевна — гордая, сильная натура, несмотря на изломанную жизнь, невероятные горести.

Работая над ролью, я вспоминала русских матерей, которые потеряли близких во время войны; женщин, застывших в отчаянии над детскими трупами... Я хотела выразить характер русской женщины-труженицы, близкий современному зрителю.

Народная артистка СССР В. П. Марецкая в роли Матрены Тимофеевны.

Фото В. Петрусовой.

Официальная премьера прошла. Но работа для нас всех продолжается: постановка еще растет, она, как мы говорим, еще в пути. И нам хотелось бы, чтобы наш спектакль увидел народ, увидела молодежь: Некрасов воспитывает и возвышает душу.

...Веру Петровну ждут съемки фильма «Что вы знаете о Марецкой». Это будет творческий монолог. Перед зрителем пройдут образы, созданные замечательной артисткой; пройдет ее жизнь в искусстве.

Ел. ИВАНОВА

СЧАСТЬЕ? А ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

РЕПОРТАЖ С ДИАЛОГОМ

Машинисты экскаватора А. Горбачев и Д. Тропин.

Ю. ЛУШИН

Фото Г. КОПОСОВА

Специальные корреспонденты «Огонька»

Что сказать вам, товарищ Виктор, кратковременный мой попутчик от станции Кия-Шалтырь до Красноярска? К сожалению, вы не назвали своей фамилии, раздраженно бросив на прощание: «А какая разница, кто я: Сидоров, Петров или Смирнов?..» Действительно, принципиальной роли это не играет. Помните, вы были злы на весь свет и как будто искали сочувствия или оправдания себе? Потребность высказаться, объясниться томила вас, и вы подсели к случайному попутчику в полупустом вагоне. Им оказался я.

— Я вот в Тюмень еду,— начали вы без предисловий,— там, говорят, хорошо платят, надоело в этой дыре торчать, хватит, сыт по горло, прощай, Кия-Шалтырь, пропади ты пропадом...

Я выглянул в окно и увидел знакомую картину, к которой уже привык за несколько дней. Тесно стояли по склонам сопок заиндевевшие елки, словно стесняясь своей красоты, мягко падали на них редкие снежинки, а на все это великолепие опрокинулся небосвод той первозданной синевы, от которой перехватывает дыхание. Дальше виднелся поселок, за ним дробильная фабрика и серпантин дороги, уходящей вверх на карьер. Если хорошенько приглядеться, то можно увидеть, как по серпантину ползут вверх-вниз букашки — 27-тонные «БелАЗы».

Мы говорили с вами в тот день долго, до позднего вечера. Вы жаловались на трудную работу, на то, что в поселке клуб «так себе», а новый Дворец культуры строится недопустимо долго; на трудности с жильем, на отсутствие ресторана и развлечений, на поезд, который вез вас, не спеша, ныряя в тоннели и подолгу задерживаясь на полустанках. В общем, на все. Я пытался понять ваше разочарование, увидеть цель, которую вы ставили себе, приехав сюда всего полгода назад, и от которой так быстро отступили. Но вы выдали себя фразой: «Живем ведь только раз, верно? Значит, живи и наслаждайся жизнью. Почему я должен нахлебаться горького, прежде чем познаю вкус сладкого? Почему я должен загибаться в этой глуши? Человек достоин счастья, верно? Дайте же его...»

Человек достоин счастья. Над этим стоит подумать. Только какое оно? Сомневаюсь, чтобы те люди, с которыми я встречался на Кия-Шалтырском нефелиновом руднике, приняли вашу теорию счастья, Виктор! Интересно, что бы ответили они на ваши речи? Послушаем одного из них.

— Взгляните в окно. Что видите? Пятиэтажные дома, школу, магазины, детский сад, железную дорогу, то есть то, к чему мы привыкли и без чего не мыслим теперь нашу жизнь здесь. Теперь взгляните туда. Лес, только темный лес. Так вот, на месте этого поселка десяток лет назад стояли елки, только елки, болото и никаких дорог. Я-то прекрасно эти места знаю, родился тут, а мой отец старался на ручье Кийский Шалтырь и окрестных речках, был, значит, старателем, мыл золотишко. Каждый старатель, конечно, знал, что серенький камень на горе Крокодилихе пустой, бесполезный, нет в нем благородного металла. Потом золото в речках истощилось, и отец уехал из этих мест. И как же все удивились, когда геологи сказали, что из того бесполезного камня — нефелина — будут делать алюминий. И ложки, значит, и самолеты, и прочее. Крылатый металл, как говорят журналисты. Я загорелся, поехал на работу устраиваться. Дали мне мощную машину «КРАЗ», я с шестнадцати лет шоферил. Еду по улице, по единственной в то время, гордый такой, напеваю что-то и вдруг чувствую: села моя машина. Застряла капитально на самой середине улицы, и все тут. Спрыгнул в рыжую глину, сделал шаг — и без сапог остался. Сапоги в глине торчат, а сам я отдельно от них шествую. Плюнул с досады, выдрал сапоги из жижи и босиком домой пошел. Машину уже потом трактором вытянули. Иду, а народ смеется: первопроходец, мол, смотрите. Да, сапоги на первых порах моднейшей обувью считались, причем лучше, если болотные... В тот же вечер — собрание во временном клубе. Директор рудника Михаил Павлович Шорохов показывает красивую картинку и произносит речь: «Вот это наш поселок, товарищи! Пятиэтажные кирпичные дома с ванной, с горячей водой и прочими удобствами. Школа, детский комбинат «Снежинка», Дворец культуры, поликлиника, крытый плавательный бассейн, магазины, асфальт, стадион...» Слушаю я сладкую директорскую речь и чувствую, как злость во мне закипает, аж дышать трудно. Что же это получается? Он тут разводит утопию про асфальт и горячую воду, а я час назад застрял на мощной машине посреди главной улицы. За кого же он нас принимает? Наверное, не у меня одного такие мысли возникали, потому что кто-то с места крикнул: «Не рассказывайте сказки...» Хорошо, что не я это крикнул, а то, наверное, стыдно было бы до сих пор. Михаил Павлович, как будто ничего не случилось, спокойно продолжает:

«Верно тут товарищ заметил, пока что это сказка, вернее, наша мечта. Но она так и останется сказкой для тех, кто приехал сюда только за длинным рублем, для кого временные трудности заслонили мечту, кто ждет, что посторонний дядя преподнесет им их счастливое будущее на тарелочке. Нет же. Ваше счастье и судьба этого города в ваших собственных руках. Те, кто не верит в это, просто не верят в себя, таким, конечно, лучше уехать сразу...»

И тут развернулись дебаты: а как называть улицы? Словно все забыли, что и города-то еще нет. А есть только красивая картинка-проект. Одну из улиц решили назвать имени Космонавтов, потому что совсем недавно Юрий Гагарин первым из людей покорил космос, и мы верили, что он не будет единственным. И я сказал сам себе в тот вечер: а разве ты не знал, уважаемый товарищ Горбачев, что едешь не на молочные реки в кисельных берегах, разве не знал, что здесь будет трудно, разве ты привык отсиживаться за чужой спиной и ждать, пока кто-то сделает за тебя черную работу? Честно говоря, приехал-то я сюда, чтобы подзаработать. А тут словно вдруг глаза открылись на мир. Я увидел настоящую цель жизни. Ничего не скажешь, те, кто приехал сюда только ради денег, работали тоже здорово. Выполняли и перевыполняли нормы, не давали себе пощады, но только ради одного — ради рубля. Ничего больше их не волновало — ни жизнь стройки, ни жизнь страны, ни будущий город в тайге. Мир виделся им сквозь этакий огромный рубль. Понятно, что они быстро уезжали, разочарованные, ненавидящие свое дело, обозленные на весь свет. А без мечты человек беден, будь у него хоть мешок золота за спиной.

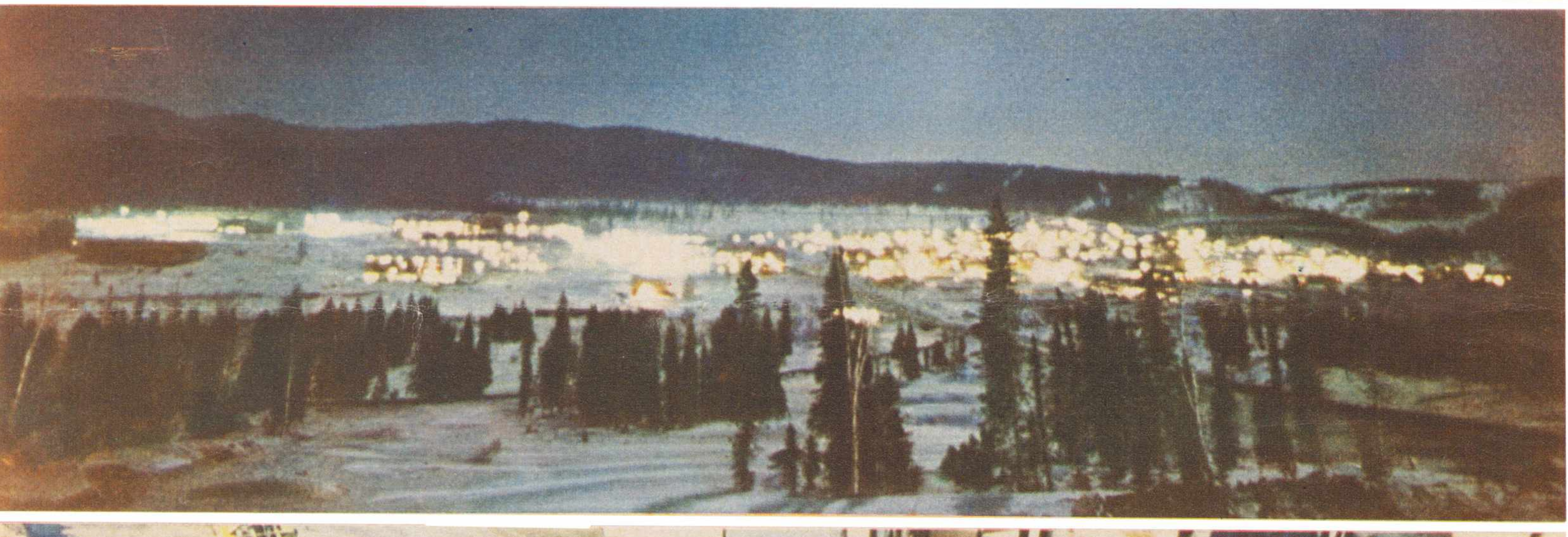
Когда я понял это, то мне стало жить не то чтобы легче, а жизнь стала полнее, осмысленнее, что ли. Меня уже не бросало в тоску при виде временных домишек с удобствами во дворе. За ними мне виделась блестящая лента асфальта и улица имени Космонавтов. И я знал, что чем лучше буду работать сам, тем быстрее эта сказка обернется былью.

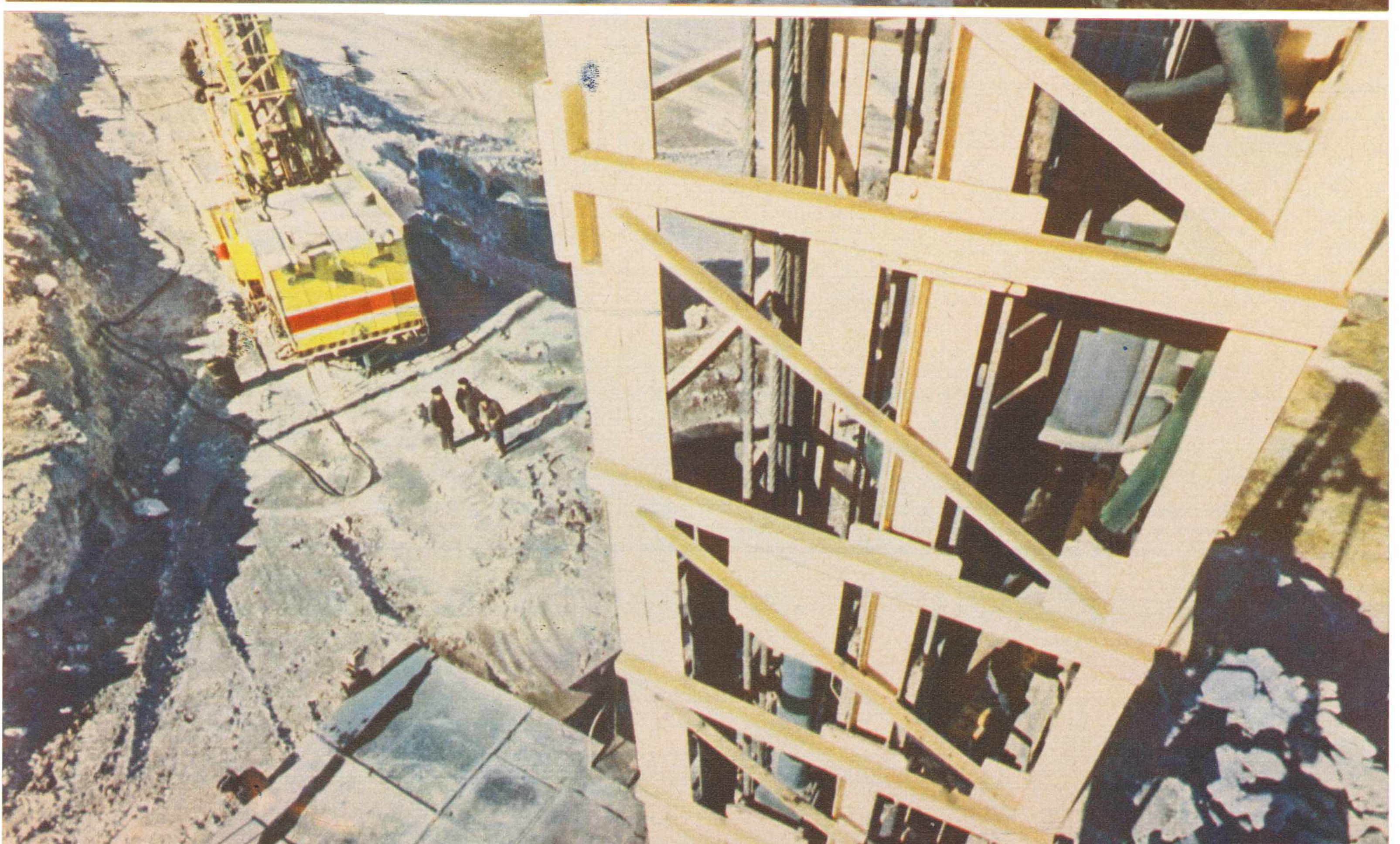
В 1965 году я стал коммунистом. Тот год вообще был переломным. И для меня и для всей стройки. Мы повели решающее наступление на Крокодилиху, гору, полную нефелиновой руды. Кажется, так трудно еще не было. Карьер только начинал рождаться, и Гора — так мы кратко окрестили Крокодилиху — не желала отдавать своих богатств. Сквозь плотный, десятиметровой толщины пласт снега не могли пробиться даже мощные бульдозеры. И снег приходилось взрывать! Оборудование, завезенное накануне, утром следующего дня не могли отыскать — его засыпало бесследно. Но еще только корчевался лес и пробивалась дорога на вершину горы, а Дмитрий Егорович Тропин, единственный в то время экскаваторщик, собирал первый экскаватор, Виктор Козырев, начальник карьера, составлял первый план его работы и размечал место для забоя. Поднимались стены дробильной фабрики, производственных цехов и жилых пятиэтажных зданий. Меня направили на помощь Тропину, и это решило мою судьбу.

Я тоже стал машинистом экскаватора. Мне повезло. Тропин оказался превосходным учителем и человеком. Я соперничал с ним

Среди сопок расположен Кия-Шалтырский рудник. Начальник карьера Виктор Александрович Козырев.

Фото Г. Копосова.

В карьере рудника добывают нефелин — сырье для алюминиевой промышленности. По виадуку его везут на Ачинский глиноземный комбинат. Специальные поезда доставляют рабочую смену в поселок Белогорск.

в работе, но это не мешало нам оставаться друзьями. Мы соревновались с ним за право первым начать забой, но я проиграл соревнование. Сейчас мы работаем с ним на одном экскаваторе, только в разные смены, и должен сказать, что даже теперь, когда у меня хватает опыта, угнаться за Тропиным не так-то просто.

Отчетливо помню день, когда с рудника отправлялся на глиноземный завод первый состав с нашей нефелиновой рудой. Я был как раз на смене и само торжество, естественно, видеть не мог, но я грузил руду в непрерывно подъезжавшие «БелАЗы», видел возбужденные лица шоферов, и праздничное их настроение передавалось мне. Хотите верьте, хотите не верьте, но в тот момент я видел, как спешили по серпантину дороги машины вниз, разворачивались у дробильной фабрики, пятились к огромной воронке приемного бункера и вдруг ухали в нее разом все двадцать семь тонн нефелина. И как скакали вниз глыбы, высекая искры и раскалываясь на куски, и как тут же их с чавканьем перетирала дробилка, и они проваливались еще ниже, на транспортеры, чтобы выйти с противоположной стороны фабрики прямо к вагонам однородной измельченной массой.

Видел я, как там у вагонов играл оркестр и как люди кричали «Ура!». Я вдруг понял, что это ведь и в мою честь кричат, в честь моих товарищей, в честь нашей мечты, которую мы не предали, в честь достигнутой цели, от которой не отступили. Я почувствовал себя по-настоящему счастливым человеком. В тот день я впервые обогнал Тропина. Наверное, больше меня этому радовался он сам. А в 1970 году нас обоих наградили орденами Трудового Красного Знамени. Вот так все это было...

Теперь можно с уверенностью сказать, что мы достигли своей мечты. Но верно также и то, что перед нами открылись новые горизонты. Скучать не придется. Во втором году пятилетки рудник начнет работать на полную мощность, значит, мы должны удвоить свои усилия. Дадим больше руды — значит, страна выпустит больше самолетов, станет богаче, мощнее. Благоустроится наш поселок — тут тоже дел еще много. Человек достоин счастья. Смешно возражать против этого. Только счастье не падает с неба, его надо своими руками ковать. Это я знаю точно...

Вот так, товарищ Виктор, мой кратковременный попутчик от станции Кия-Шалтырь до Красноярска. Примерно так ответил бы вам один из лучших экскаваторщиков рудника, с которого вы сбежали. Зовут его Альберт Петрович Горбачев. Вам, несомненно, знакомо это имя. За день до вашего отъезда, в самом начале декабря, по всему поселку были расклеены «молнии», где говорилось, что Альберт Горбачев и Дмитрий Тропин, а также многие другие досрочно выполнили годовой план и работают уже в счет второго года пятилетки. Но вам, видимо, это неинтересно. Сейчас вы, наверное, где-нибудь в Тюменской области ищете легких денег (здесь вы зарабатывали 200—250 рублей), а может, убедившись, что нефть дается тоже не просто, махнули еще куда-нибудь? Страна у нас большая. «Дайте мне мое счастье»,— сказали вы. Как будто счастье можно выиграть в лотерею. Возьмите его, Виктор! Для этого нужно немного — смотреть на реальную жизнь ясными глазами.

РАЗГОВОР С КЭТЭ О МОДЕ

Художницы Вильма Сепп, Мари Канасаар и главный редактор Кэтэ Китс.

Фото В. Сальмре.

Вот думаю, пойду-ка я к рыжей Кэтэ и наконец-то за столько лет знакомства посидим мы с ней спокойненько, поговорим всласть о чем и полагается говорить двум женщинам — о модах. Кэтэ всегда была изрядная щеголиха, всякое платье умела носить. Как-то я спросила ее, почему она все время носит синие костюмы? Кэтэ изумилась: с чего я взяла, ведь это все один и тот же. Оказывается, она носила его несколько лет с разными платками, шарфиками и бусами, и он в угоду своей хозяйке каждый раз притворялся с иголочки новеньким.

Ну, и в тот раз тоже, все хорошенько продумав и записав в тетрадь, Кэтэ, конечно, принялась за одежду: белую блузку стирала до снежного сияния, осторожно горячим утюгом гладила красный шелковый треугольник. На работу пришла с огненно-красными щеками — пока шла, нахлестало снежной крупой. И вдруг шофер говорит: ехать нельзя, метель над проливом страшная, недолго и в полынью угодить. Кэтэ кинулась звонить в разные учреждения, все отвечают — штормовое предупреждение было, все боятся передвижки льдов, и выходить каким бы то ни было машинам на лед запрещено. Пошла Кэтэ на берег, посмотрела — и верно, несется над льдами непроглядная снежная стихия, и холод собачий. Однако, если быстро идти, тепло будет. А направление держать просто: надо, чтобы ветер в самые глаза бил, а не сбоку. И пошла Кэтэ, свежеиспеченный инструктор уездного комитета комсомола, от Пярнуского берега на островок Кихну через все 40 километров снежной картечи, потому что был у нее назначен пионерский сбор кихнуских детей. А Кэтэ чувствовала себя Колумбом их нового детства. И дошла и сбор провела. Только опоздала немножко. А я тогда начинала свою журналистскую тропу и написала в комсомольскую газету об этом ледовом походе.

С тех пор прошло некоторое количество лет, двадцать из которых Кэтэ Китс сама уже работает журналисткой. Начинала она тоже в комсомольской газете, потом была редактором иллюстрированного журнала, теперь редактор «Силуэта» — эстонского журнала мод. Когда же, если не теперь, поговорить про моду?

— Мода,— сказала Кэтэ,— начинается вовсе не с фасона пальто или платья, а с заботы о здоровье. С правильного питания и отдыха, с привычки к прогулкам и лыжному спорту. С гигиены. С гимнастики, которая должна стать для человека еще более необходимой, чем еда. С заботы о походке, прическе, цвете лица. Согласись, что для такого человека никакая мода не страшна.

Я согласилась, а Кэтэ продолжала:

— Модный силуэт нынче очень красивый — приталенный и удлиненный. И это, конечно, не каприз моды, а естественная необходимость: во-первых, платье изнашивается и его надо менять, во-вторых, пятилетка в текстильной промышленности в первый же год предложила новые ткани, их надо использовать, и, наконец, женщины совершенствуют свой вкус. А чувство меры, присущее новой моде,— один из главных признаков хорошего вкуса... Советские женщины в первом году новой пятилетки довольно спокойно приняли новую моду и, по моим сведениям, в соответствии с ней усиленно обновляют свои туалеты — во всяком случае, таллинские ателье мод забиты заказами.

А пока полная демократия: нравится мини — носи мини. Миди тоже хорошо, а макси не советую, особенно по нашей слякоти — сразу забрызгаешься. Макси, я думаю, не пойдет,— неудобно, полы мешают. Я доходчиво говорю?— И перешла на другую тему.— Знаешь, как я удивилась, когда впервые узнала, сколько существует цветов и оттенков для тканей? Это было давно, и тогда уж имелось больше тысячи. Представляешь, сколько их сейчас, в связи с развитием химии? Я убеждена, что одежда влияет на нашу психику, и следовательно, на разные события в нашей жизни даже тогда, когда мы этого не замечаем или не хотим замечать. Надо обязательно развивать в себе вкус к чистым, светлым, оптимистичным тонам. На выставке СЭВ я влюбилась в болгарскую коллекцию с ее прелестными коричневыми и лиловыми оттенками, и вот видишь — результат.

Вязаный, тепло-коричневого цвета «результат» очень шел к рыжим волосам Кэтэ, и я его вполне одобрила.

Еще Кэтэ рассказала мне, а точнее, не мне, а нашим читательницам, что в «Силуэте» постоянно выступают интересные авторы — медики, историки, кулинары, конструкторы одежды, парикмахеры, журналисты, художники, потому что «Силуэт» главной своей задачей ставит общее воспитание и художественное развитие человека.

— Мы стремимся,— сказала редактор «Силуэта»,— научить женщин обязательно выглядеть моложе своих лет, немножко шить и превращать старое в новое, вязать, окрашивать и перекрашивать ткани, накрывать стол, украшать елку, одевать и воспитывать детей. Коллектив у нас хороший и мощный, десять женщин и один мужчина. Три наших художницы кончали кафедру костюма в художественном институте, а мужчина — заместитель главного редактора Вальтер Мурук,— прекрасный полиграфист.

Что касается автора этих строк, то есть меня, то я полночи читала и рассматривала комплект журнала «Силуэт» за 1971 год. Он мне понравился, потому что в нем были тысячи добрых советов, и я решила на него подписаться на всю пятилетку. И другим советую.

Н. ХРАБРОВА,
собкор «Огонька»

ДАВАЙТЕ СНИЗИМ

ВОКРУГ ПОЧТОВОГО ЯЩИКА

В «Огоньке» № 41 под рубрикой «КВД» было опубликовано письмо читателя Ф. Кондратьева из Петрозаводска с шутливым предложением: выпускать «Огонек» с обложкой из жести, так как острые края стандартного почтового ящика в его доме безжалостно рвут в клочья журнальные обложки. Как показали письма, полученные редакцией, изодранные журналы получают многие наши читатели, и все они жалуются на плохую, непродуманную конструкцию металлических ящиков, установленных в подъездах жилых домов. Например, З. Дьякова из Тбилиси пишет, что журналы из ее ящика регулярно пропадали и теперь она вынуждена, несмотря на старость и болезнь, сама ходить за ними на почту. Вот как подчас оборачиваются новшества...

Отвечая на жалобу Ф. Кондратьева, заместитель начальника производственно-технического управления связи Карельской АССР А. Федоров соглашается, что абонентские шкафы серии ШПД-44 действительно «несколько малы, и даже один журнал «Огонек» в них вмещается с трудом, а при опускании же нескольких журналов и газет последние могут повреждаться». Далее товарищ Федоров предлагает «или несколько увеличить размеры ячеек абонентских шкафов, или уменьшить размеры журналов». Второе из предложений товарища Федорова показалось нам очень интересным...

Более конкретно ответил журналу заместитель начальника главного почтового управления Министерства связи СССР Б. Аментов. В нем, в частности, говорится:

«В настоящее время разработано и организовано серийное производство ряда новых конструкций абонентских шкафов, более удобных для населения и почтальонов. В одном из вариантов предусмотрена возможность заполнения кассет шкафа почтой непосредственно в предприятии связи, с последующей их развозкой по подъездам домов на специальном транспорте. По мере изготовления шкафов будет осуществляться постепенная замена устаревшего оборудования».

ПОЭЗИЯ НАШИХ ДНЕЙ

Неумолимо движется время. Еще не утихли споры о стихах пятидесятых — шестидесятых годов, еще далеко не все полемические страсти улеглись, не все литературно-критические оценки тех лет упрочились, но уже слышатся нетерпеливые читательские голоса: чем порадовала нас поэзия семидесятых? Какие заметные явления следует особо выделить? Что ушло и забылось? Что в литературе нацелено в завтра, а что уже теперь походит на прошлогодний снег?

Спрашивать, разумеется, легче, чем отвечать. Нелегко, откровенно говоря, приходится критику, выступающему на литературном вечере вместе с поэтами, беседующему с глазу на глаз с читательской дотошной аудиторией. Нелегко теперь даже знатоку разобраться в пестрой и непрерывно движущейся панораме литературной действительности. Стихов ныне пишется, печатается в периодике, передается по радио, издается отдельными книгами поразительно много. Для сравнения приведу только один пример. Валерий Брюсов начал свой обзор поэзии за 1911 год гневными словами: «Шестнадцать новых сборников стихов, вышедших за три-четыре месяца! Не слишком ли это много?» Мы живем в эпоху всеобщей грамотности, и нет ничего удивительного и плохого, что у нас рифмующих слова — легион. Ежедневно, по данным Книжной палаты, только на русском языке в свет появляется семь — девять стихотворных сборников. У нас много талантливых поэтов, и не удивительно, что совсем нередко встречаются сборники, отмеченные зрелостью литературного дарования или дерзкой литературной отвагой юности. Но, будем говорить правду, есть издания, которым, ей-ей, лучше бы и не появляться на белый свет. Откроешь первую страницу, вторую, третью и вдруг ощутишь смертельную скуку, почувствуешь, что «от зевоты скулы разворачивает аж!».

Поэзия, как и жизнь, не стоит на месте, она развивается по своим многообразным законам. Не сразу устанавливаются верные оценки и устойчивые литературные репутации. Нередко мы принимаем олово за золото. Далеко не всегда каждый известный поэт является несомненным талантом. Можно привести немало поучительных примеров из истории литературы. Анна Андреевна Ахматова рассказывала пишущему эти строки о том, что в начале двадцатых годов в среде петроградской интеллигенции был модным спор: кто выше — Александр Блок или Игорь Северянин? Время сняло этот вопрос. У Северянина, особенно раннего, были выразительные стихи, но разве может он тягаться с творцом цикла «На поле Куликовом» и «Двенадцати»?! Для художника нет приговора точнее, чем тот, который над ним произносят годы.

Минувший семьдесят первый год с полным основанием следует назвать годом поэтическим. Вся страна с редкостным размахом, теплотой и гордой радостью отметила большой литературный юбилей — 150-летие со дня рождения творца «Кому на Руси жить хорошо». Естественно, что в литературной периодике возник плодотворный разговор о некрасовских традициях в современном искусстве.

Конечно, в любом заметном поэтическом явлении наших дней мы можем без особого труда почувствовать влияние некрасовской музы. Но зримее всего, очевиднее, нагляднее развитие, насущно необходимое обновление некрасовских традиций обнаруживается в стихах поэтов такого художественного масштаба, как М. Исаковский, как недавно ушедшие от нас А. Прокофьев, А. Твардовский, Н. Рыленков, а также в произведениях авторов сравнительно молодой литературной генерации, органическим образом сочетающих в творчестве народность и гражданственность—качества, которые, как известно, высоко ценил Некрасов. В произведениях наиболее талантливых представителей нашей поэзии мы видим неуклонное следование знаменитому некрасовскому завету: «Стих, как монету, чекань», то есть внимательное и любовное отношение к тому, чтобы значительное содержание обрело законченную художественную форму.

Примечательно, что именно в минувшем некрасовском году литературная Государственная премия была присуждена выдающемуся нашему поэту Александру Твардовскому за книгу «Из лирики этих лет». Стоит ли говорить, с какой болью была воспринята всеми нами горестная весть о кончине самого популярного, любимого и признанного в разнообразных читательских кругах поэта. Стихи Александра Твардовского знают и читают даже те, кто обычно к стихам не обращается. Чем привлекает к себе сердца поэзия создателя «Теркина»? Миллионы читателей увлекаются его стихами и поэмами, находя в них неиссякаемый источник оптимизма, душевного здоровья, активного отношения к окружающей действительности. Небольшая по объему книга лирических стихов, создававшихся на протяжении восьми лет (1959—1967 годы), вместила в себя огромный эмоциональный опыт, переплавленный талантливым художником в чистое золото поэзии. Честно, правдиво, взволнованно говорит поэт о том, чем жил в эти годы весь народ и что стало неотъемлемой частью биографии писателя. Художественный рассказ о судьбе народа и судьбе человека ведется словами, «что жгут, как пламя, что светят вдаль и вглубь — до дна...». В программном стихотворении «Слово о словах» поэт спокойно, несуетно, с большим душевным достоинством говорил, обращаясь к родной земле, что скупо применяет «слова мои к делам твоим». Как клятву, поэт произнес похвалу родному слову, которое, по его мнению, «не звук окостенелый, не просто некий матерьял,— нет, слово — это тоже дело, как Ленин часто повторял».

Читая и перечитывая книгу лирики, невольно вспоминаешь весь творческий и жизненный путь Александра Твардовского, чья биография неотрывным образом связана со всей духовной и материальной историей нашей страны, с ее трудовыми и огненными годами. Вдумчивые читатели давно уже обратили внимание на то, что простота Твардовского — это простота особого рода. Она бесконечно далека от стихотворного примитива. Перед нами — прекрасная простота сложности. Будучи близкой по своей исповедальной интонации, по народности лексики к устной крестьянской поэзии, к стихам Некрасова, поэзия Твардовского по мастерству и внутренней прозрачной красоте и редкостной точности является прямой наследницей и продолжательницей пушкинских традиций русской классической литературы. Об этом хорошо и проникновенно в свое время сказал старший современник, друг и наставник Твардовского Михаил Васильевич Исаковский: «Поэтическая речь А. Твардовского течет очень свободно, очень естественно, без всякого нажима. Она лишена той внешней поэтической условности (или даже вычурности), которая у некоторых поэтов превращает стихи в нечто надуманное, ненастоящее, нарочитое, в нечто такое, чему плохо верится и что плохо воспринимается. В то же время речь А. Твардовского на редкость точна, красочна, глубока и поэтична в самом высоком смысле». Убежден, что в этих словах Михаила Исаковского — ключ к пониманию поэзии Твардовского, да и его лучших, наиболее талантливых учеников и продолжателей.

...Лет десять тому назад в нашей критике в большом ходу было разделение поэтов на «молодых» и «старых», причем некоторые критики, помнится, решили тогда, что чем поэт моложе, тем он и лучше: у него-де нет груза прошлого и ошибок минувших лет. Теперь все понимают, что такое деление, мягко говоря, наивно. В литературе плодотворно работают представители различных поколений, и те, кого еще по привычке по-прежнему иногда именуют молодыми, давно уже перешагнули возраст не только Веневитинова и Лермонтова, но и приближаются к возрасту Пушкина. Больших поэтов никто и никогда не именовал молодыми и начинающими. Очевидно, возраст в литературе — понятие довольно относительное, связанное скорее с творческими особенностями, нежели с годами. Любители поэзии читают и перечитывают, декламируют и спорят о стихах Леонида Мартынова и Бориса Ручьева, Николая Тихонова и Ярослава Смелякова, Петруся Бровки и Аркадия Кулешова, Ивана Драча и Платона Воронько, Людмилы Татьяничевой и Дмитрия Ковалева, Якова Ухсая и Расула Гамзатова, Давида Кугультинова и Кайсына Кулиева, Ивана Лысцова и Майи Борисовой, Василия Федорова и Беллы Ахмадулиной, Юрия Адрианова и Валентина Сорокина, Ювана Шесталова и Владимира Фирсова...

Два года назад Южно-Уральское издательство выпустило «Лирику» Валентина Сорокина. Далеко не всем читателям знакомо имя этого даровитого человека, работающего плодотворно вот уже несколько лет в нашей литературе, и поэтому я считаю сейчас нелишним напомнить, что с трибуны последнего комсомольского съезда прозвучали слова о том, что Валентин Сорокин пришел из «горячего цеха завода в горячий цех литературы». Книге было предпослано небольшое, но увлеченно написанное предисловие покойного Александра Макарова, вдумчивого и заботливого критика. Александр Макаров отмечал

неукротимость темперамента поэта, правду и жар его чувств. В центре внимания Валентина Сорокина — возвышенная любовь к Родине, ее настоящему и прошлому, к людям труда, творцам прекрасного. И веришь поэту, когда он от всей души восклицает: «С чего мне в чужое рядиться? Нигде б не хотел я родиться, а только вот здесь, на Урале, средь вечно мерцающей дали».

Валентин Сорокин быстро растет, углубляется его проникновение в мир, расширяются творческие горизонты, зорче становится глаз, наращиваются поэтические мускулы. В этом наглядно убеждает нас только что вышедшая в издательстве «Советская Россия» новая книга поэта, названная «Проплывают облака». В стихах появилось много метко увиденной вещественной, осязаемой душевной и физической красоты. Поэт стал более конкретно осознавать свою главную тему — тему человека, охваченного пафосом созидательного труда. Читая «Проплывают облака», я убедился в том, что литературный Урал в эти годы выдвинул достойного преемника и продолжателя такого блистательного и глубоко народного поэта, каким является старейший певец нашей Магнитки — Борис Александрович Ручьев. С Ручьевым Сорокина роднит не только общность географическая и тематическая, но и нечто более значительное. Люди труда, знающие цену физическим усилиям, любящие сотоварищей по цеху не умозрительно, не отвлеченно, а совершенно конкретно, видящие их во всей разносторонней прелести. А существенное отличие между Борисом Ручьевым и Валентином Сорокиным заключено не только в нетождестве поэтик, имеющих общий источник — уральский рабочий фольклор. Со страниц книг Бориса Ручьева встают перед нашим мысленным взором образы тех, кто ставил первые палатки у Магнитной горы, кто жил в бараках и монтировал первые домны. Стихи же Валентина Сорокина вводят нас в героический, духовно углубленный мир современного молодого рабочего, настойчиво продолжающего в семидесятых годах дело отцов и дедов, человека вполне самостоятельного, твердо и уверенно добивающегося осуществления возвышенных целей.

В новой книге Валентин Сорокин открылся перед нами как поэт огня, освещающего людям дорогу в грядущее. Нельзя не верить поэту, когда он с чувством осознанного внутреннего достоинства повествует: «Я стоял у огня, плавил кремний и резал, потому у меня руки пахнут железом». И далее: «Я стоял у огня, где стихия клокочет, потому у меня прямо подняты очи». Автор делает обобщающий и далеко идущий вывод, создает метафорическую формулу: «Я стоял у огня в миг рожденья булата, потому у меня путь-дорога крылата». Для поэта плавка в мартеновской печи похожа на маленькую золотистую планету — он чувствует себя не только повелителем огня, но и участником исторических деяний. В стихах об этом говорится так: «И ты, свидетель сотворенья мира, захлестнут вновь стихией краснопенной, в ней — ширь степей и высота Памира, погибель и спасение Вселенной!»

Творчество Валентина Сорокина дает хорошую пищу для раздумий о том, как изменился духовный облик современного рабочего, как расширился его кругозор, как углубилось его философское и историческое понимание мира. Поэт, как бы ощущающий себя звеном в единой цепи поколений, пишет: «Прадед мой, по кличу атамана поводя стальною булавой, бил в Крыму турецкого султана, а отец — фашиста под Москвой». Через все стихи Валентина Сорокина единой ритмической интонацией, неиссякаемой темой — говорить о которой всегда интересно, необходимо и неизбежно — проходит мотив Родины, дороже которой нет ничего на свете. «Где нет святого чувства Родины, там нет судьбы у человека». Эти слова можно поставить эпиграфом ко всем стихам поэта.

Думаю, что главные поэтические открытия Валентина Сорокина еще впереди, но и сегодня он заявляет о себе как поэт сформировавшийся, зрелый и требовательный. Конечно, в его стихах можно найти и неудачные строки, и растянутости, и стилистические огрехи, но верной и плодотворной остается дорога художественного поиска.

В эти годы в литературу вошли авторы, чье детство или ранняя юность совпали с войной. Тревожная память войны не дает людям покоя. Она возвращается вновь и вновь, заставляя поэтов рассказывать своим современникам о пережитом. Только что в Лениздате вышел сборник стихов Юрия Воронова, выразительно озаглавленный «Память. Стихи о блокаде». Юрий Воронов принадлежал к числу тех совсем юных жителей бессмертного города на Неве, которым довелось увидеть блокаду, пережить ее трагедию и высокую героику, сравнимую лишь с немногими событиями истории человечества. Он поэтично, просто, душевно рассказывает о том, что видел и что навсегда запало в душу.

Мы становимся свидетелями тому, как женщины «на кладбище везут детей, зашитых в одеяла». Сын хоронит отца в братской могиле: «И даже собственной могилы ему не довелось иметь. У сына не хватило б силы: его бы тоже сбила смерть». Но среди холода, смертей, мрака и голода человек оставался человеком: «Он знает, что во сне кричит от боли, и, чтобы не мешать другим, не спит». Простой смертный человек оказался крепче крупповской стали. Он выдержал все и с гордой радостью вспоминает, что среди других лозунгов блокадного города был и такой: «Будьте стойки, как гранит!» Но даже у гранитного льва отбило взрывом снаряда лапу. Поэт говорит: «Но без людей и каменные львы, и мрамор зданий, и гранит Невы не поднимали б к солнцу головы...» И как признание великих заслуг человека, поправшего смерть, выстоявшего в схватке с врагом, звучат слова: «...О камни! Будьте стойкими, как люди!» Весь сборник говорит о том, что перед нами не только ценнейшее свидетельство человека, пережившего блокаду, но и стихи даровитого поэта, знающего цену слову.

Иван Лысцов — поэт нелегкой литературной судьбы. Он имеет и ревностных сторонников и не менее убежденных отрицателей. Новый сборник поэта — «Стезя» — дает возможность определить направление, по которому идет развитие автора, полемически подчеркивающего в стихах приверженность к народному поэтическому слову. Иван Лысцов в изобилии пользуется архаизмами и диалектизмами. Не скрою, что густая словесная вязь, литературное узорочье делают нередко речь поэта метафорически усложненной, порой даже трудно воспринимаемой. Но словесное буйство, как мне представляется,— естественный ответ на стихотворные шаблоны, на бессмысленную урбанизацию речи, коверкающую родной язык, довольно заметно понижающую уровень поэтического слова. Стихи Ивана Лысцова далеки от так называемой «экспериментальной поэзии», которая одно время преуспевала на страницах столичной литературной периодики. С годами Иван Лысцов пользуется словом все более деликатно, не поступаясь самобытностью. Более того, постепенно со страниц книг поэта возникает особый художественный мир, в котором энергично, жизнерадостно, звонко действует наш современник, не забывающий в городской суете свою деревенскую отчизну. Иван Лысцов по своей поэтике и направленности творчества близок Николаю Рубцову, автору превосходной книги «Звезда полей», безвременно ушедшему из жизни. В стихах Ивана Лысцова много широты и раздолья, под стать тем сибирским просторам, по которым ему довелось в юности пройти в геологической поисковой партии.

Отсюда, видимо, его поэтическая удаль, напористость в утверждении действительности, всей жизни как деяния: «Первым словом песня начинается, первым шагом—дальний переход». Ему по душе песенное народное слово, словесное озорство, которое сродни всевозможным народным «канавушкам» и «подгорным». Поэт знает и любит «жестокий» городской романс, конечно, в его лучших и наиболее совершенных образцах. Отсюда: «Течет река — не утолится, рокочет море внеумолк. Весь до кровиночки томится от злой любви паренек». Думаю, что стихи Ивана Лысцова — сущий клад для композиторов, приверженных к народным мелодиям. Метафорическое начало удачно соседствует в его стихах с необычным ритмическим рисунком. Пишущему эти строки минувшим летом пришлось беседовать о стихах Ивана Лысцова с Александром Андреевичем Прокофьевым. Смертельно больной человек, Прокофьев внимательно следил за тем, что происходит в нашей литературе, какие новые имена появляются, находил в себе силы поддержать словом и делом тех авторов, которых считал талантливыми. Прочитав на память несколько стихов Ивана Лысцова, Александр Андреевич, помнится, с уважением мне сказал: «Из молодых — лучший. На него я возлагаю много надежд».

Крупнейшим событием в литературной жизни страны явилось создание в Москве нового книжного издательства — «Современник». Береги честь смолоду, гласит народная мудрость. Издательство сразу хорошо заявило о себе, выпустив в добротном полиграфическом оформлении книги таких первоклассных художников слова, как Михаил Шолохов и Леонид Леонов. Необычайно удачно начался в издательстве и выпуск поэтических книг. Отличным подарком в стихотворной библиотеке явился выпуск «Языческой поэмы» Ювана Шесталова. Поэт небольшого народа манси написал эпическую поэму, основанную на древних легендах, на богатейшем сибирском фольклоре. Во вступительной заметке к книге Вл. Солоухин пишет, что было бы ошибкой считать, что поэзия Ювана Шесталова — это лишь голос природы, пусть яркий и многозвучный: «Непосредственность, так сказать, поэтическая первозданность этого таланта умножены на сопричастность огромному и сложному миру двадцатого века, оплодотворены всей той культурой, которую вобрал в себя первый поэт манси, учась в институте, путешествуя по белому свету, общаясь с десятками и сотнями своих современников, читая тысячи книг».

С этим нельзя не согласиться. Сердце поэта вмещает в себя целый мир. Он любит свой народ, свою родину, но его душа скорбит обо всех болях и заботах мира. Поэт говорит: «В коротком сне, тревожном и тяжелом, я стал Вьетнамом, гордым и веселым... Но серой паутиной паучьей заволокли большое солнце тучи». Он гневно обращается к тем, кто посылает бомбить чужие города: «Ужели ваши каменные лбы не сморщились от ужасов, творимых сынами вашими в чужой земле?» Более того, поэт ставит вопрос, носящий в современном мире отнюдь не риторический характер: «Ужели Смерть — сообщница Науки? И разве вам сегодня безразлично, какими завтра будут пять частей земли, ее лицо, и голубые руки воды, и голубые глаза детей, и день как жизнь обычный?!» Прочитав эту талантливую поэму, невольно ощущаешь себя духовно обогащенным. Здесь кстати будет сказать, что поэму основоположника мансийской литературы прекрасно перевели такие опытнейшие поэты, как В. Цыбин, Е. Винокуров, О. Шестинский, В. Португалов, А. Кушнер, Г. Семенов, Д. Сухарев, А. Фоняков, Н. Старшинов, И. Озерова и другие.

Я не являюсь, честно говоря, поклонником свободного стиха — верлибра, хотя какая-то мода на него и возникла в самое последнее время. Удачи, как мне уже приходилось писать, в сфере свободного стиха исключительно редки. Тем более хочется отметить успех книги «Осенние прогулки» Арво Метса, изданной в Таллине.

Сочетая юношескую сентиментальность с мягкой и чуть грустной иронией, Арво Метс легко и свободно дает то зарисовку городского пейзажа, то сцену работы в цеху, то натюрморт, живой и красочный. Свое отношение к стихам Арво Метс сформулировал лаконично и просто: «После поэтов, не любящих простоты, я хочу — к ее истокам». Своеобразен и по-своему увиден старый архитектурный пейзаж Таллина: «Острые шпили поднимались к небу, предчувствуя смутно стройность ракет. Но горючего не было. И под сводами прозвучал хорал». Все стихи проникнуты человечностью и добротой, юной самоиронией, заставляющей поэта насмешливо оглядываться на самого себя. Отличный пример такого иронического подтрунивания над самим собою — зарисовка, в которой мы видим поэта, стоящего вместе со своими почитательницами в очереди за вермишелью: «Поэту немного стыдно. Он стоял на эстраде, словно маленький принц, который никогда не ест».

Периодика публикует много стихотворений. Это, разумеется, хорошо. Но необходим строгий отбор. Разве приносит пользу то, что литературная печать посредственные и даже плохие сочинения воспроизводит под многообещающими заголовками: «В стране поэзии», «У древа поэзии» и т. д. Не будем забывать, что далеко не каждого стихотворца можно именовать поэтом, и вполне понятно, что не всякая рифмованная и ритмизированная речь — поэзия.

Александр Блок в свое время сказал, что поэзия и проза России «образовали единый поток, который нес на своих волнах, очень беспокойных, но очень мощных, драгоценную ношу русской культуры». Эти слова современно звучат и в наши дни. Поэзия семидесятых годов, как и в былые годы, захватывает в сферу своего влияния все новые и новые стороны действительности. Убежден, что наша поэзия хорошо развивается. Вместе с тем я считаю, что «накладные расходы», связанные с публикацией посредственных сочинений, непомерно велики.

На последнем писательском съезде много говорилось о необходимости повышения художественной требовательности, о том, что пора поставить заслон потоку серых сочинений. С этим все согласны. Читатель терпеливо ждет, когда слова будут подкреплены целенаправленными делами. Нельзя забывать, что поэтические книги у нас выходят огромными тиражами, что они насущный духовный хлеб миллионов. Одно это убедительно говорит об ответственности поэзии перед временем и народом.

Юрий ЧЕРНЯВСКИЙ

Рисунки
И. БЛИОХА.

Итак, кто же?..

Все трое воспитывались в большом детском доме на Оке. Когда их привезли, подобрав на дорогах войны, они мало чем отличались друг от друга.

Чем больше подрастали, тем определеннее вырисовывался характер каждого. Виктор Карцев привык верховодить. Напористый, инициативный, он был заводилой во всем, будь то самодеятельный концерт или ночной поход за яблоками в соседний сад. Люба была рассудительная и добрая девочка, но когда дело касалось каких-нибудь важных, по ее мнению, вещей, становилась упрямой и умела настоять на своем. На этой почве происходили стычки. Случалось, что Виктор иногда и поколачивал ее. Федор в таких случаях сопел и не вмешивался. Из них троих Федя Смирнов был самым сильным, но никогда не пользовался этим: драться он не любил.

Впрочем, еще в первые годы их жизни в детском доме произошел такой случай. Както Виктор, поссорившись с Любой, поколотил ее. Вернувшись немного погодя, он с удивлением заметил, что Федор утешает Любу и даже предлагает ей свою коллекцию камней, которой всегда очень дорожил.

Виктор подбежал, вырвал из рук оторопевшего Федора ящик с камнями и бросил в реку. И тут произошло непредвиденное: всегда спокойный Федор пришел в ярость и так беспощадно отлупил приятеля, что тот потом неделю боялся показываться на глаза. Главного Виктор так и не понял: что привело друга в ярость — потеря коллекции или обида за Любу?

Но такое случалось редко, очень редко. Ребята в общем-то жили дружно, помогая друг другу. В старших классах в свободное от занятий время они подрабатывали на местной фабрике. Ребята получили специальность сварщиков, Люба стала ткачихой.

В день окончания школы Федор, смущаясь, подарил Любе модные туфли. Виктор был более решительным: он преподнес красивый букет и, вручая его, поцеловал покрасневшую девушку.

Работать на фабрику пришли тоже втроем. Впрочем, ненадолго. Федор окончил курсы и стал мастером, Виктор на новом месте не прижился, по путевке комсомола отправился в К-ск, на одну из крупнейших строек Сибири.

Когда пришло время расставаться, как-то незаметно оказалось, что они влюблены. Пожалуй, можно было догадаться, кому отдавала предпочтение Люба. Перед отъездом у нее с Виктором состоялся долгий разговор, и с тех пор Федор стал замечать, что отношение к нему переменилось...

* * *

Виктор Карцев погиб на рассвете. Он не дошел до дома Любы метров 300. Убийца нанес удар ножом сзади. В кармане пиджака Виктора нашли его паспорт и 23 рубля денег. Немного разменной монеты обнаружили в карманах брюк, там же лежал железнодорожный билет из К-ска: 6-й вагон, 14-е место. Видимо, когда он падал, ударился левой рукой о камень на дороге. Стекло часов разбилось, и стрелки зафиксировали время его гибели: 5.47. Тут же валялся небольшой чемоданчик с вещами Карцева.

И, наконец, телеграмма. Она лежала между страничками паспорта, аккуратно сложенная вчетверо. Текст был краткий и выразительный: «Не могу больше, приезжай. Федор подлец. Люба».

По горячим следам, оперативно и энергично было проведено дознание. Люба рассказала работникам милиции, что за неделю до гибели Карцева приходил Смирнов и сделал ей предложение. Когда она отказалась выйти за него замуж, Федор долго ее уговаривал, говорил о своей любви, что он ничего не пожалеет, лишь бы она была счастлива. Люба молчала. Федор обиделся, неожиданно встал и ушел. На другой день пришел снова. Как ей показалось, был навеселе, держался развязно. Говорил, что Виктор пустой человек, недостойный ее, намекал, что он давно нашел себе другую девушку. Тогда Люба встала и молча показала ему на дверь. Федор как-то сразу пришел в себя, трезво и внимательно на нее посмотрел и со словами «нам с Витькой вдвоем не жить» ушел, сильно хлопнув дверью.

При обыске у Смирнова была изъята еще одна телеграмма. На этот раз от Виктора, в которой он сообщал Любе, что приедет 26 августа поездом в 5.20. Последние дни Люба, видимо, не желая встречаться с Федором, дома не жила и об этой телеграмме ничего не знала. Ее соседка расписалась за телеграмму еще утром и сунула ее за ручку двери Любиной комнаты. Куда телеграмма потом исчезла, она не знала.

На другой день допросили работницу текстильной фабрики, которая встречала мать с поездом в 5.20. Свидетельница пояснила, что она видела Смирнова на перроне среди встречающих. Круг постепенно сжимался. Смирнов отказывался от всего, однако его объяснения были очень путаными и малоубедительными.

Эксперты пришли к выводу, что убийство, по всей вероятности, совершено ножом, лезвие которого несколько шире обычного. Они предположили, что орудием преступления мог быть нож, которым пользуются работники ткацких цехов при наладке станков без съема ткани. На рабочем месте мастера Смирнова произвели обыск и установили, что нож, которым он ранее пользовался, отсутствует. Куда он делся, подозреваемый объяснить не мог.

Сосед по общежитию пояснил, что 26 августа Смирнов пришел домой в восьмом часу утра, был бледен и чем-то взволнован. На расспросы не отвечал, молча собрался и ушел на работу.

Было обращено внимание и на то обстоятельство, что убийца не преследовал корысти: деньги и вещи потерпевшего остались на месте. Естественно, возникло предположение, что преступление совершено по иным мотивам, каковыми могли быть месть или ревность.

Оставалось одно неясное обстоятельство. Карцев погиб в 5.47, поезд прибывал на станцию в 5.20. От вокзала до места убийства было не меньше 40 минут быстрой ходьбы. Отсю-

да следовал совершенно правильный вывод, что с вокзала преступник и его жертва уехали на машине. Предположение оказалось разумным; был выявлен водитель такси, который пояснил, что он доставлял с поезда в 5.20 от вокзала до Дубовой рощи, где на окраине находилась текстильная фабрика, двух молодых людей. Когда в группе других лиц ему был предъявлен Смирнов, он, не колеблясь, указал на него, как на одного из двух пассажиров такси.

Круг замкнулся. Дознание было закончено, а Федор Смирнов арестован.

* * *

Своеобразный все-таки человек мой коллега следователь Суровцев. Мало ему своих забот, он еще и в чужие обязательно должен вникнуть. Вот и сейчас, удобно усевшись напротив меня и посасывая сигарету, ведет неторопливую беседу.

«Люблю, знаешь, простые дела. Все от начала до конца заранее известно, страсти поулеглись, интерес понемногу утратился. Тут самое время и поработать, благо ничто не мешает.

А ведь поработать всегда есть над чем. Ну, например, разве плохо выяснить, что съел на обед преступник, перед тем как пойти на черное дело. Пища ведь очень влияет на поступки людей».

«Какие могут быть шутки в таком серьезном учреждении?»

«Можно и совсем серьезно. Вот хотя бы допрос таксиста: парни в машине всю дорогу молчали, как будто они между собой и незнакомы. Не странно ли: встречаются два друга после долгой разлуки, у одного в кармане телеграмма, где другой аттестуется подлецом, а они молчат как ни в чем не бывало. Почему бы это? И куда вообще они ехали ночью? К Любе? Почему не подъехали к ее дому? К Федору? Зачем проехали общежитие и остановились в Дубовой роще? И таких «почему», если внимательно почитать дело, может возникнуть очень много».

«Что делать? Откуда я знаю, что надо делать. Это уж ты пораскинь мозгами. Во всяком случае, нельзя топтаться на пятачке от 5.20 до 5.47. Можно же наконец узнать, как и с кем провел свои последние часы Карцев?»

Сказал, попыхтел еще немного сигаретой, помолчал минут пять и пошел к себе. А я остался раскидывать мозгами.

Когда пришла повестка о вызове к следователю, Николай Иванович Старцев очень удивился. Он удивился бы еще больше, если бы узнал, какую пришлось провести работу, прежде чем стало возможным послать эту повестку.

Из железнодорожного билета, найденного в кармане у Карцева, было известно, что он ехал в шестом купированном вагоне. Проводницу этого вагона найти было несложно. Хотя времени прошло и немного, пассажиров она, конечно, помнила очень смутно. Кажется, действительно, в четвертом купе ехали двое, один молодой, другой пожилой, тучный гражданин... Она его запомнила, потому что он забыл на своем месте небольшую чашку с надписью. Сувенир этот у нее сохранился, а сошел гражданин на следующей после нашего города остановке.

Несколько дней спустя я рассматривал довольно-таки аляповатую чашку с изображением орла, восседающего на камне, с надписью «На память о Кисловодске», с датой — 22 августа.

Это была ценная находка. Судите сами: в Кисловодске 36 различных здравниц, летом в них одновременно отдыхают примерно тысяч 18—20 граждан. Найти среди них тех, кто проживал в известном мне небольшом соседнем городке и отдыхал 22 августа, задача хотя и трудоемкая, но вполне разрешимая.

Таковых оказалось двое — молодая учительница музыкальной школы и пожилой бухгалтер строительного института Николай Иванович Старцев. Естественно, что учительница не подходила, оставался Старцев.

Видимо, пребывание на кислых водах мало повлияло на его комплекцию: на стул напротив меня опустился тучный, страдающий одышкой человек лет 55 от роду. Вопреки солидной внешности движения его были порывисты, а речь торопливой.

«Неужели этот скромный сувенир причинил вам столько хлопот?» — начал он. И не успел я открыть рот, как Николай Иванович взял со стола чашку и стал быстро поворачивать.

Узнав, что следствие интересует несколько иной круг вопросов, Старцев все так же торопливо, не выпуская из рук чашки, стал рассказывать.

Он хорошо помнит своего молодого интересного попутчика, срочно выезжавшего по каким-то личным делам из К-ска. Они быстро подружились и приятно провели время. Перед расставанием даже выпили втроем. Был и третий, тоже молодой парень, по имени Глеб. Он сел в поезд на какой-то остановке и сошел вместе с Виктором. А Виктора от души жаль, очень симпатичный человек. У Виктора, видимо, приличные заработки. Пригласил в ресторан, угостил как следует, а когда рассчитывался, достал пачку денег.

Глеб, видимо, тоже живет в городе. Они ведь сошли не на вокзале, а немного раньше. Поезд остановился на несколько минут на подходе к городу, и ребята спрыгнули. Глеб еще сказал, что так им будет ближе. На вид Глебу лет 25—27, никаких особых примет нет, хотя парень из себя видный и запоминающийся.

Сведения, полученные от Старцева, заставляли серьезно задуматься. Если Карцев сошел раньше, то его, естественно, не мог встретить на вокзале Смирнов. Кто же тогда ехал на такси? Далее, если допустить, что у Виктора была крупная сумма денег, которой потом не оказалось, то это в корне меняло предположение о мотивах убийства.

В том, что относительно денег Старцев не ошибся, я убедился очень скоро. На мой запрос из К-ска пришел ответ: «Уезжая, Карцев получил в сберегательной кассе весь вклад в сумме 1 300 рублей».

* * *

Итак, кто же такой Глеб и какова его роль во всей этой истории? Может быть, он правильно назвал свое имя, так как в начале знакомства ему не было смысла поступать иначе. Если Старцев прав и в остальном, то можно попытаться поискать его в нашем городе.

При населении в 300 тысяч человек мужчины составляют около 142 тысяч, а в возрасте 24—27 лет их будет что-то тысяч 12. Если бы интересующего меня человека звали Андрей, Алексей или каким-нибудь другим распространенным именем, задача была бы почти безнадежной. Меня же утешала та мысль, что, по расчетам специалистов, именем «Глеб» в наше время называют не более 0,05 процента всех родившихся мальчиков. Таким образом, теоретически речь шла всего о 50—60 гражданах.

После кропотливой работы, на которую, несмотря на активную помощь соответствующих служб милиции, ушло немало времени, отбор «кандидатов» был закончен. В один прекрасный день восемь молодых Глебов сидели у меня в кабинете, с нетерпением ожидая появления уже знакомого вам Николая Ивановича Старцева...

Глеб Агеев не особенно удивился этой встрече. Не дожидаясь наводящих вопросов, он рассказал, что 26 августа, возвращаясь в свой родной город из поездки к родственникам, в поезде познакомился с двумя попутчиками и с одним из них сошел, не доезжая вокзала, благо так ему ближе до дома. С Карцевым прошел примерно полдороги, затем, не доходя до Дубовой рощи, свернул направо, а его попутчик дальше пошел один. Что с ним произошло, он не знает.

Итак, можно было подвести предварительные итоги. После трех недель напряженной работы простое дело перестало быть простым. Вместо одного подозреваемого появилось два, причем второй ничего не прибавил к выяснению роли первого. Тот факт, что один из них сидел в тюрьме, а второй оставался на свободе, дополнительных доказательств не добавлял.

Размышляя, можно было прийти к одному разумному выводу: при сложившихся обстоятельствах решающую роль играло выяснение вопроса о том, куда же подевались деньги, наличие которых у Карцева незадолго до убийства не вызывало никаких сомнений.

Для прояснения этого вопроса были произведены обыски в общежитии у Смирнова и в доме у Агеева, но они не дали никаких результатов. Кстати, Агеев жил вместе с родителями в маленьком домике.

На заводе, где работал Глеб, я узнал, что домик его родителей подлежал сносу, так как в этом районе шло новое строительство. Правда, заводское начальство не торопилось с предоставлением квартиры Агееву: работник он был неважный, к поручениям относился с прохладцей, допускал прогулы.

Вот тут-то и возникла одна идея, которую следовало проверить на практике, так как обстоятельства этому благоприятствовали. Я зашел к директору завода, тот пригласил еще кое-кого, и мы обстоятельно обо всем договорились.

На другой день, к концу смены, Агеева вызвали к администрации и вручили предписание о немедленном освобождении дома в связи с его сносом и переезде на новую квартиру. Агеев еще толком не пришел в себя от нахлынувших на него забот, когда, подходя к дому, увидел два бульдозера. Один из них разворачивался по направлению к углу дома, второй поднял нож — нацелился на забор усадьбы.

Озорной бульдозерист, увидев Агеева, весело закричал ему: «Давай собирайся быстрее, расчищать место надо, не создавай простой рабочему человеку». Агеев мрачно выругался и хотел было уже вступить в спор, но тут подошел прораб, и они договорились, что к утру будет машина, которая поможет перевезти вещи.

Расчет оказался правильным. Еще как следует не стемнело, как на усадьбе промелькнул Агеев с небольшой лопаткой в руках. Подойдя к углу сарая, он стал откапывать землю у нижних венцов. Осторожно отгребая землю, Агеев вынул небольшой сверток. В этот момент вдруг стало светло, три работника милиции полукольцом окружили Агеева, осветив его электрическими фонариками. Старший из них шагнул вперед и забрал из рук оторопевшего Агеева сверток.

«Ну что, ваша взяла!» — прошипел он, расписываясь в протоколе, где было указано, что при задержании с поличным у Агеева отобран сверток, в котором находился нож с широким лезвием, пачка денег в сумме 1 300 рублей и застрявшая между купюрами квитанция на отправку телеграммы Карцева в адрес Любы.

На этом, собственно, можно бы и закончить. Осталось только письмо Федора. С тех пор прошло уже немало времени, но эти неровные, бегущие куда-то вбок строчки до сих пор сохранились в моей памяти. Многое из письма касалось только Любы, но кое-что имело непосредственное отношение и к нашей истории.

...«все было против меня, защищаться мне было нечем, да и не стоило. До сих пор бесконечно стыдно за свое поведение в те последние дни. Я и пошел к тебе снова, чтобы просить прощения. Но нашел телеграмму Виктора. Какая-то мутная волна вновь захлестнула меня. Схватил телеграмму и выбежал не помня себя.

Опомнился в каком-то кустарнике, далеко от города. В руке у меня оказался нож. Наверное, я вынул его из кармана спецовки, когда продирался сквозь чащу. С отвращением я отбросил его...

Где я ходил и что передумал за те часы, не могу рассказать даже тебе. Куда шел — и сам не знаю, только ноги сами принесли меня на вокзал. Долго ждал поезда, а когда он пришел, Виктора я не увидел. Тут подвернулся какой-то таксист, и мы поехали. Со мной рядом сидел незнакомый парень. Он попросил остановиться недалеко от Дубовой рощи, я тоже сошел там и пошел наугад, не выбирая дороги.

Под утро пришел домой и напугал соседа своим видом. Уже на работе узнал, что Виктор погиб. Сколько бы я ни заставлял себя думать иначе, мысль упорно меня преследует: это из-за меня, это по моей вине он погиб... До сих пор не могу до конца осознать случившееся. Ты ведь знаешь, я начинал, как и Виктор, сварщиком. Вот и решил вспомнить старую профессию. Еду в К-ск.

Прощай, Люба, я почти не надеюсь на твой ответ, хотя адрес тебе знаком...»

Письмо это недели две спустя после ареста Агеева принесла мне Люба. Принесла и оставила у меня вместе с конвертом. Впрочем, адрес она действительно хорошо знала и так.

В. ПРИВАЛЬСКИЙ, Т. РУДИНА

ИЗБРАННОЕ ИЗ МАГНИТОФОННОЙ ЗАПИСИ

«Русским языком вам говорят»... В данном случае мы цитируем товарища Сергея Тулбу из мастерской по ремонту холодильников. Но вообще-то это выражение давно стало крылатым и режет слух чаще всего именно в сфере коммунально-бытового обслуживания. Еще вам говорят: «Вас много, а я один». Тоже крылатая фраза, бытующая в сфере, которая по самой своей сути призвана оказывать услуги людям.

И вот нам нестерпимо захотелось узнать: а) на каком языке действительно говорят в этой самой сфере услуг; б) как их оказывают и в) действительно ли оказывают?

Мы прихватили с собой портативный магнитофон — он-то уж не даст соврать — и пустились в путь. Ниже мы приводим избранные места из магнитофонной записи.

1

Как отремонтировать зонт? Звоним в мастерскую на улицу 25-го Октября. В трубке звучит довольно раздраженный женский голос: «Да?» «Скажите, пожалуйста, у вас можно отремонтировать зонт?» «По телефону? Нет!»

Вот так, товарищи! По телефону зонтов, оказывается, не ремонтируют. А мы-то думали... Мастер, разумеется, шутил. Но, спрашивается, уместно ли? В общем, идти в эту мастерскую расхотелось: кто его знает, какие еще шутки нас ожидали там. И мы отправились в другую, в Столешниковом переулке. «Вы можете починить зонт?» «Трость менять надо,— ответил мастер, рассматривая ручку. — А у меня их нет». «А где взять?» «От старого зонта».

Мы даже слегка опешили и собрались было пролепетать что-то вроде: «А где же взять старый зонт?» — но вспомнили, что он-то как раз у нас в руках.

Отремонтировать зонт так и не удалось.

2

Мастерская по ремонту холодильников на Самотечной улице, дом 1.

«Можно отремонтировать холодильник «Саратов»?» «Деталей нет». «А где их достать?» «Их вообще нет». «Как же быть? Неужели выбрасывать холодильник?» «Выбрасывайте, я подберу...»

И здесь, оказывается, шутник! А нам не до шуток.

В это время зазвонил телефон. Мастер схватил трубку с тем ожесточением, с каким хватают змею, опасаясь укуса.

— Да!.. Куда-куда? Садово-Самотечная?.. Так... Вам же русским языком объяснили, что нужно отрезать патрон,— вы не хотели. Ах, достали новый? Ну, тогда поставим. Когда? Мастер прихромает и сделает.

Трубка брошена. И мы продолжаем допытываться. «Как же быть с нашим холодильником?» «Я вам уже сказал: деталей нет!»

В это время зазвонил телефон. Мастер схватил трубку с... (см. выше). Реплики его, в общем, сводились к одному: «Русским языком вам говорят».

«Посоветуйте, где же исправить холодильник?» — гнули мы свою несчастную линию. «Холодильники ремонтируют здесь».

«А где достать детали?» «Вам уже было сказано...»

В это время снова зазвонил телефон. И вновь мы услышали знакомый припев: «Русским языком вам говорят...»

Под этот рефрен мы и покинули мастерскую, навсегда запомнив мастера-приемщика Сергея Тулбу.

3

«Дело мастера боится» — это утверждение мы услышали от педагогов И. Н. и В. С. Васильевых, ставших жертвой мастера Титова в ателье «Индпошива» № 14 (бывший «Люкс»).

Предоставим им слово.

В. С. 8 января я заказал здесь пальто. Срок изготовления — 9 марта. На примерке закройщик Титов еле стоял на ногах.

И. Н. На меня все время вином дышал. Пришлось сказать ему: станьте подальше.

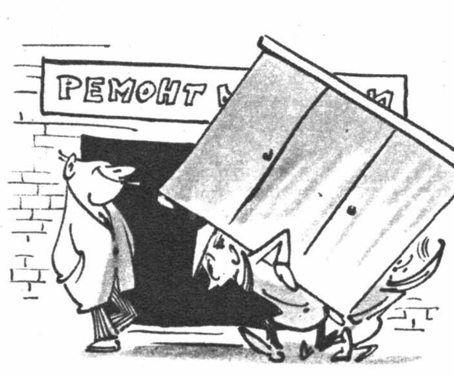
В. С. В феврале — марте — вторая примерка. Я позвонил: не готова.

И. Н. На второй примерке оказалось, что пальто слишком широко. Закройщик говорит: это же зимнее, а не летнее, а ваш муж не мальчишка, пусть будет солидным.

В. С. Они трижды звонили к нам домой: забирайте ваше пальто, иначе сдадим его на склад и продадим. Мы трижды приходили, а они даже не брались за пальто, оно все в том же виде. А приемщица защищает закройщиков: они, говорит, мальчишки хорошие, но выпивают.

Рисунки В. ЧЕРНИКОВА.

4

Звоню в контору по ремонту мебели в Старо-Петровском проезде. «Мне нужно отремонтировать мебельный гарнитур. Можете прислать мастера?» «Мы на дом не присылаем». «Что же, везти гарнитур к вам?» «Да». «Вот так-так!» «Да, так!»

Разговор окончен. Может быть, мне пойдут навстречу в другой мастерской?

«Пожалуйста! — отвечают в мастерской на Верхней улице.— Зайдите, заплатите рублик, тогда пришлем мастера». «А нельзя ли внести этот рубль самому мастеру?» «Нельзя». «Почему?» «Нам это неудобно». «Для меня тем более». «Вот вы позвонили: нельзя ли вызвать мастера? Я говорю: можно. А мастер не пошел: «Ладно, мол, рубль не заплачен, позвонит еще раз. А когда у меня записан этот рублик, тогда уже никуда не денешься».

Я почувствовал себя так, словно это не мою мебель, а меня самого «отделали под орех».

5

Я позвонил в ателье № 15 на площади Борьбы.

«Можно заказать сорочку?» «Можно». «Из вашего материала?» «Из вашего, нашего, чужого, какого угодно. Но срок — два месяца». «Ох!» «Не падайте в обморок! Я вам все объясню. Мужчины помешались на цветных рубашках. Вы тоже?» «Я еще не помешался». «А вот вся молодежь Москвы помешалась. На цветных рубашках «батендоу», что означает «пуговицы внизу». Приносят ситец, который раньше наши прабабушки употребляли на юбки. Завалили нас заказами — жуткое дело».

Конечно, нехорошо со стороны молодежи, которая «помешалась». Ну, а ателье? Им бы шить побольше рубашек и побыстрее и надомникам отдавать. Ан нет! Завалили — и все!

6

Мастерская по ремонту электробритв. Пушкинская, 13. Щеки приемщицы Вали Герасимовой еще пунцовели от баталии: неравный бой с клиентом шел к концу. Вот что записал магнитофон.

Клиент. ...поставьте мотор. У вас же гарантийная мастерская.

Приемщица (кричит). А где мы вам его возьмем? Купите и принесите.

Клиент. Гарантийная мастерская, а моторов нет!

Приемщица (кричит). Да, нет! У нас только отдельные запчасти для моторов, и все.

Клиент. В магазине четыре рубля пятьдесят копеек, а у вас семь рублей надо отдать.

Приемщица (кричит). Вот и идите в магазин!

Клиент. Абсурд какой-то. А еще реклама: «Срочный ремонт в течение часа».

Приемщица (кричит). Ладно, реклама! У нас лучшая мастерская Москвы!

Клиент. На халтуру похоже.

Приемщица (кричит). Халтура! Иди и больше не приходи! Покупайте и ставьте сами, а в халтуру нечего ходить.

Хватит, довольно! Похоже, что в этой мастерской гарантийный ремонт не очень-то обеспечен, а грубость гарантирована.

7

Шляпная мастерская в Столешниковом переулке.

«Пожалуйста, разрешите померить вот эту каракулевую шляпку». «А мех у вас с собой есть?» «Какой мех? Я хочу сперва примерить, а если понравится, тогда куплю мех». «Когда купите мех, тогда и будете мерить». «А если мне не подойдет фасон? Неужели трудно дать примерить?» «Трудно! Вас тут тысячи ходят в день!»

Знакомая фраза? Не правда ли? «Вас много, а я одна».

* * *

Подведем итоги. Попробуем ответить на пункты «а», «б» и «в».

а) На каком языке говорят с нами в сфере обслуживания? Увы, не на русском. Ибо грубость, хамство, издевательство — отнюдь не лучшие категории великого и прекрасного русского языка (см. примеры 1—7).

б) Как их, услуги, оказывают? В тех мастерских, где нам пришлось побывать, плохо! (См. примеры 1—7.) Возможно, что нам не повезло...

в) Действительно ли их оказывают, эти услуги? В принципе да, но не всегда и не везде... (См. примеры 1—7.)

Впрочем, не будем обобщать. Где-то, мы в этом уверены, есть ателье, мастерские, комбинаты, где вас обслужат быстро, хорошо, а главное, вежливо. Нам, увы, такие не попадались.

В печати время от времени можно встретить фотографии и заметки, где как особые заслуги отмечаются внимание к заказчику, вежливость с клиентом. Нам это кажется странным. Ведь такие качества должны быть нормой поведения. На наш взгляд, работники сферы **услуг** должны обладать профессиональной вежливостью.

Кое-где вам, вероятно, попадались таблички с надписью: «Коллектив ателье (мастерской, комбината) включился в борьбу за лучшее обслуживание». Но еще Ильф и Петров писали: «Не надо бороться за чистоту. Надо просто убирать». Так вот, не надо бороться за лучшее обслуживание. Надо просто хорошо обслуживать. Это норма.

В заключение мы хотим обратиться с неким, что ли, воззванием: дорогие товарищи мастера, приемщицы! От имени клиентов, заказчиков русским языком вам говорим: «Будьте добры, пожалуйста, не откажите в любезности всегда и всюду быть неизменно вежливыми! Заранее благодарим. Спасибо за внимание...»

От редакции. Редакция «Огонька» приглашает героев данного репортажа, а также руководителей УБКО Мосгорисполкома и работников Министерства бытового обслуживания РСФСР за «круглый стол» для обсуждения стиля работы предприятий сферы бытовых **услуг**. Запишем и этот разговор на магнитофонную пленку.

ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ

Это был подлинно русский писатель — и по стилю, и по складу характера, и по тематике своих произведений. Именно поэтому для Куприна, по сути дела, гибельным оказался роковой шаг — разрыв с родиной, живительными корнями которой питалось его творчество. Бегство в эмиграцию было мучительным для Куприна-россиянина и смертельным для Куприна-писателя. Если собрать воедино все созданное Куприным после черного для него 1919 года (разумеется, исключая публикации в эмигрантских листках и литературную поденщину), наберется немного.

Написал он много. И как много мог бы еще создать... Поэтому так понятен интерес к его жизни, к каждой книге об этом сложном, противоречивом художнике. Поэтому быстро исчезла с прилавков магазинов книга его дочери «Куприн — мой отец».

Главная ценность книги Ксении Александровны Куприной,— она не скрывает правды о своем отце. А правда эта была суровой. Писатель, всем творчеством своим готовивший победу революции, становится — пусть всего на девятнадцать дней — сотрудником газеты, созданной по приказанию Юденича. Он, пользовавшийся поддержкой Горького, побывавший на приеме у В. И. Ленина, оказывается заброшенным в лагерь реакции, покидает родину, печатается в белогвардейских листках. Пусть он потом с болью вспоминает об этом тяжелом периоде своей жизни, но из песни слова не выкинешь. Об этом нелегко писать — особенно дочери, которая ребенком очутилась на чужбине, на все смотрела поначалу глазами отца, разобралась во многом с большим опозданием. Она написала грустную книгу, которая и не могла быть иной. Это книга о том, каково без родины, без России. И не только Куприну.

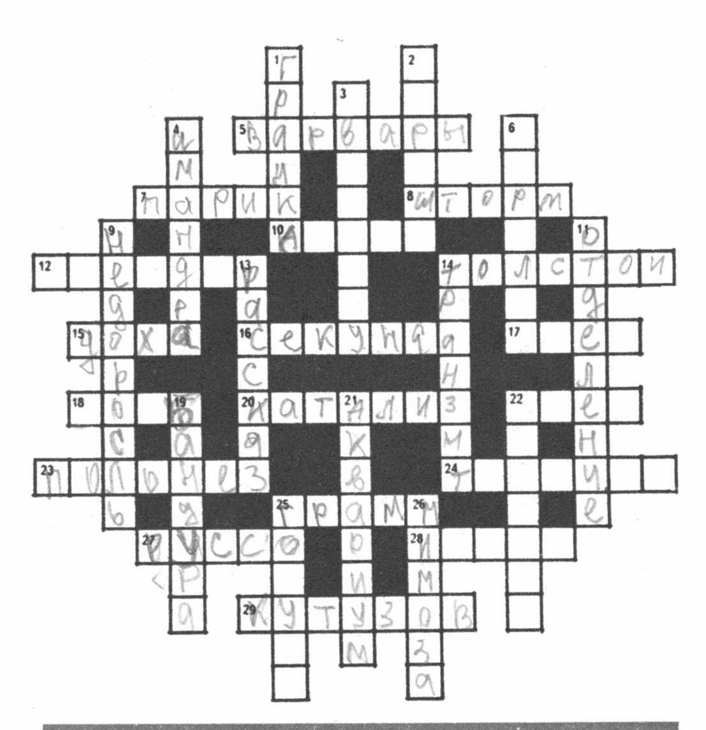
Баловень судьбы, при одном только упоминании фамилии которого открывались любые двери, Куприн слышит в первые же дни эмиграции: «Грязные иностранцы, убирайтесь к себе домой!» Писатель, кого не без основания прочили на трон российской словесности, познает нужду, вынужден унижаться, чтобы иметь кусок хлеба. Читать все это горько. Горько читать и о том, что он не мог писать, чувствовал себя Антеем, оторванным от земли. В этом он был не одинок. В эмиграции не создали почти ничего значительного и близкие ему писатели И. Бунин, К. Бальмонт, Саша Черный, Е. Чириков, о взаимоотношениях которых с Куприным много говорится в книге.

Автору «Поединка», «Листригонов», «Ямы» нелегко дался отход от эмиграции. Его тянуло домой, в Россию. В 1937 году в парижских «Последних новостях» появилось кровью сердца написанное признание Куприна: «Умирать нужно в России, дома, так же, как лесной зверь, который уходит умирать в свою берлогу. Скрылись мы от дождя огненного, жизнь свою спасая. Есть люди, которые по глупости или от отчаяния утверждают, что и без родины можно, или что родина там, где ты счастлив. Мне нельзя без России. Я дошел до того, что не могу спокойно письма написать туда, ком в горле». Вот что пишет его жена, Е. М. Куприна, уже из СССР: «Папа молодеет с каждым днем и твердо верит, что быстро окрепнет на родной земле». Когда он увидел, как тепло относятся к нему красноармейцы,— расплакался. «Меня, великого грешника перед родиной, сама родина простила. Сыны народа — сама армия меня простила. И я нашел, наконец, покой».

У А. И. Куприна, по выражению его дочери, была пестрая жизнь. Об этом ее книга, которая помогает многое понять в сложном пути большого писателя. Она знакомит и с малоизвестными сторонами его биографии. В ней публикуются многие письма Куприна и Куприну.

Михаил ХОДАКОВ

К. А. Куприна. «Куприн — мой отец». Издательство «Советская Россия». 1971.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Пьеса М. Горького. 7. Накладные волосы. 8. Сильная буря на море. 10. Залив Красного моря. 12. Землеройная машина. 14. Русский писатель. 15. Меховая шуба. 16. Музыкальный интервал. 17. Приток Урала. 18. Геометрическая фигура. 20. Изменение скорости химической реакции. 22. Атмосферные осадки. 23. Танец. 24. Стихотворная форма. 25. Мера веса. 27. Французский просветитель XVIII века. 28. Река в Башкирии. 29. Русский полководец.

По вертикали: 1. Столбец типографского набора. 2. Птица семейства тетеревиных. 3. Ископаемый уголь. 4. Озеро на Кольском полуострове. 6. Народная игра. 9. Комедия Д. И. Фонвизина. 11. Войсковое подразделение. 13. Вид литературного произведения. 14. Доставка багажа без перегрузок на промежуточных станциях. 19. Украинский музыкальный инструмент. 21. Искусственный водоем для рыб. 22. Город в Югославии. 25. Созвездие южного полушария неба. 26. Южное растение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали: 5. Индигирка. 8. Каллисто. 9. Эстафета. 10. Аккра. 13. Корсак. 16. Статуя. 18. Реометр. 19. Болеро. 20. Венера. 21. Смарида. 22. Грабин. 25. Танкер. 28. Нарва. 30. Бергамот. 31. Камертон. 32. Олимпиада.

По вертикали: 1. Лисичка. 2. Одетта. 3. Фреска. 4. Малахит. 6. Манго. 7. Отару. 11. Куропатка. 12. Репетилов. 14. Реплика. 15. Керосин. 16. Сервант. 17. «Теремок». 23. Рулет. 24. Инсаров. 26. Арсенал. 27. Ершов. 28. Неодим. 29. Абакан.

На первой странице обложки: Герой Социалистического Труда Н. Д. Рассказов — мастер доменной печи Макеевского ордена Ленина металлургического завода имени С. М. Кирова (см. в номере репортаж «Николай Дмитриевич»).

Фото А. Награльяна.

На последней странице обложки: На мормышку...

Фото Б. Кузьмина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

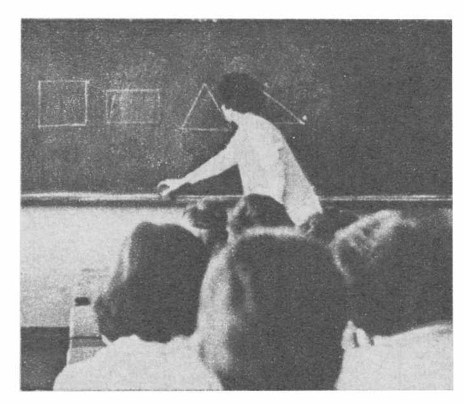
Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото—253-39-04; Оформления—253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 21/XII-71 г. А 00677. Подп. к печ. 4/I-72 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 55. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 2304.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

— Начнем с самого простого...

— Запишем задание.

ВТОРОЙ Р

Ю. КРИВОНОСОВ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

— Отрезок обозначается так!
— Так!

— Все совсем другое!

А нам-то каково!
◄

Мы пришли в «родительский первый класс» немного раньше, когда здесь еще были малыши, усердно склонившие над тетрадками свои светленькие, черненькие и рыженькие головы. На стенах класса висели плакаты с волшебными словами: «Здравствуйте, пожалуйста, спасибо, до свидания»; с правилами октябрят; со списками книг, которые следует читать первокласснику. Сколько нужно выучить, а главное, понять маленькому человечку, прежде чем научится правильно и умно смотреть на тот большой мир, который он наследует!..

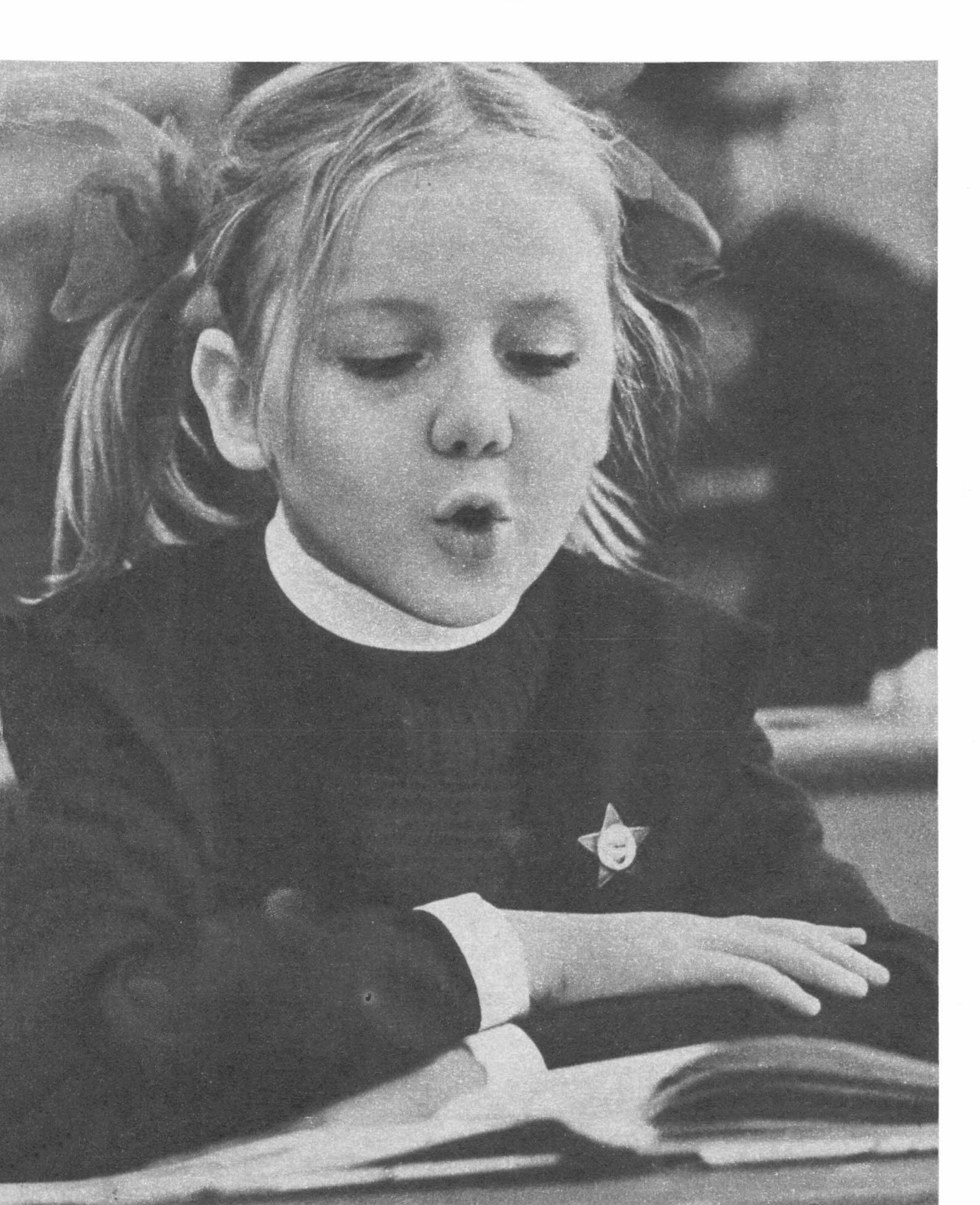
Известно, что родители учатся в школе дважды: сначала сами, а потом вместе со своими детьми, проходя вновь класс за классом. И все тут было нормально и более или менее просто.

Но сейчас школы перешли на новые программы, и родители с удивлением обнаружили, что первоклассники-то уже совсем не так учатся, вопросы задают какие-то «ненормальные», и вообще неизвестно, как им теперь помогать.

Казалось бы, ничего

Мамы, папы, бабушки и дедушки снова в первом классе.

АЗ В ПЕРВЫЙ КЛАСС

Тоже первоклассница.

кверху ногами не перевернулось, дважды два по-прежнему четыре, а детишки с родительской помощью стали хватать двойки. И выяснилось вдруг, что это вовсе не помощь, а помеха, и для начала родителям самим нужно в первом классе переучиваться наново. Тут, возможно, имеются различные подходы, но вот, например, в школе № 226 Свердловского района Москвы решили организовать для пап, мам, дедушек и бабушек, имеющих первоклашек, специальные занятия.

— Чтобы они нам детей не портили! А то мы объясняем так, а родители — иначе. Получается путаница,— рассказывает нам Нина Яковлевна Иванова, учительница 1-го класса «А».— Занятия с родителями мы проводим уже второй год, по субботам, один-два раза в месяц. Учим их методике работы по новой программе, объясняем, что будем рассказывать детям в ближайшие недели...

Новые программы направлены на то, чтобы научить ребенка в первую очередь понимать. Ведь теперь совсем небезразлично, что считать в задачке, скажем, зайцев или грузовики. Раньше этому особого значения не придавали, главное было научить считать. Сейчас за нас отлично считают ЭВМ, человек же обязан уметь логически мыслить, чтобы этой самой ЭВМ задавать работу. Потому-то малыш и должен мысленно видеть конкретных зайцев, не просто искать их сумму, а найти ответ задачи, что не одно и то же. Мысль человеческая нынче в большой цене, и учителю важно, чтобы ребенок усвоил не только порядок действий, но и получил подвижность мышления.

— Так это же трудно, им семь лет! — шумят родители, слушая объяснения Нины Яковлевны.

— Конечно, трудно,— отвечает она,— поэтому мы вас и собираем. Читают и пишут дети хорошо. А главная беда — нелады с математикой. Но без нее теперь ни медики, ни биологи, ни лингвисты обойтись не могут. Вот мы сейчас с ними начнем изучать такие геометрические понятия, как меры длины — дециметр, метр. Пусть они померят дома комнату, стол, кровать...

Мы представили себе, как в десятках квартир, вероятно, сегодня же начнутся измерительные работы и будет перемерено все, что только попадет под руку, и это будет хотя и смешно, но намного полезней, чем только чертить на доске отрезки прямых.

Другое время, новые задачи. Вот учительница раздает родителям тетрадки их детей для разбора контрольных работ, а тетрадки-то все в прозрачных обертках из синтетической пленки, которой и в помине не было, когда учились сами родители, и не было еще многих иных вещей и понятий, и нужно вот теперь снова ходить в первый класс и самим учиться понимать азы совсем по-другому, чтобы помогать, а не мешать и своему чаду и учителю...

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.

